

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»

Р.М. Ханинова

**РУССКАЯ И КАЛМЫЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX-XXI ВЕКОВ:
ЖАНР, КОНФЛИКТ, ГЕРОЙ**

Учебное пособие

Элиста 2018

УДК 821.161.1+821.512.37
ББК Ш33(2=411.2)6я73+Ш33(2= 643)я73
X 191

Ханинова, Р.М.

Русская и калмыцкая литература XX-XXI веков: жанр, конфликт, герой [Текст]: учеб. пособие / Р.М. Ханинова. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018. – 226 с. – ISBN 978-591458-269-9.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВО
«Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»*

ISBN 978-591458-269-9

Учебное пособие продолжает серию учебных пособий и хрестоматий кафедры русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета КалмГУ, направленных на изучение русской и калмыцкой литературы XX–XXI веков, в том числе в сравнительно-сопоставительном и сравнительно-типологическом аспекте. Шесть разделов издания знакомят со статьями преподавателей Элисты, Москвы, Якутска и студентов-бакалавров КалмГУ, а также с образцами выпускных квалификационных работ 2017–2018 учебного года, написанных под научным руководством к.ф.н. Р.М. Ханиновой, с художественными произведениями члена Союза писателей России Риммы Ханиновой и с их литературно-критическим анализом. Часть материалов публикуется впервые.

Издание адресовано студентам, магистрантам, аспирантам, учащимся, преподавателям в рамках изучения русской и калмыцкой литературы, литературного краеведения и журналистики.

Рецензенты:

доктор филологических наук,
профессор Северо-Кавказского федерального университета Л.И. Бронская;

доктор филологических наук,
профессор Северо-Кавказского федерального университета И.Н. Иванова

ISBN 978-591458-269-9

© ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова», 2018
© Ханинова Р.М., 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие разрабатывает традиционное научное направление кафедры русской и зарубежной литературы КалмГУ – исследование русской и калмыцкой литературы XX – XXI веков, в том числе в сравнительно-типологическом аспекте. Издание включает шесть разделов. В первом разделе даны две статьи Р.М. Ханиновой, адресованные, с одной стороны, современному русскому рассказу («Стул» Нины Садур), с другой – калмыцкой теме в русской лирике 1940-х гг. во время празднования 500-летнего юбилея героического эпоса «Джангар» в Элисте. Второй раздел знакомит с избранными выпускными работами, выпускников бакалавриата гуманитарного факультета очной и заочной формы обучения этого года на темы русско-калмыцких литературных связей и сопоставлений, написанных под научным руководством доц. Р. М. Ханиновой. Эти сочинения Елены Васильевны Конеевой, Ирины Сергеевны Бадмагоряевой, Ольги Петровны Авшеевой и Марии Сергеевны Боцаевой приведены в качестве примеров жанра ВКР. Это изучение русско-калмыцких литературных контактов в 1920-е и 1940-е гг. по страницам газет «Ленинский путь» и «Красная степь», а также темы депортации и ссылки в повести Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» и повести В. Хотлина «Осколки», фольклорной традиции волшебных помощников и предметов в повести-сказке Олега Манджиева «Приключения Эльзятки в мышинном государстве». Третий раздел представляет прозу Риммы Ханиновой 2015–2017 гг. в жанре рассказа из двух циклов «Военная быль» и «Сибирская быль», часть которых напечатана в журнале «Теегин герл», два рассказа публикуются впервые. Анализ этих произведений в четвертом разделе дает возможность увидеть авторские стратегии исследователей разных поколений, обратившихся к этим текстам писателя. Это статьи ученых из Москвы и Якутска – Ильи Борисовича Ничипорова и Оксаны Иннокентьевны Ивановой, вошедшие в сборники и материалы научных конференций, а также студента-бакалавра КалмГУ Елены Конеевой. Ее научные опыты в этом ракурсе в основном даны впервые. Пятый раздел посвящен отдельным стихотворениям Р. Ханиновой 2016–2017 гг. Новый перевод стихотворения «Запах полыни» осуществлен чеченским поэтом Адамом Ахматукаевым. В шестом разделе даны переводы Риммы Ханиновой из русской, белорусской и бенгальской поэзии.

Таким образом, учебное пособие способствует знанию, умению и владению студентами, магистрантами и аспирантами навыками научно-исследовательской работы в формате учебного процесса, а также написания докладов и статей для выступления и публикаций в научных семинарах, форумах, конференциях.

Р.М. Ханинова, к.ф.н., зав. кафедрой русской и зарубежной литературы ГФ КалмГУ, член Союза писателей России, поэт, прозаик, драматург, переводчик.

I. СТАТЬИ Р.М. ХАНИНОВОЙ

Поэтика вещи в современном русском рассказе («Стул» Нины Садур)

Аннотация. В статье рассмотрена поэтика вещи на материале рассказа Н. Садур «Стул» в аспекте концепции В.Н. Топорова. Три круга вещного мира: одежда, вещи ближайшего окружения и первой необходимости, комната/дом проецируют взаимоотношения человека и вещи, определяют аксиологические доминанты и константы мировоззрения персонажей рассказа писателя, демонстрируя драматизм их судеб.

Ключевые слова: современный рассказ, стул, зверь, ангел, поэтика вещи.

В. Н. Топоров, как известно, выделил в вещном мире человека три круга. «Одежда находится в непосредственном соприкосновении с человеческим телом, она его окружает (этимологически – поставлена о-круг (человека) <...> хранит его тепло, образуя первую, ближайшую зону иррадиации человеческого начала. Вещи ближайшего окружения и первой необходимости (стол, стул, постель, посуда, утварь и т.п.) образуют второй “вещный” круг, несущий на себе печать человеческого, а целое среды обитания – комната, дом – образует третий круг, обозначающий границу между внутренним и внешним пространствами деятельности человека» [1, с. 62].

В рассказе Нины Садур «Стул» (2012) уже с заглавия вводится вещь второго круга – ближайшего окружения и с печатью человеческого.

По словам В. Н. Топорова, «языковой тип имен вещей в ряде случаев поразительно тонко дифференцирует важное и неважное, первичное и вторичное, обязательное и факультативное, “свое” и “чужое” в мире вещей. Часто язык работает на той горячей грани, где возникают и/или используются вещи, едва поспевая за ними и пытаясь компенсировать ситуацию языковыми образованиями элементарных типов, ср. *стол – стлать, ложе – лежать (ложить), сиденье – сидеть...*» [1, с. 29].

Рассказ Н. Садур сразу начинается с вопроса: «Куда поставить стул?» [2]. Таким насущным вопросом задается старая героиня, безымянная, как и вторая героиня, ее дочь. Проблема в том, что все стены ее комнаты заставлены плотно. И в последующем перечне заявлен второй круг вещей: сервант, телевизор, шифоньер, диван-кровать, ножная машинка «Зингер». «Ни одного просвета. Но стул необходимо поставить. Стул не может стоять посреди комнаты. <...> Сегодня утром она увидела, стул стоит посреди комнаты, мешая ей ходить. Она стала думать, куда его поставить. За дверью был пустой кусок стены. Но тогда дверь открывалась не полностью и она не могла протиснуться ни в комнату, ни из комнаты. К серванту ставить было нельзя – закрывался доступ к будильнику. Ну не к телевизору же?! К шифоньеру то же самое – доступ закрывался. Можно было поставить к окну, а тогда невозможно подойти к нему вплотную и подглядывать из-под шторы за миром, посмеиваясь над его несуразностями.

Не могло быть и речи, чтобы вынести его в коридор или поставить в любые другие три комнаты» [2]. Так выясняется пространство третьего круга – комната не одна, есть еще три другие. «Богато обставленные, гордые, они пугали её какой-то безжизненностью. Так они и были безжизненны, ведь в них никто не жил! Она и не заходила в них. Только один раз, взять себе этот стул. Она еще тогда сказала”: Ну зачем нам такой большой стол и шесть стульев?” “У меня будет семья, у нас будут гости!” – ответили ей. Она встревожилась и забрала один стул себе. Теперь, по праву, он был её. Он принадлежал этой комнате со старой облупленной мебелью, сломанной ножной машинкой “Зингер” и окном в мир» [2].

Жизненное пространство старой женщины сузилось до одной комнаты и окна, а семья из двух человек – матери и дочери – умалилась до одной матери. Дочь в буквальном смысле постепенно была выжита матерью из второго круга и из третьего круга. Они сильно ругались по разным поводам: из-за одежды матери, не похудевшей, как говорила она, а из-за старости растянувшейся юбки, по уточнению дочери; из-за материнской еды, от которой она поправлялась, но дразнила дочь предложением вредной еды или нарочитым вопросом, можно ли съесть кусочек селедки; из-за слова «тубаретка», которое мать настойчиво произносила, чтобы позлить дочь; из-за мужа и любовника дочери, которые не выдержали «осады»; из-за возврата матерью дочерних подарков, упрекнувшей при этом ее в расточительности.

Показателен эпизод с «тубареткой». «Ещё она говорила: “Подвинь тубаретку”. “Во-первых, это стул, – начинала дочь дрожащим голосом, – во-вторых, табурет”, – заканчивала визгом. “Тубаретку подвинь”, – повторяла она, дослушав рыдание в голосе дочери. И ей становилось легче на душе. Когда-то она чуть не стала актрисой и детским врачом с белокурой коронкой на изящной головке. Но теперь она не хотела быть ни красивой, ни культурной, интеллигентной женщиной. Её увлекали простота и доступность её желаний. А дочь этого не понимала» [2].

Табурет – сиденье без спинки и подлокотников, но мать нарочно называет стул просторечным, искаженным словом «тубарет», понимая, что дочь будет злиться, зная, почему так переименован стул.

Неизвестно, кем по профессии была в прошлой жизни мать, но и в прежней, и в теперешней она манипулировала дочерью. «В малолетстве дочь была её рукой. Этой рукой она ощупывала мир. Сама боясь к нему приближаться, она посылала дочь в самые жгучие места... “Ну, что они тебе сказали?” – спрашивала она ласковым голосом и жадно вникала в детские запинки» [2]. И если в детстве девочка не понимала материнских каверз, то с возрастом реагировала на них, нервничая, с криком, что только развлекало мать. «Дочь кричала, а ей становилось весело» [2]. Особенно, когда дочь рыдала. Мать говорила дочери, что новый мужчина, который к ней ходит, – вор и обманщик. «”Ну какой же он вор! – кричала дочь. – Он научный сотрудник!” “Он украл мои ложки!” – парировала она. “Вот твои ложки! – рыдала дочь. – Ты ими съела моего мужа, теперь подбираешься к моему любовнику!”» [2].

Этот диалог демонстрирует, как мать добивается разрушения семейной жизни дочери, выдумывая несуразные обвинения в воровстве домашних вещей – ложек, обыкновенных, даже не серебряных. В подтексте это стремление матери уравнивать свою судьбу с дочерней судьбой по неизвестным причинам: то ли она была разведена с мужем, то ли родила ребенка для себя, когда его отец отказался быть с ними, в любом случае она сводит счеты с единственной дочерью, видя в ней источник своей жизненной неудачи. Недаром у дочери нет детей, а у ее матери – внуков.

«А однажды дочь отстала. Каверзы больше не кололи её, и в засады она не попадалась. И когда она нарочно спрашивала: “Можно мне кусочек селедки?” – дочь отзывалась бледным голосом: “Тебе можно всё”» [2]. Слово «всё» – форма определительного местоимения «весь», но в контексте субстантивируется, овеществляется и превращается в существительное. Иначе говоря, мать может теперь делать и говорить, что хочет, дочь уже смирилась с домашним деспотизмом.

Градация в изменении звуковых регистров дочери – от крика, визга, рыдания до бледного (то есть безразличного, равнодушного) голоса, затем молчания – показывает эволюцию отношений родных людей, все более отчуждающихся друг от друга.

Появление слова «засады» характеризует ситуацию охоты, где мать – охотница, а дочь – выслеживаемая постоянная дичь. От того, что к этой дичи со временем присоединялись другие объекты охоты, для охотницы-матери ничего не меняло. Главной жертвой оставалась дочь. Когда та пыталась найти общий язык с матерью, купив ей красивое, удачно скрадывающее полноту платье, флакон духов и брошь-цветок, это ничего не изменило, потому что не было диалога, а были вещи личного пользования, которые могли украсить безрадостную жизнь. И мать вернула с упреком: «Это для меня чересчур. Не трать такие деньги» [2]. Это переполнило чашу терпения. «В лице дочери мелькнула тень. Похожая на зверя. Но таких зверей на земле не бывает. Она проверяла. Она искала его у Брэма. Она его видела раньше. Видимо, во сне. Она восхищалась своими фантазиями. И тут удивилась: фантазия – зверь – воплотилась в реальности, мелькнув в лице дочери тёмной быстрой тенью» [2]. Символика тени в контексте сюжета – вторая, обратная сторона личности дочери. Темная сторона, которую она подавляла долгие годы, вырвалась из глубины, но тут же исчезла: поэтому автор акцентирует быстроту появления и исчезновения тени. Казалось бы, эпитет «тёмный» по отношению к понятию «тень» избыточный, поскольку тень сама по себе не прозрачна, это отражение, другое «я» или душа. По К.Г. Юнгу, тень – примитивная и инстинктивная стороны личности. В подтексте рассказа Н. Садур – это, во-первых, тень зверя, во-вторых, проявление инстинкта самозащиты со стороны загнанной матерью дочери, когда зверь пытается огрызаться, чтобы спастись.

Ситуация охоты подразумевает динамику преследования – погони, добычу зверя как триумф охотника. «Охотник – это архетипический персонаж,

символизирующий поиск мимолетных ощущений и пути собственного спасения, а также постоянного движения во имя сохранения силы воли...» [3, с. 313].

Иммунитет дочери исчерпан. «С того дня дочь стала как-то исчезать, растворяться, пока не исчезла совсем. Ей рассказывали, что дочь видели – как она роется в помойках, её едва узнали. Но и там, неузнаваемая, она постепенно таяла, таяла и растаяла совсем.

И она про дочь забыла» [2].

Детали исчезновения дочери показательны: мать перестала обращать на нее внимания, потому что пропал азарт охоты – жертва сдалась, смирилась, уже не интересна, как добыча. И дочь вышла из третьего круга – из комнаты, из дома, где она никому не нужна. Внешний мир также враждебен к той, которая потеряла смысл жизни. Соседство помойки в этом плане символично. Дочь стала отработанным сырьем, никчемной вещью.

Семантически значимым является и первый вещный круг в рассказе – одежда матери: юбка и два платья, которые она постоянно расставляет, так как поправляется и не вмещается в прежние вещи. Эта трансформация одежды – знак деформации ее носителя. Поэтому мать отказывается от дочерних подарков, которые могли бы украсить ее, сознавая бесполезность таких усилий.

Второй вещный круг в жизни главной героини связан с ее «утекающей» жизнью – старая облупленная мебель, сломанная ножная машинка, на которой она не умела шить. Героиня пытается вспомнить, где стоял стул до того, как она не наткнулась на него. И не могла вспомнить. Захотела смеяться, как смеялась всегда, когда ей было страшно, и не смогла. Впервые появляется в тексте слово «мука» с определениями – настоящая, накопившаяся и пламенная мука. Расшифровки нет. Но можно увидеть этот шифр в подтексте. «Она была хитра и решила просто сесть на стул. Чтоб он не был таким пустым. Сесть на него» [2]. Стул стал символом пустоты в жизни главной героини рассказа. Поэтому она подсознательно пытается заместить эту пустоту, скрыть ее. «Да что же я встать-то не могу? – опять с шуткой в голосе произнесла она. – Мне ведь нужно поставить стул» [2]. Туда, где не может ей мешать. Стул теперь в центре комнаты, мешает ей ходить. А теперь она и встать не может с диван-кровати. Ее жизненное пространство умалается до одной вещи, доступной ей. Эта вещь также семантична и символична: это трансформер – диван и кровать одновременно, в собранном и раскладном виде. Она в том же значимом для понимания идеи произведения ряду: трансформация вещного мира, семьи, жизни.

Впервые в рассказе Н. Садур у главной героини искренние эмоции – слёзы. Именно тогда она увидела в комнате семилетнюю девочку, в которой узнала себя. И вспомнила свое детство, когда ослепла из-за голода, и тогда, «в ослепленном мире, впервые мелькнул этот зверь. Она вся оледенела от его небывалого вида. Но зверь стал смешно подпрыгивать, и она вначале улыбнулась, а потом рассмеялась – зверь рассмешил слепого ребёнка, де-

вочку семи с небольшим лет, и она подумала: “Вот, я, слепая, а у меня открылась богатая фантазия”. А потом и зрение вернулось, и фантазия осталась с ней. Зверя она больше не видела, но смешные прыжки ощущала часто и поэтому много смеялась» [2]. Смех становился защитной реакцией на страх жизни. А первоначальный свет восхищения жизнью исчез.

И вот теперь старая женщина увидела свет восхищения в глазах девочки, стоящей перед ней, с огненными крыльями. «”Значит, у них наши лица, – поняла она, – наши, когда мы были первоначальными детьми. До ослепления. Теперь всё. Всё будет. Всё будет правильно”, – поняла она» [2].

Мотив слепоты, как отсутствия зрения, потери жизненных ориентиров и ценностей, становится маркером жизненного пути главной героини. Она смотрела, но не видела.

Цвет крыльев девочки-ангела – не белоснежные, а огненные – семантически окрашен. Это солнечная символика пламени с концептами жизни и здоровья, духовной энергии, очищения. «Пройти через огонь – означает прийти к равновесию внутри самого себя» [3, с. 297-298].

«И ангел взял стул и поставил его на место.

– Спасибо, – прошептала она и закрыла глаза с восхищением» [2].

Возвращение к детству, когда дети – ангелы, потому что безгреховны, восхищены миром, возвращение к истокам жизни, завершает повествование Н. Садур. Умирая, старая женщина, прозрела, поняла, что многое в ее жизни было неправильно.

Характерна эта неопределенность в отношении стула, который ангел поставил на место. На какое? На прежнее? На другое?

Характерна благодарность умирающей героини: стулу нашлось место, которое его хозяйка не нашла при жизни.

По словам В.Н. Топорова, «”человеческое” в вещи – в той ауре духовности и душевности, которыми человек добровольно и свободно делится с вещью, как бы умаляясь и снисходя к ней. Условия соглашения определяются самим актом передачи “человеческого”: вещь выигрывает в том отношении, что “заражается” человеческим, приобретая новое “вневещное” измерение помимо исходного фонового “вещного”, человек выигрывает в том, что распространяет “человеческое” и вне себя с тем, чтобы и вещь могла теперь свидетельствовать о нем и с большим правом включиться в процессы формирования ноосферы» [1, с. 29].

Стул в рассказе Н. Садур свидетельствует о взаимоотношениях людей, утративших духовное и душевное, разрушающих себя и окружающий мир. Вещь переживает человека. Стул как сиденье для коммуникации людей теряет в контексте произведения современного писателя прямую свою функцию, выявляя отсутствие связи вещи с человеком.

Таким образом, три вещных круга в мире двух героинь рассказа Н. Садур манифестируют их место и значение в жизни людей, семантику и символику, аксиологию мира людей и вещей.

Список литературы

1. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – С. 7-111.
2. Садур Н. Стул // URL: http://www.medved-magazine.ru/articles/article_970.html (дата обращения 7.11.2017 г.).
3. Кирло Х. Словарь символов. – М.: Центрполиграф, 2007.

Калмыцкая тема в лирике русских поэтов (А. Гатов, А. Решетов, В. Лозин)

В сентябре 1940 года в Элисте был проведен VIII юбилейный пленум Союза писателей СССР в связи с празднованием 500-летия калмыцкого героического эпоса «Джангар». Гостями калмыцкой столицы стали известные ученые и писатели из разных республик и краев советской страны во главе с ответственным секретарем Президиума СП СССР А. А. Фадеевым.

В торжествах приняли участие московские и ленинградские поэты. Некоторые из них сразу написали стихи, посвященные памятной событию. Три стихотворения Александра Гатова, Александра Решетова и Валентина Лозина, опубликованные в республиканской газете «Ленинский путь» в сентябре-октябре того же года, отразили знакомство со степным краем, ее историей, культурой и народом. История и современность, фольклор и литература, флора и фауна степи, дружба народов, пушкинская традиция послания «Калмычке» – в центре внимания поэтов. Поездки по калмыцкой степи, знакомство с ее народом, обычаями и традициями, научные доклады, концерты мастеров искусств Калмыкии, исполнение эпоса «Джангар» известными сказителями, стихи калмыцких авторов, йорялы-благопожелания – все это впечатлило гостей и немедленно воплотилось в стихотворных строках. А. Гатов из Москвы, А. Решетов и В. Лозин из Ленинграда впервые посетили степной край.

Александр Борисович Гатов (1899 – 1972), поэт, переводчик, литературовед, печататься стал еще в 1916 году. До 1940 года – автор 5 стихотворных книг («Барельефы из воска», Пг., 1918; «Стихи», М., 1932; «Книга стихов», М., 1933; «Закон тяготения», М., 1936; «Стихи», М., 1939), переводил европейских поэтов, поэтов союзных и автономных республик СССР. Его стихотворение «Привет Элисте!», написанное во время пребывания на калмыцкой земле с указанием под текстом: г. Элиста, сентябрь 1940 г., напечатано в газете «Ленинский путь» 10 сентября 1940 года (11 сентября гости разъехались по домам). Текст состоит из четырех строф-четверостиший, написан четырехстопным хореем с перекрестной рифмовкой и чередованием мужской и женской рифм. Название стихотворения сразу передает радостный настрой автора, соединившего в своем послании русскую и калмыцкую традицию – благопожелание (русский йорел): «Элиста, прими

йорел / Русский мой» [1, с. 2]. Поэт подчеркнул, что раньше не был здесь: «Воображая, / Часто карту я смотрел, / Часто думал – ты какая?» [1, с. 2]. Близкое знакомство со степным краем и ее народом не разочаровало автора: «Я узнал тебя, и мне / Дороги калмыки-братья / И по сердцу, и по платью / В мирный час и на войне» [1, с. 2]. Упоминание войны относится в контексте к гражданской войне в России, потому что этот мотив будет уточнен далее в 4 строфе стихотворения. Тема дружбы народов акцентирована А. Гатовым в общей характеристике цветущей советской страны, где в труде и в бою почет ее достойным гражданам. «Наша вся страна цветет, / И в труде равновеликом, / И в боях один почет / Русским, финнам и калмыкам» [1, с. 2]. Гость связал прошлое, настоящее и будущее степняков – героизм богатырей Джангара и его потомков: «Джангра доблесть узнаю. / Было так и будет снова – / Люди Городовикова / В ворошиловском строю» [1, с. 2]. Включение исторических имен современников, полководцев гражданской войны Оки Ивановича Городовикова (1879–1960) и Климента Ефремовича Ворошилова (1881–1969), также демонстрирует, по мысли автора, общность единой судьбы калмыцкого и русского народов в борьбе за советскую власть. Стихотворение А. Гатова написано в духе времени с прославлением политического строя, героики боев за государство рабочих и крестьян. Личностной интонацией отмечены первые две строфы текста.

Стихи ленинградских поэтов А. Решетова и В. Лозина отличаются от творения А. Гатова лиричностью, задушевностью, самоиронией, пушкинской традицией послания «Калмычке». Оба текста напечатаны в одном октябрьском номере газеты «Ленинский путь» в том же году, то есть написаны были уже за пределами республики.

Александр Ефимович Решетов (1909 – 1971), поэт, вступил на литературный путь в 1927 году. Ко времени приезда в Калмыкию он автор первого своего поэтического сборника «Так мы живем» (М., 1931), многих публикаций в печати. По признанию поэта, «его стихи, биографичные в своей основе, писались по душевной потребности. В биографии поэта преломились пути, которыми приходили в литературу Б. Ручьев, Б. Корнилов, О. Берггольц, Я. Смеляков и др. Судьба и духовный мир поколения, начинавшего свой путь на индустриальной новостройке и в колхозе, прошедшего через Великую Отечественную войну и вступившего в послевоенную пору, преломились в поэтическом творчестве Решетова» [5, с. 188].

Первое из двух стихотворений ленинградцев имеет две неравных строфы, в первой строфе – 6 строк, во второй – 7 строк. В первой строфе первая и пятая строки – это анафора синтаксического типа, повторяющая название стихотворения, написанного пятистопным ямбом за исключением последних двух строк (двустопный ямб). Текст Решетова при публикации отмечен: «Ленинград. 1940 г.». Название стихотворения «Когда я был в Калмыкии степной» передает хронотоп воспоминаний поэта: «Когда я был в Калмыкии степной, / Плясал скакун каурый подо мной. / Но прыть его степная не по мне, / Так стоит ли грустить о скакуне?» [4, с. 4]. Отдав дань степной экзо-

тике, скорее в своем воображении, чем на деле (вряд ли автор гарцевал на коне), Решетов поведал о калмыцкой водке, используя безэквивалентную лексику (арза): «Когда я был в Калмыкии степной, / Нас угощали крепкою арзой» [4, с. 4]. Дегустация неведомого до тех пор гостю угощения пришла ему по вкусу: «Друзьям-калмыкам я сказал в глаза: / – Одно добро – что водка, что арза» [4, с. 4].

В последних пяти строках аллюзия на пушкинское стихотворение «Калмычке» (1829) – встреча с калмычкой и послание ей. В отличие от классического текста Решетов уточнил адресат – это девушка из Элисты. «Когда я был в Калмыкии степной, / Для элистинской девушки одной / Придумывал я шутки посмешней... / И ей смеяться, / Мне грустить о ней...» [4, с. 4]. Как и Александр Пушкин-поэт, Александр Решетов-поэт был пленен красотой калмычки, вступил с нею в диалог, посвятил стихотворение. Несмотря на то, что в этом послании нет описания восточной красавицы, как у предшественника, молодая калмычка несомненно хороша, обладает чувством юмора, раскована в эмоциях (смеется). При этом поэт XX века не претендовал на творческую переключку с посланием великого классика. Это подтверждает название его стихотворения «Когда я был в Калмыкии степной».

У Гатова словосочетание «калмыки-братья» передавало дружбу народов, у Решетова словосочетание «друзья-калмыки» – близкую дистанцию общения между хозяевами и гостями, у Лозина – романтический дискурс («друзья-богатыри»).

Стихотворение Валентина Лозина (1906 – ?), автора нескольких поэтических сборников к тому времени («Объявление войны», М.-Л., 1931; «Простор», Л., 1938; «Здесь я живу», Л., 1940), имеет общий адресат, судя по названию: «Калмыцким девушкам». Оно не делится на строфы, написано пятистопным ямбом, с перекрестной рифмовкой и чередованием женской и мужской рифм.

Отдав дань приветствия, как А. Гатов, вначале степной столице, автор подчеркнул в своем поэтическом хронотопе осенний период, ночь. «Какая даль простерта предо мною, / Как эта ночь осенняя чиста. / Со всех сторон озарена луною / Калмыцкая столица Элиста» [2, с. 4]. Далее его стихотворение во многом перекликается со стихотворением А. Решетова: здесь также романтика кочевья, но лирический герой не скрывал, что только воображал себя джигитом на белом коне, скачущим к друзьям-богатырям. «Казалось мне: / Что я рожден джигитом, / Что я скачу к друзьям-богатырям. / Мой белый конь, вздымая пыль копытом, / Несет меня, как Джангара, по степям» [2, с. 4]. Связь с праздником героического эпоса отзывается в стихотворении ленинградца сравнением с Джангаром, как в стихотворении А. Гатова «Привет Элисте!» («Джангра доблесть узнаю»).

Если у Решетова каурый конь под всадником, то у Лозина – это уже белый конь. Вероятно, автору была известна семантика и символика белого цвета для калмыков, поэтому в своем воображении он рисовал себе почетную и сакральную масть скакуна. Сравнивая себя с кочевником-джигитом,

лирический герой ленинградца вынужден самоиронично признать, что он далеко не богатырь: «Но путь воображенья был недолог, / Не богатырь я. / Что тут говорить» [2, с. 4]. Шутливой компенсацией для автора стихотворения стал девичий плен: «Глаза степных смуглянок-комсомолок / Меня сумели сразу покорить» [2, с. 4]. Примета времени в уточнении – девушки-комсомолки.

Как у Решетова, так и у Лозина в произведении нет подробного портретного описания степнячек, но есть указание на их смуглость. Цвет и разрез глаз калмычек также не детализирован, но это безоговорочная победа красоты над поэтом. «И, побежденный девушками Юга, / – “Тут нет беды”, – сказал я сам себе» [2, с. 4].

Вслед за Пушкиным современный автор верил в то, что жизненные пути не случайны, что судьбы людей взаимосвязаны: «Пусть память, как сходились тесным кругом, / Теперь живет в моей и в их судьбе» [2, с. 4]. И если поэт XIX века прощался с калмычкой («Прощай, любезная калмычка»), то поэт XX века прощался со степным краем: «Прощайте, степи, / Древние курганы. / Меня давно иные ждут края» [2, с. 4]. В то же время В. Лозин выразил надежду, что, может, вновь вернется – весною, в мае, в пору цветения тюльпанов: «Наступит май, / Пусть расцветут тюльпаны, / Быть может, вновь сюда приеду я» [2, с. 4].

Вернулись эти русские поэты к читателям Калмыкии той же осенью своими стихами, в которых не только искренняя благодарность хозяевам за гостеприимство, но и поэтическая традиция калмыцкой темы в русской литературе.

Эта традиция была продолжена позднее, уже после Великой Отечественной войны, в 1960-е годы во время Дней российской литературы в Калмыкии. Назовем, прежде всего, «калмыцкие стихи» московского поэта Ярослава Смелякова (1913 – 1972) [6, с. 9-10], написанные также после встреч на калмыцкой земле в мае 1968 года [8, с. 9-10], некоторые из них были переведены на калмыцкий язык поэтами Санджи Каляевым, Басангом Дорджиевым, Михаилом Хониновым [7, с. 3], Владимиром Нуровым.

В начале XX века первое обращение к калмыцкой теме в советской поэзии – это поэма пролетарского поэта Егора Нечаева «Сургуль – всё» (1922) [3], посвященная калмыцкому писателю Антону Амур-Санану, с которым автор познакомился и подружился в Москве [9, с. 87-92].

Таким образом, три стихотворения русских поэтов из Москвы и Ленинграда Александра Гатова («Привет Элисте!»), Александра Решетова («Когда я был в Калмыкии степной») и Валентина Лозина («Калмыцким девушкам»), написанные в сентябре-октябре 1940 года и опубликованные тогда же в республиканской газете «Ленинский путь», отразили непосредственные впечатления авторов от встреч на калмыцкой земле, свидетельствуя о русско-калмыцких литературных связях, о дружбе народов страны.

Список литературы

1. Гатов А. Привет Элисте! // Ленинский путь. – 1940. – 10 сентября. – С. 2.
2. Лозин В. Калмыцким девушкам // Ленинский путь. – 1940. – 19 октября. – С. 4.
3. Нечаев Е.Е. Сургаль – всё. – М., 1922.
4. Решетов А. Когда я был в Калмыкии степной // Ленинский путь. – 1940. – 19 октября. – С. 4.
5. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т. / Под ред. Н.Н. Скатова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 3. П-Я.
6. Смеляков Я. Би теңгрин уйдлар йовхв // Хальмг үнн. – 2002. – Ноябрь 22. – Х. 3.
7. Смеляков Я. Пиала. Любезная калмычка. Девятое мая // Теегин герл. – 1968. – № 4. – С. 9-10.
8. Ханинова Р.М., Маргушина Д.В. «Калмыцкие стихи» Ярослава Смелякова в аспекте диалога культур // «Русская литература XX – XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)»: V Международная научная конференция; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 8-9 декабря 2016: Материалы конференции. – М.: МАКС Пресс, 2016. – С. 75-79.
9. Ханинова Р.М. Поэтика русской и калмыцкой литературы XX века: проза, поэзия, драматургия: учеб. пособие. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017.

II. ВКР

Р.М. Ханинова, Е.В. Конеева

«РУССКО-КАЛМЫЦКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНТАКТЫ 1920-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ СТЕПЬ»)»

Введение

Калмыцкая автономная область вначале входила в Нижневолжскую область (1920–1935), что определило тесные связи калмыцких и русских литераторов.

Влияние революционных событий 1917 года на судьбы народов Российской империи прослеживается в русской литературе 1920-х годов, в том числе в творчестве калмыцких и астраханских журналистов и писателей.

«Областные газеты, публикуя стихотворения, очерки, фельетоны, небольшие рассказы-зарисовки, статьи корреспондентов, во многом активизировали их литературно-художественную деятельность, помогали в формировании литераторов-профессионалов», – справедливо отметил В.Д. Пюрвеев [32, с. 10].

В выступлениях мастеров культуры, напечатанных в газетах «Улан хальмг»–«Красный калмык» (1920–1926 гг.), «Красная степь» (1926–1929), «Тангчин зяңг»–«Областные известия»(1927–1935 гг.), «Улан баһчуд»–«Красная молодежь» (1930–1941 гг.), «Ленинэ ачнр»–«Внучата Ленина» (1934–1941 гг.), в общественно-политических и литературно-художественных журналах «Жизнь национальностей», «Калмыцкая степь», «Ойратские известия», «Мана келн»–«Наш язык» (1928–1935 гг.), «На культурфронте», «Улан туг»–«Красное знамя» (1937–1942 гг.) утверждались позиции литературы и искусства социалистического реализма.

Эти издания сыграли неоценимую роль в борьбе против пережитков, мешавших экономическому, культурному и духовному развитию Калмыкии.

Тема русско-калмыцких литературных взаимосвязей 1920-х годов в региональном аспекте (Астраханская область – Калмыкия) не привлекала особого внимания в отечественном литературоведении за исключением отдельных упоминаний в работах общего характера. Например, в статье В.Д. Пюрвеева «Литературное движение 20-х годов в Калмыкии» (1980). Воспоминания К. Ерымовского «Путешествие в Калмыкию» – ценный источник информации для исследователя, поскольку он, активный участник этих астраханско-калмыцких литературных связей, стоял у истоков это творческой дружбы как журналист и писатель.

Другой период таких контактов 1960-х годов нашел отражение в статьях и учебном пособии Р.М. Ханиновой и Д.А. Ивановой «Русско-калмыцкие литературные связи XX–XXI веков в диалоге культур» (2016) на основе газетно-журнальных материалов и архивных сведений из Астрахани и Элисты, встреч писателей (Морхаджи Нармаева, Давида Кугультинова, Лиджи Инджиева, Хасыра Сян-Белгина, Михаила Хонинова, Николая Поливина, Юрия Кочеткова, Александра Грекова, Федора Субботина и других) в формате Дней литературы. Особенностью этих контактов стала и обоюдная переводческая деятельность литераторов.

Начальный контакт 1920-х годов характеризовался в большей степени обращением к калмыцкой теме в разных жанрах со стороны астраханских литераторов, прежде всего в прозе и лирике. Калмыцкие коллеги в значительной мере ориентировались на классическую и современную русскую литературу.

Научная новизна и актуальность вызвана малоизученностью данной темы.

Объект исследования – проза и лирика избранных астраханских литераторов, опубликованная на страницах областной газеты «Красная степь» в 1926–1927 годах.

Предмет исследования – региональный компонент в русской литературе: калмыцкая тема в художественных произведениях писателей-астраханцев в формате газетных публикаций в «Красной степи» (1926–1927).

Материал исследования – рассказ и очерк Антона Болотного («Пасту-

шонок Бембе», «Извечная злоба»), стихотворения Виктора Винникова («Простой случай», «Партархив», «Песня про штыки и пули»), повесть Михаила Запрудного («Алагирь»), а также воспоминания современников, труды по калмыцкой печати Р. Дякиевой, А. Романова.

Цель исследования – изучение русско-калмыцких литературных связей в региональном аспекте на примере художественных произведений в газете «Красная степь» 1926–1927 годов.

Задачи исследования:

- 1) рассмотреть историю газеты «Красная степь» в ракурсе организации калмыцкой печати в 1920-е годы;
- 2) выявить своеобразие русско-калмыцких литературных контактов указанного периода в региональном аспекте: Астраханская область и Калмыкия;
- 3) изучить калмыцкую тему на примере избранных художественных произведений, опубликованных в «Красной степи».

Методология исследования: историко-функциональный, сравнительно-сопоставительный методы.

Труды немногих предшественников по теме В. Пюрвеева, К. Ерымовского, Р. Ханиновой и Д. Ивановой, Р. Дякиевой, А. Романова определили направление нашей работы.

Региональный компонент литературных контактов 1920-х годов на базе областной газеты «Красная степь», впервые рассмотренный в нашей работе, обусловил ее *теоретическую значимость*.

Это в свою очередь доказывает *практическую значимость* исследования.

Введение, две главы, заключение, список литературы структурируют наш труд.

Параметры исследования указаны во Введении.

Первая глава «Русско-калмыцкие литературные связи 1920-х годов: Астраханская область и Калмыкия» включает два параграфа. В первом параграфе история калмыцкой печати рассмотрена на примере областной газеты «Красная степь». Обзор русско-калмыцких литературных связей в региональном компоненте представлен во втором параграфе.

Вторая глава состоит из трех параграфов, в которых анализ художественных произведений избранных трех писателей-астраханцев.

Основные выводы работы даны в Заключении.

Глава первая.

Русско-калмыцкие литературные связи 1920-х годов:

Астраханская область и Калмыкия

1.1. История калмыцкой печати: газета «Красная степь» (1926–1929)

Калмыцкая печать динамично развивалась вместе с образованием автономной области. Были выделены средства для создания полиграфической

базы и налажена подготовка полиграфистов из представителей коренной национальности.

«Наконец, 3-го декабря 1920 года вышла первая массовая общественно-политическая газета “Улан хальмг”. До февраля 1921 г. она была органом ЦИКа автономной области, так как местная партийная организация не была еще организационно оформлена. С февраля 1921-го года она стала органом обкома РКП(б), ЦИКа автономной области, а позже и органом областного совета профессиональных союзов», – писала Р.Б. Дякиева [10, с. 9].

Публикации были на русском и калмыцком языках, располагались вразброс – это вызывало сложности в восприятии. Тексты на калмыцком языке набирались шрифтами заяпандитской письменности и встречались на всех полосах газеты.

Главным препятствием в работе редакции «Улан хальмг» («Красный калмык») было отсутствие средств связи с населенными пунктами, и поэтому газета практически не доходила до читателя. Для расширения аудитории были приняты меры.

В 1926 году по решению бюро обкома «Улан хальмг» была переименована в газету «Красная степь», первый выпуск которой вышел 17 сентября 1926 года.

В наследство от газеты «Улан хальмг» еженедельная газета «Красная степь» (с 1-го ноября – 2 раза в неделю) получила накопленный опыт работы, связи с рабселькорами, удовлетворительную материально-техническую базу.

В передовой статье первого номера «Ближе к читателю, ближе к газете» читатели знакомятся с целями и задачами, которые ставит перед собой газета: «”Все начинания, успехи, недочеты в нашем строительстве должны находить отражение на страницах нашей газеты... Мы ставим перед собой и нашими читателями задачу широкого распространения и большой крепкой связи с ее читателями. Трудовой калмык должен иметь свою газету. Мы добьемся, чтобы газета была в каждой кибитке”, – такую сложную задачу ставит перед собой редакция. В то время доля неграмотного населения составляла большинство, и ростки новой жизни пробивались с трудом, люди – простые кочевники еще не освободились из плена пережитков прошлого» [цит. по: 10, с. 10].

«Красную степь» редактировали в разное время видные общественные деятели и литераторы: А. Загорянский (1926 – 1927), Б. Майоров (1927 – 1928), А.Ч. Чапчаев (1928), У. Илишкин (1929 – 1930).

Основные функции средств массовой коммуникации в период становления нового общества – это информация, образование, создание общественного мнения и воспитание – находят свое отражение в данной программе, выдвинутой редакцией.

Газета не может существовать без живого отклика читателей, только при активном сотрудничестве читателей, граждан работа печатного издания может быть эффективной. Поэтому коллектив газеты последовательно приоб-

щает к своему делу рядовых читателей, находя сторонников среди жителей степного края. Редакция использовала любые возможности для того, чтобы рассказать о газете и привлечь внимание общественности к рабселькоровскому движению.

Сложность, с которой сталкивалась газета, была технического характера: удаленность газеты от своего читателя – газета издавалась далеко от калмыцких улусов, в Астрахани. Связь со своими читателями из отдаленных уголков редакция поддерживала через студентов-калмыков, обучавшихся в Астрахани; из писем родных они знали, как идет строительство новой жизни в калмыцкой степи. По заданию редакции студенты доставляли корреспонденции на злободневные темы, так помогали они своим землякам бороться с фактами бюрократии, чиновничьей волокиты, бездействия.

По воспоминаниям Константина Ерымовского, «в 1927–1928 годах в Астрахани издавалась газета “Красная степь”. Ее редакция со всеми отделами размещалась в двух небольших комнатах.

Газета была своеобразная – издавалась она вдалеке от своего читателя. Связи газеты с улусами были эпизодическими. Бывало, приедут в Астрахань из степи делегаты на съезд – и в редакции поток новостей. В обычные же дни корреспондентами являлись работники учреждений, слушатели советско-партийной школы и студенты педагогического техникума. Студенты были особенно активны: находясь большую часть года в городе, они тем не менее доставляли злободневные корреспонденции о степной жизни. Их осведомленность объяснялась просто: от родных и друзей они получали с просьбами “протянуть” в газете какого-либо бюрократа или волокитчика, в этих письмах сообщались и новости: там-то началось укрепление песков, там-то построили колодец, а в другом месте открылся медицинский пункт. Словом, новости были интересные и вполне достоверные. В редакции студентов в шутку называли “городскими селькорами”» [12, с. 8-9].

Таким образом, «газета и встречи с людьми бывальными давали некоторое представление о действительной жизни калмыков и о переменах в их быту. Вот газетная хроника тех дней: выбор мест для устройства поселков и колодцев; калмыцкая молодежь в саратовском рабфаке; первая судья калмычка; открытие драматической студии; “Красные кибитки” в кочевых улусах (по образцу “Красных юрт”); калмыки – студенты института восточных языков...», – позднее писал К. Ерымовский в записках литератора «Путешествие в Калмыкию» [12, с. 18].

Недавняя столетняя годовщина Великой Октябрьской революции – хороший повод вспомнить о том, как событие, явившееся переломным для всего народа и национальных меньшинств, коренным образом изменило жизненный уклад калмыков, их приоритеты и ценности.

Свидетельством тому является тематика публикаций в газете «Красная степь», одном из первых периодических печатных изданий Калмыкии. В числе опубликованных писем встречались корреспонденции, вскрывающие недостатки в деятельности коопераций, товариществ, также материалы, раз-

облачающие факты бюрократизма, инертности, бумажной волокиты работников органов власти.

«Сигналы, корреспонденции рабселькоров не оставались без внимания контрольной комиссии, рабоче-крестьянской инспекции, суда и прокуратуры. Как правило, по их выступлениям принимались необходимые меры, и редко кто-либо из руководителей предприятий, учреждений и организаций осмеливался не дать ответ по существу поднятого вопроса. Знали: дело не оставят без внимания, не ограничатся печатным словом, проверят, примут меры» [33, с. 107].

Газета оперативно откликалась на события, которые происходили в экономической, культурной жизни, затрагивала наиболее важные проблемы партийного и советского строительства.

На страницах газеты, в разных ее отделах читатели могли узнать о событиях в улусах и аймаках: например, первый трактор в степях Приманычья, запуск электрической станции в ставке Башанта, снижение цен на промышленные товары, создание киносценария «Мудрешкин сын» по повести «Оруд» А. М. Амур-Санана, ликвидация «технической» (не могли читать и писать) и политической безграмотности среди коммунистов, комсомольцев и беспартийных в школах ликбеза (ликвидация безграмотности).

Очерки о героях гражданской войны занимали особое место на страницах газеты. «Красная степь» каждой своей строкой воспитывала в своих читателях чувства интернационализма, патриотизма, формировала в них гражданские качества, создавала морально-политическое единство советских людей.

Важное место на полосах «Красной степи» занимал отдел сельского хозяйства, выделяющийся «Письмами крестьян».

Критические материалы, требующие срочного вмешательства улусных и областных организаций, публиковались зачастую под псевдонимами – «Заноза», «Язва», «Один из двух» и т.п. В 1926–1928 годах наблюдается обилие псевдонимов.

Позднее на основе писем крестьян был создан сатирический уголок «Гирлигом», подвергавший осуждению явления, тормозящие строительство нового общества – бюрократизм, бездействие чиновников.

Газета вела широкую кампанию за раскрепощение женщин в быту, за приобщение их к общественной деятельности, к учебе, партийной работе.

Редакция «Красной степи» нашла удачную форму борьбы с пережитками прошлого, заставив работать на эту злободневную тему такой раздел, как «Происшествия».

В «Красной степи» на хорошем уровне велся международный отдел. Читатель знакомился с жизнью планеты, узнавал о проблемах трудящихся других стран.

Кроме статей, корреспонденций публиковались также путевые очерки, литературные обозрения, рассказы, приключенческая повесть с характерным для такого жанра стремительным развитием действия.

Именно в «Красной степи» впервые были опубликованы отрывки из калмыцкого эпоса «Джангр» в переводе на русский язык.

Несмотря на трудности, газета создала сеть корреспондентов из числа слушателей советской партийной школы, студентов педагогического техникума, работников советских учреждений.

На страницах газеты была налажена регулярная публикация писем и корреспонденций, публиковались ответы на поставленные вопросы и отчеты редакции об использовании рабселькоровских материалов.

Число активистов-внештатников, сторонников советской печати, выросло благодаря работе редакции «Красной степи». В октябре 1926 года постоянно пишущих в газету было только 30 человек, а в марте 1927 года число ее авторов возросло до 300 человек.

5 мая 1927 года «Красная степь» отчитывалась в редакционной статье перед читателями. Из 1500 полученных писем опубликовано 1050, ответ дан на 320 писем, факты остальных проверяются. Таким образом, связь газета – читатель не оставалась односторонней. По следам многих выступлений приняты были меры, то есть существовала обратная связь.

«Газета широко предоставляла свои страницы для литературных произведений. В ней выступали астраханские журналисты и литераторы» [12, с. 9].

Именно из рабселькоровского движения в журналистику, затем в большую литературу пришли многие писатели: один из основоположников калмыцкой советской литературы Нимгир Манджиев, народные поэты Калмыкии Аксен Сусеев, Хасыр Сян-Белгин, русские писатели Константин Ерымовский, Виктор Винников, Михаил Запрудный и другие.

При редакции «Красная степь» была образована первая в истории калмыцкого народа самостоятельная писательская организация – КАПП (Калмыцкая ассоциация пролетарских писателей).

Рабселькоровское движение приобщило их к общественной жизни, к борьбе против старого, отжившего.

Представители подрастающего поколения, в особенности студенты, активно боролись за распространение газеты, предлагали подписаться, а порой даже выписывали ее для других за свои же средства. Крестьянам и рабочим она обходилась в 40, служащим в 50, учреждениям в 60 копеек в месяц. Чем продолжительнее срок подписки, тем ниже цена.

К октябрю 1926 года тираж газеты «Красная степь» перевалил на третью тысячу, тогда как до этого было только около 700 экземпляров бесплатного тиража.

С 4 февраля 1928 года газета «Красная степь» стала выходить как приложение к газете «Тангчин зянг» («Областные известия»).

2 января 1930 года бюро обкома партии вынесло решение о ликвидации Приложения «Красная степь», о включении одной полосы на русском языке в основной газете «Тангчин зянг».

Газета «Красная степь» сыграла свою роль в развитии калмыцкой журналистики 1926–1929 годов.

1.2. Астраханские и калмыцкие контакты в контексте литературного процесса 1920-х годов

Как известно, в развитии калмыцкой литературы 1920-х годов большую роль сыграла литературная самодеятельность. В кружках учебных заведений Саратова и Астрахани, в агитколлективах создавались и обсуждались первые произведения поэтов, прозаиков, драматургов.

В процессе общения с русской культурой и литературой в среде калмыцкой интеллигенции появились писатели, владеющие русским языком. Это Харти Кануков и Антон Амур-Санан.

Проза А. Амур-Санана, в частности, его роман «Мудрешкин сын», значима в истории калмыцкой литературы советского периода. Роман А. Амур-Санана «Мудрешкин сын» стал знаковым событием в литературном процессе Калмыкии 1920-х – 1930-х годов, подлинно новаторским явлением. Появление автобиографической книги «Мудрешкин сын» по идейному содержанию и по форме во многом было обязано революции и русской литературе.

Литературное творчество становилось массовым, проявлялась большая тяга к печатному слову.

«Почти ежедневно в редакции областных газет “Красная степь” и “Тангчин зянг” приходят с почтой из самых далеких уголков калмыцкой степи стихи, рассказы, литературные обработки», – сообщала читателям газета «Красная степь» [27, с. 2].

Однако отсутствие единой писательской организации, способной сплотить и возглавить творческую работу писателей, замедляло дальнейшее развитие литературы.

Вопросы объединения литературных сил остро стояли на повестке дня.

При редакции газеты «Красная степь» молодые журналисты – К. Ерымовский, Б. Майоров, Л. Архангельский, А. Болотный, Н. Манджиев, Х. Косиев – в 1927 году создали инициативную группу, обратившись к молодым литературным силам области: «Мы мыслим, что Калм. АПП должен существовать при культурном центре Калмоласти (Астрахани) под непосредственным руководством редакции “Красная степь”» [27, с. 2].

В редакции газеты «Красная степь» 21 декабря 1927 года состоялось первое собрание литераторов Калмыкии, на котором было принято постановление о необходимости организации калмыцкого отделения Всероссийской Ассоциации Пролетарских Писателей (ВАПП). Было избрано 5 членов бюро ассоциации и два кандидата [29, с. 2].

Перед бюро КАПП стояли следующие задачи: 1) объединение литераторов для совместной работы, 2) организация марксистской и литературной самообразовательной учебы, 3) налаживание постоянной связи с литературными ячейками, 4) выявление ростков новой, рожденной революцией литературы и др.

Литературную жизнь Калмыкии с этого времени направляла КАПП. Калмыцкая ассоциация пролетарских писателей проводила посильную работу в

создании литературных кружков, оказании творческой помощи молодежи в обсуждении на литературных встречах и собраниях новых произведений, где в художественной форме отображалась современная жизнь трудовой Калмыбии, а также затрагивались вопросы преподавания литературы в школе.

Областные газеты, публикуя стихотворения, очерки, фельетоны, небольшие рассказы-зарисовки, статьи корреспондентов, во многом активизировали их литературно-художественную деятельность, помогали в формировании литераторов-профессионалов. Критический отдел газет в жанре небольших сообщений, заметок знакомил широкие слои читателей с многообразной и обширной работой Калмыцкой ассоциации пролетарских писателей. Молодые журналисты выступали перед слушателями с лекциями по вопросам литературного развития.

Литературные вечера часто устраивались в Астраханском педагогическом техникуме.

Люди, творившие литературу, жаждали знаний.

На литературных вечерах завязывалась беседа о литературе, в которых горячо, заинтересованно участвовала аудитория в значительной степени из молодых слушателей. Уже в эти годы проявлялся интерес к творчеству русских писателей.

Как подчеркнул В.Д. Пюрвеев, в активизации литературного движения немалая заслуга принадлежит русским литераторам А. Загорянскому, Е. Нечаеву, Л. Архангельскому, К. Ерымовскому, А. Болотному и др.[32, с. 12].

«Красная степь» в декабре 1926 года сообщала, что астраханцами В. Винниковым и М. Запрудным задумана пьеса на калмыцкую тему, затем она будет переведена на калмыцкий язык и поставлена на сцене. Театр Облполитпросвета предлагает поставить эту пьесу к 7-му съезду советов Калмыбии [31, с. 3].

Также указывалось, что поэтом В. Винниковым и т. Пюрбеевым готовятся к переводу фрагменты из калмыцкого эпоса «Джангар» [28, с. 3]. Часть этой работы потом опубликована на страницах газеты.

Критика тех лет стремилась оценить их работу.

В статье «Русские стихи для калмыцкой молодежи» Д. Усов писал, что после Великой Октябрьской социалистической революции началась напряженная работа «по установлению культурного обмена и взаимодействия с народом русским и его трудовой интеллигенцией...

Не может быть двух мнений, что в этом прекрасном и насущно необходимом деле литература является фактом огромной важности. Но надо смотреть истине в глаза: пропасть, разделяющая оба литературных понимания... еще очень велика, и потому можно сказать наперед, что всякая попытка перекинуть мостки через эту пропасть должна заслуживать полного внимания, как бы слаба она ни была сама по себе» [цит. по: 32, с. 12].

В статье Д. Усова также был дан критический разбор поэмы Е. Нечаева «Сургаль – все», посвященной А. Амур-Санану и вышедшей в 1922 году в Москве отдельным изданием.

В наше время эта поэма из калмыцкой жизни стала объектом и предметом анализа в совместной статье Р.М. Ханиновой и Д.В. Маргушиной [37, с. 186-189].

Уже в первые годы Советской власти стоял вопрос о взаимосвязях русской и калмыцкой литератур, о решительном выходе из национального замкнутого круга развития.

Калмыцкая художественная интеллигенция не была одинока в своих творческих поисках, в ее жизни принимали близкое участие астраханские журналисты и литераторы, она ощущала постоянную помощь со стороны русских деятелей культуры.

«Красная степь» 5 марта 1928 года извещала читателей о том, что 4-го марта состоялось первое объединенное собрание калмыцких и астраханских писателей. Обе организации еще молоды и не вполне еще окрепли. Для обеих важна и полезна взаимная поддержка. Собравшиеся с большим интересом заслушали краткую информацию о работе калмыцких писателей. Тов. Сусеев прочел стихи «О свержении самодержавия» и «Чабан». Особенный интерес вызвал его перевод с русского языка «Буревестника» М. Горького. На собрании читали свои произведения также и члены Астраханского АПП-а (Гусев, Земской и др.). Первый опыт проведения совместных литературных вечеров удался. В будущем нужно укрепить завязавшуюся связь ассоциаций и наладить их совместную работу.

Молодые калмыцкие литераторы открывали для себя М. Горького и торопились донести богатейший мир его образов до сознания своего народа. Они увлеченно переводили «Буревестник», «Челкаш», «Макар Чудра» и другие произведения писателя, вместе с тем сами учились новому видению жизни, восхищаясь идейно-эстетической силой его творения.

Нельзя не видеть благотворного влияния традиций Горького, например, в развитии автобиографических произведений А. Амур-Санана «Мудрешкин сын» и К. Эрендженова «Певец-чабан».

Не случайно писатель Б. Басангов носил литературный псевдоним Гашута Баатр (Горький Баатр).

Определенным достоинством литературного развития тех лет явилась ориентация на реалистическое искусство.

Калмыцкая ассоциация пролетарских писателей организовывала и проводила важные дискуссии, диспуты, творческие вечера, встречи писателей с трудящимися города, где обсуждались новые произведения, заслушивались доклады и сообщения писателей по различным вопросам развития литературы и искусства.

Эти встречи, дискуссии о литературе оказали значительное влияние на формирование художественной мысли.

Повышается организация учебы и самообразования литературной молодежи. Эта важнейшая задача и определила первоначальное содержание литературного движения.

В 1929 году 4–6 февраля в Саратове состоялся I съезд пролетарских пи-

сателей Нижнего Поволжья, на который Калмыцкая ассоциация пролетарских писателей послала своего представителя. На съезде делегаты заслушали два основных доклада об очередных задачах Российской ассоциации пролетарских писателей (А. Караваевой) и об итогах творческого смотра в крае.

10 марта того же года состоялось собрание Калмыцкой ассоциации пролетарских писателей, где был представлен доклад Н. Манджиева о положении ассоциации и ее дальнейшей работе, предложен выпуск сборника лучшей продукции членов КАППа, организация литературно-художественной газеты на калмыцком и русском языках.

Таким образом, русско-калмыцкие литературные контакты 1920-х годов характеризуются как диалог культур и языков, продолженный и в последующие десятилетия прошлого века.

Выводы.

Строительство новой социалистической культуры и литературы в Калмыкии 1920-х годов связано с Октябрьской революцией 1917 года, с огромными переменами в жизни советского государства во всех областях. Творческая энергия освобожденных народов нашла выражение в художественных произведениях молодых литераторов, осваивавших не только национальное наследие, но и мировое, прежде всего русское.

Калмыцкая автономная область вначале входила в Нижневолжскую область (1920–1935), что определило тесные связи калмыцких и русских литераторов. Калмыцкая ассоциация пролетарских писателей с первых шагов имела контакты с астраханской писательской организацией. Создание калмыцкой печати проходило при помощи астраханских коллег, которые сотрудничали в калмыцких газетах и журналах в качестве корреспондентов, писали очерки, фельетоны, зарисовки, статьи, а также публиковали свои художественные вещи (стихи, поэмы, рассказы, повести), в том числе о калмыцкой жизни.

Одна из таких газет – «Красная степь» – выходила вначале в Астрахани в 1926 – 1929 годах на двух языках – калмыцком и русском. С 4 февраля 1928 года газета «Красная степь» стала выходить как приложение к газете «Тангчин зянг» («Областные известия»). 2 января 1930 года бюро обкома партии вынесло решение о ликвидации Приложения «Красная степь», о включении одной полосы на русском языке в основной газете «Тангчин зянг». Газета «Красная степь» сыграла свою роль в развитии калмыцкой журналистики 1926–1929 годов.

Как подчеркнул В.Д. Пюрвеев, в активизации литературного движения немалая заслуга принадлежала русским литераторам А. Загорянскому, Е. Нечаеву, Л. Архангельскому, К. Ерымовскому, А. Болотному и др., сотрудничавшим с «Красной степью».

Глава вторая.

Калмыцкая тема в русской литературе 1920-х годов на страницах газеты «Красная степь»

2.1. Жизнь калмыцкой бедноты в прозе А. Бродяги («Пастушонок Бембе», «Извечная злоба»)

По словам Константина Ерымовского, газета «Красная степь» «широко предоставляла свои страницы для литературных произведений. В ней выступали астраханские журналисты и литераторы. Они писали о том, что больше знали, то есть преимущественно о прошлой жизни калмыков. Стоит вспомнить эти забытые произведения, ибо вообще-то о калмыках более писали путешественники и ученые, нежели писатели.

Много видевший и знавший, талантливый рассказчик Антон Болотный напечатал рассказ о жертвах пережитков старины в быту, о батраке, обманутом скупщиком рыбы. Трогательна была новелла об “одержимом” – о старике, потерявшем в гражданскую войну единственного сына; каждый день старик выходил на бугор в пустынной степи, стоял на ветру с развевающимися волосами, бесконечно оглядывая дорогу: не идет ли сын домой, в свою кибитку...

Леонид Архангельский выступил с рассказом о пастушонке, одичавшем в глухой местности, о трагических событиях в его жизни и о крутом повороте судьбы после Октябрьской революции» [12, с. 9-10].

Как подтверждал журналист и писатель, «эти произведения, реалистические по своему существу, рисующие жизненные характеры, читатель встречал с интересом» [12, с. 10].

Среди материалов, напечатанных в «Красной степи», есть рассказы и очерки Адриана Бродяги – литературный псевдоним Антона Болотного.

Творчество астраханского журналиста А. Болотного было замечено литературной критикой 1920-х годов.

«Из всех писателей, которые пишут о жизни калмыцкого народа, наибольшее внимание привлекает к себе творчество А. Болотного, – писала газета «Красная степь». – Целый ряд рассказов (как-то: “Одержимый”, “Плеть Натыра”, “Знахарка Кооку”, “Кровь отцов”, “Промысловые сини”) дает в общем цельную картину о быте нашего степняка-калмыка, о вредных пережитках прошлого и др. Простой язык с достаточной долей художественности делают рассказы Болотного понятными и близкими для нашего читателя. Этому немало помогает и то обстоятельство, что темы рассказов Болотного всегда интересны, нужны и имеют для молодежи воспитательный характер» [цит. по: 12, с. 15].

Один из рассказов Антона Болотного (лит. псевдоним Адриан Бродяга) «Пастушонок Бембе» (1926) поведал о судьбе калмыцкого мальчика.

До революции 1917 года он батрачил на гелюнга Орджа, пас стадо, пока однажды после пропажи овцы с ягненком хозяин жестоко избил ребенка, а заодно досталось и его старой матери, пытавшейся заступиться за сына.

С иронией характеризует автор буддийского священника: «Гелюнг Орджа – благочестивый служитель из Куры – размахнулся и опоясал тощую старуху жеребцовой плетью» [3, с. 3]. Не нравилось хозяину, что мальчик пел глупые песни, потому и не досчитался он животных в стаде.

Потом Бембе стал работать на реке, попав в подчинение неводному подрядчику Харилюку.

«И снова зазорно и уныло мяучит воротушка-странница, рассказывая о горях калмычонка, о матери, брошенной в дырявой кибитке, где едкий дым хватает за глаза, а войлоки вылиняли и повыбиты ветрами.

И с влажной реки на голую смуглую грудь льнет свежая прохлада, и хочется Бембешке завывать, как пискливая воротушка или как овчарка Лами в ночной страже около гелюньего стада» [3, с. 3].

Через десяток лет рассказчик не узнал калмычонка, встретив его на тоне близ промысла Оранжевейного: «Теперь он не бедный пастушонок гелюнга, не сын слепой старухи, не робкий лямочник, в волосы которого врезывалась рука подрядчика <...>, а общественник, коммунист, председатель ловецкого промыслового товарищества в с. Вишневке» [3, с. 3].

И рассказчик констатирует: «Иная пора. Иной быт. Иные мысли» [3, с. 3]. Подтверждением тому стало процветание промыслового товарищества, организованное бывшим лямочником, участие в путине земляков из хотонов и родного улуса, которым помогал Бембе.

Только мать не дождалась иной жизни (той же новой кибитки, которую обещал ей сын), умерла. Старая калмычка показана тощей, сутулой, с поседевшими волосами. Она выплакала горькую свою жизнь: «и были у слепой старухи сухие глаза, и не смогла она заплакать, потому что в глазах не было влаги: она была высушена, как утренняя роса на степном ковыле» [3, с. 3].

В рассказе автор указал топонимику событий – действие происходит на Волге, близ тогда поселка Цаган-Аман, в селе Кура, на промысле Оранжевейном, в селе Вишневка. Среди действующих лиц как русские (подрядчик Харилюк, пядчик Тюлюга), так и калмыки (гелюнг Орджа, Бембе, его безымянная мать, рыбаки).

Имя Бембе означает день недели – понедельник, а также планету Сатурн.

В рассказе А. Бродяги хозяева мальчика обзывали собакой, собачьим отродьем, проклятым псом.

Гелюнг Орджа был всесильным в жизни бедной калмыцкой семьи, у которой не было даже своей кибитки: «хозяин кибитки, хозяин Бембешки, хозяин стада, хозяин Бембешкина счастья» [3, с. 3].

Теперь товарищ Бембе – хозяин своей судьбы.

К такому выводу подводил концом своего рассказа автор.

В очерке «Извечная злоба» (1926) А. Бродяги конфликт между русскими и калмыками завязан на давней национальной и социальной вражде местных жителей из-за сенокосных угодий.

«Михайловские мужички питают вековую, вероятно, извечную злобу к куринским калмыкам. Застрельщики, понятное дело, кулачье. Братья Сухо-

руковы – эти бандиты в простеньком облике пустяшных мужиков – не спустят ни одного крохотного факта, задевающего Куру за Цаган-Аманом:

– Бить их надо, сволочье... – хрипит простуженным от самогона голосом старший Сухоруков. – Канитель разводить с собаками! Как попал мандчик – круши по черепу... Мало их пыряли вилами при царе!

И вот опять, опять доведенная до отчаяния калмыцкая нищета выступила и взбунтовалась против хуторских кулаков» [2, с. 2].

Поводом к побоищу стала пегая кобыленка из кибитки Балты, которая забрела на сенокосные угодья. Хуторские мужики подняли за волосы калмычонка и стали бить его. На шум сбежались с двух сторон. «Засвистели в воздухе топырчатые зубья вил, тяжело заохали случайные топоры и захлюпала кровь из разбитых носов прямо на свежесть зеленого бархата» [2, с. 2].

Председатель волисполкома Морозов стремился навести порядок, примчавшись на бричке, как только узнал о том, что произошло. Каждая из враждующих сторон приводила доводы в свою пользу.

Балта, отец избитого мальчика, по привычке обращался к Морозову, как к хозяину:

« – Мы не виноват, хозяин... Га! Зачем бил парнишку? Зачем бил, га!.. Всегда такой бывает, мы бедна, он богатый, уй-уй, какой богатый...

Сухоруков поводил, как таракан, огромными усами и мрачно плюнул:

– Што, собака, богат, што завидка берет!

– Тсс... – остановил кулака предволисполкома. – В чем дело, толком растолкуй, Сухоруков.

– Што толком?! Вытравили всю траву куринские калмыки, вытоптали около хуторов и бить их нельзя?! Бывало-чь, товарищ председатель, мы их дубликами, а...

– Это не к делу! – перебил секретарь волкома, сухой и нетерпеливый человек.

Балта помялся и, стараясь связать толково слова, сказал:

– Вот самый непорядка! Непорядка русский! Покос делил и наш захватил земля... К чему покос чужой взял, уй-уй бил парнишку, зачем, товарищ?! Неправильна...

– Дык у нас же есть все основания!.. – вспомнил вслух председатель совета Морозов. – Наши мужики размежевали определенные границы, милай... За Тремя Буграми – это тебе што? А ты, собачий сын, сел с кибиткой на покосной меже!» [2, с. 2].

Речи персонажей передают национальные особенности. Так, калмык, с трудом подбирает русские слова, русские мужики используют просторечие. Председатель Морозов обозвал Балту собачьим сыном, упрекая в том, что он стал причиной конфликта, заняв чужую территорию.

Попытка мирно разрешить спор ни к чему не привела.

«Земельная комиссия, вкуче с представителями куринских калмыков, заседала четыре раза и разругалась на пятом окончательно и серьезно. Балта, обескураженный, недовольный и обиженный, отправился на пегой кобыленке в уездный центр» [2, с. 2].

Конфликт набирает кровавые обороты. На следующее утро сухоруковцы были около Цаган-Амана, напав на семью Балты.

«Из первой кибитки, с серыми вылинявшими боками, выскочила смоляная лохматая голова Гарашки – сына Балты.

– Где отец? – прохрипел первый Сухоруков.

И, ни слова не говоря, цепкая рука кулака вцепилась в смольные лохмы Гарашки и вытащила наружу.

Раздался страшно тупой удар в проталину раскосых глаз, и Гарашка со стоном развалился на земле. Выскочил один смугляк, другой, выбежали черномазые калмычата, и поднялся вой. Среди криков, гортанных и смешанных, суматошного гвалта, тяжелого всхлипа было слышно только:

– Бей их, сволочье! Не жалуйся, собаки, в уезд! Бей!

– Не садись на меже! Балта где, Балта?!..

– Травить...собаки!!! Мы вам покажем...

– Хр... Хрясть...

– Уй-уй! Ой, хозяин...

– Вилами его сади!

– А-а-а... – И обессиленный Гарашка свалился с нечеловеческим криком от вил, впихнутых в нижнюю полость живота. Отчаяюга Ефрем с кровавыми глазами и брызжущей у рта пеной бегал и хрустел зубами.

Потом сразу стихло, калмычата убежали под ближайшие желтые копны, а мужики, как ни в чем не бывало, затрусили на лошаденках в село.

В кибитке охал Гарашка с пропоротым пахом и животом, и выла за кибиткой овчарка» [2, с. 2].

Жестокая расправа кулаков с бедными калмыками показана автором со всей правдивостью, передавая их непримиримость и беспощадность в борьбе за собственность, когда не выбирают ни средств (вилы), ни слов (собаки, сволочье).

Завершая очерк, автор уточнил, что это было в последний раз в позапрошлом году. Тогда Балта в Енотаевске добился справедливости: «кибитки не тронули, правильно отмежевали куски угодий и привлекли в суд Сухоруковых» [2, с. 2].

И все же А. Бродяга подчеркнул, что не все так просто.

«Но осталась все же извечная, передаваемая по векам национальная злоба михайловских мужиков к куринским калмыкам.

И нет-нет просыпается иногда зверь этой злобы, но попадает даже самая маленькая обида калмыка в районный нарсуд.

Суд революционен и не дает спуска бандитам в простеньком образе пустяшных мужиков. Выбивает революция из кулацкой головы давнишнюю злобу, выбивает с каждым свежим делом, с каждым днем и годом» [2, с. 2].

Поэтому автор очерка убежден: «Сотрется эта извечная злоба» [2, с. 2].

Залог этому – революция 1917 года, которая положит конец социальной и национальной вражде народов России.

Поэтому самым заголовком своего очерка А. Бродяга полемизирует с

тем, что было пережитком прежних времен. К прошлому, по его убеждению, возврата нет.

Очерк относится к публицистическому жанру, в основе которого документальность.

События, о которых повествует автор, были нередки и при Советской власти, когда действовали в своих интересах местные кулаки.

Так, в той же газете «Красная степь», в которой печатался очерк, была заметка под красноречивым заглавием «Нет пощады преступникам!» с подзаголовком «Что сказало о работе Облсуда Бюро обкома ВКП», где сообщалось о том, что необходимо «усилить классовую политику по гражданским делам» [25, с. 2].

Астраханский журналист и писатель проявил свою осведомленность как в современных ему событиях, так и в определенном знании калмыцкого быта земляков (старые кибитки с вылинявшим войлоком, земельные тяжбы, национальные имена).

М. Монраев приводит в своей книге имя Балта как женское, означающее «с медом, начинкой» [23, с. 139].

У персонажа очерка А. Бродяги, черного, как его двадцатилетняя кибитка, и огромного, как бугай [2, с. 2], совсем не сладкая жизнь.

Его сын Гарашка стал жертвой давнего конфликта, скорее всего, не выживет после таких ранений вилами. Имя старшего сына калмыка – Гаря – дано в очерке в уменьшительном виде несколько искаженно, правильнее Гаряшка. Тибетское имя Нэрэ означает день недели, планету [23, с. 149].

Калмыки в очерке показаны терпеливыми, даже робкими, но в завязавшемся побоище – отчаянно смелыми и дружными.

Они в целом являют безымянную массу, черноволосую и черноглазую, смуглую и раскосую.

Таким образом, в рассмотренных нами произведениях, в рассказе «Пастушонок Бембе» и очерке «Извечная злоба», Адриана Бродяги калмыцкая тема представлена в сравнительно-сопоставительном аспекте старой и новой жизни степняков, с авторским сочувствием к своим героям и героиням, с верой в перемены, которые вызваны Октябрьской революцией 1917 года.

Все это позволяет судить о межкультурных связях в русской прозе 1920-х годов на страницах калмыцкой областной газеты «Красная степь».

2.2. Судьба калмыцкой бедноты в лирике В. Винникова

На страницах калмыцкой областной газеты «Красная степь», выходившей в 1920-е годы в Астрахани, часто появлялись стихотворения В. Винникова, К. Речного и других местных авторов, а также произведения калмыцких литераторов – Н. Манджиева, Б. Басангова, У. Душана, Л. Карвина и др.

В числе корреспондентов был и Виктор Владимирович Винников (1903 – 1975), поэт, переводчик и драматург.

Литературную деятельность он начал в 1921 году.

На страницах «Калмыцкой степи» публиковались его заметки, статьи и корреспонденции, а также стихи, в том числе на калмыцкую тему: «Простой случай», «Партактив», «Песня про штыки и пули», «Дозорные огни», «Песня о Бадме и Казарме».

В совместной статье Р.М. Ханинова, Д.В. Маргушина, Е.В. Конеева [42] рассмотрели стихи «Простой случай», «Партактив», «Песня про штыки и пули», напечатанные в ноябре 1926 года и в июле 1927 года.

Первое стихотворение «Простой случай» посвящено 10-й годовщине Октябрьской революции, что явственно по вступлению к стихотворению из двух частей.

*Скопились дни к девятой годовщине,
За девять лет пропето много тем.
Мы наши дни кроим, точаем, чиним
И воспеваем голосом поэм.
За девять лет так много перепето:
Описаны поля и корпуса.
Сегодня хочется мне вовсе не про это –
Про степь прожженную простое написать [8, с. 2].*

После множества тем, связанных со строительством социалистической жизни за девять лет революции, поэт обратился к новой теме – к теме прожженной степи.

В первой части стихотворения он показал жизнь калмыцкой бедноты до революции через основных героев – отца и сына. Они, Бадма с Очиром, работали на нойонов, пасли овец, пока однажды Бадма не услышал, что город призвал не кормить нойонов, что теперь «нет для бедных злых законов» [8, с. 2], и рассказал об этом сыну.

Вторая часть стихотворения воспроизводит события послереволюционной эпохи, «когда десятый год в степях гуляет воля» [8, с. 2]. Очир, отстаивая право бедноты на новую жизнь, воевал на фронтах гражданской войны. Он учится в советской партийной школе, стал рабочим корреспондентом. Его тяга к знаниям проявилась не только в том, что он освоил грамоту, но и в том, что готов рассказать о переменах в родной степи читателям, чтобы приобщить их к советской действительности.

Чтобы противопоставить дореволюционную и послереволюционную жизнь, город и степь, судьбы отца и сына, буддизма («ворожил молитвами бурхана / В хуруле приказной гелюнг») и социализма поэт в своем тексте использовал прием антитезы.

Композиция стихотворения, построенная по кольцевому принципу, возвращает к вступлению:

*За девять лет так много перепето:
Описаны поля и корпуса.
А мне хотелось просто случай этот
В день Октября стихами описать [8, с. 2].*

Это указание на то, что стихотворение посвящено очередной годовщине Октябрьской революции, – устойчивая традиция отмечать советские праздники в советской литературе.

Кроме того, название стихотворения «Простой случай» декларирует типичный путь жизни национальных окраин России в период становления Советской власти.

Художественные особенности этого стихотворения: пятистопный ямб, перекрестная рифма во вступительной части. Разнородна структура текста: вступление состоит из 8 строк, первая часть – из 15 строк, вторая часть – из 13 строк с пропуском одной из строк, отделяющей заключительные строки. В двух частях автор не следовал заданной начальной рифмовке.

Безэквивалентная лексика передавала реалии калмыцкой истории и культуры (нойоны, бурхан, хурул, гелюнг, имена – Бадма, Очир), а новая лексика – иную действительность (совпартшкола, зачет, корпуса, рабкор).

Другое стихотворение В. Винникова «Партактив» адресовано 8-й областной партконференции, проходившей в Астрахани. Поэтому название текста отражает его тематику – активные коммунисты, перестраивающие жизнь в степи. Пять неравномерных строф с неустойчивой рифмовкой (в том числе с перекрестной рифмовкой), написанных разностопным хореем, отражают прошлое и настоящее калмыцкого народа.

Автор приемом контраста противопоставляет дореволюционный уклад жизни кочевников (традиционный вид хозяйствования – скотоводство) новому, планомерно организованному будущему. Ведущая роль принадлежит партии большевиков.

Мир захолустья под воздействием новых идей меняется кардинально:

*В аймаках, куда следы бараньи
Средь песков наметили следы,
Где крылом и птица не достанет,
Соберет повестка на собрание
По кибиткам партактив [5, с. 1].*

Советская власть в калмыцкой степи установилась повсеместно: отсюда множественное число в обозначении территориальных образований (аймаки). Оседлый образ жизни теперь у бывших кочевников, но кибитки все еще стоят в степи.

Представители городского актива связывают города и аймаки: «Выйдет там из города докладчик, / Даст о конференции отчет» [5, с. 1].

Психологический параллелизм: «только ветер старой песней плачет», «жизнь по-новому течет» [5, с. 1].

Из строфы в строфу переходит этот прием антитезы:

*Дни бегут спеша, как конь на пойло,
Слыша радостный зовущий клич;
На стенах кибиток – серый войлок,*

*А на войлоке портрет –
Ильич [5, с. 1].*

Поэтические сравнения (дни-кони, старая сказка), исторические имена (портрет Ильича в кибитке), цветовая семантика (серый войлок у бедноты, белый – у богатых степняков), идеологическая ориентация (по ленинской указке), новая лексика (партбилет, повестка, докладчик, собрание) и т.п. подчеркивают авторскую мысль: «Гнезда новые степная сила вьет» [5, с. 1].

В стихотворении «Партактив», как и в стихотворении «Простой случай», использована кольцевая композиция.

*Оттого теперь совсем не странно,
Что в песках, где спутаны пути,
Где крылом и птица не достанет,
Соберется шумно на собрание
По кибиткам
Партактив [5, с. 1].*

Глаголами движения – соберет, выйдет, течет, бегут, вьет, живет, соберется – передана динамика событий в степи. Определенные слова и выражения (по-новому, радостный, зовущий клич, гнезда новые, шумно) отражают эмоциональный настрой стихотворения.

В «Партактиве» Винникова вождь Октябрьской революции представлен в двух именных формах: отчеством (Ильич) и псевдонимом (Ленин – ленинской указкой). Первая форма подчеркнула близость вождя народам России, вторая – значимость его дела.

Третье стихотворение В. Винникова «Песня про штыки и пули» из «Красной степи» 1927 года – монолог с элементами диалогичности.

Этот текст, также построенный на антитезе, ориентирован на военную тематику в прошлом (Октябрьская революция 1917 года, гражданская война) и в будущем (необходимость защиты завоеваний Советской власти).

Название текста передает авторскую направленность: десятилетие Октября – повод вспомнить о том, что прошло, а также готовиться к будущему отпору врага.

*Слушай,
Степной мой товарищ, калмык,
Старую песню
Про пули и штык,
Песню про пушку,
Затвор и снаряд,
Песню восстания
И песню засад [6, с. 1].*

Один из рефренов («товарищ калмык») подчеркивает товарищество русского и калмыка. Другой рефрен («Слушай, / Степной мой товарищ, калмык»), трижды повторяющийся на протяжении всего стихотворения, акцентирующий национальность адресата, манифестирует сплоченность народов России в борьбе за новую жизнь.

– Помню, –
Ответом шуришит мне песок.
– Помню, –
Кричат мне столбы у дорог.
– Помним, как после
Овген и кевюн*,
Прячась за пазуху
Вздыбленных дюн,
Бились за волю,
За радость и хлеб,
За трудовую калмыцкую степь [6, с. 1].

Лирическому субъекту стихотворения откликаются природа (песок), объекты (столбы).

В текст введены калмыцкие слова (өвгн – старик, көвүн – мальчик/юноша) в русском написании со сноской, поясняющей эти понятия.

Кроме того, автор соединил калмыцкое обозначение калмыцкой знати (нойон) с определением «английский» – «английский нойон», тем самым показав общее в эксплуатации бедноты в отечестве и за рубежом.

Жив еще старый
Английский нойон,
Точит снаряды
И точит штыки
На трудовые
Поля и пески,
Встал ему в горле
Свободный хотон,
Лязгает зубом
Английский нойон,
Лязгает зубом,
Готовит прыжки,
Кровью залить
Хочет наши пески [6, с. 1].

В «Песне про штыки и пули» поэт напомнил степному товарищу, как защищали Советскую власть:

Слушай,
Степной мой товарищ, калмык,

*Песню про пули
И песню про штык.
Ты ли отвык
От привычных засад?
Ты ли забыл,
Как ласкает приклад?
Ты ли не помнишь,
Как бьется затвор? [6, с. 1].*

Все эти риторические фигуры вопросительного плана призваны, по мысли автора, подтвердить участие калмыцкого народа в революции и гражданской войне.

Стихотворение русского поэта звучит, как призыв к калмыкам – не терять бдительности, быть готовыми защитить завоевания Октября.

*Помнишь. Все помнишь,
Готовишь отпор!
Пусть вдалеке,
Где дрожит небосклон,
Точит снаряды английский нойон,
Пой, мой товарищ,
Товарищ калмык,
Песню про пули
И песню про штык.
Пой эту песню
В степные пески,
Пой, приготовивши
К бою штыки [6, с. 1].*

Для того чтобы показать перемены в жизни калмыцкой степи, В. Винников противопоставил им старые времена, обозначив их столетиями, в которых наказание бедноты плетьюми, плач детей, ярмо угнетения, дни-тюрьмы, голод, темнота, дикость, унижения.

*Помнишь, столетья –
Удары плетей,
Помнишь столетья –
Рыданье детей.
Дни нависали,
Как тяжесть ярма,
Дни приходили –
Не дни, а тюрьма.
Шея сгибалась
К песку на поклон.
Ты голодал. Но жирел твой нойон,*

*Край твой был темен,
Взлохмачен и дик [6, с. 1].*

Теперь у калмыка иная жизнь, в которой свободный труд, учеба, новый быт и культура.

Жанры революционной песни и песни времен гражданской войны в русской и калмыцкой лирике того времени служили в агитационно-пропагандистских целях советской литературы, были широко распространены и знакомы читателям.

Винников, напоминая о них, считал и свою «Песню про штыки и пули» таким же «бойцом» на классовом фронте.

Можно вспомнить песни калмыцких поэтов на эту тематику, обратившись, например, к сборнику «Мана цагин айсмуд» («Песни нашего времени») [21].

В третьем анализируемом стихотворении В. Винникова в связи с основной темой частотна военная лексика: пуля, штык, пушка, затвор, снаряд, за-сады, приклад, бой.

Как и в двух предыдущих стихотворениях, поэт использовал безэквивалентную лексику: хотон (калмыцкое поселение), нойон (князь), худук (колодец), овген (старик), кевюн (юноша).

Различные сравнения («дни нависали, как тяжесть ярма», «не дни, а тюрьма»), метафоры («край твой был темен, / Взлохмачен и дик», «за пазуху / Вздрыбленных дюн», «волнение книг», «готовит прыжки», «ласкает приклад», «дрожит небосклон», «лязгает зубом / Английский нойон»), фразеологизмы («встал ему в горле свободный хотон»), риторические фигуры и т.п. – все это демонстрирует разнообразие художественно-выразительных средств анализируемого текста.

Рефрены слов (слушай, помнишь, товарищ, калмык, пули, штыки) являются ключевыми в стихотворении молодого русского поэта.

Таким образом, в трех рассмотренных нами стихотворениях Виктора Винникова калмыцкая тема тесно связана с событиями Октябрьской революции 1917 года и гражданской войны в России, оказавшими огромное влияние на перемены в истории калмыцкого народа.

Лирика русского поэта демонстрировала русско-калмыцкие литературные связи в период становления и развития советской поэзии.

2.3. Образ калмычки в повести М. Запрудного «Алагирь»

Среди молодых писателей, сотрудничавших в газете «Красная степь», выходившей в Астрахани, был и Михаил Запрудный.

В мае 1927 года в этой газете опубликована его «Алагирь» с подзаголовком «Маленькая повесть о калмыцкой женщине».

Это первая повесть в русской прозе 1920-х годов, главной героиней которой стала калмычка.

«Михаил Запрудный написал повесть “Алагирь” – о калмыцкой женщине: украденная бывшим зайсангом, против воли ставшая его женой, Алагирь пытается вернуть себе свободу; всё – против нее, всё – препятствует ей; молодой адучи-табунщик, которого она полюбила, оказался недостойным ее любви; только с помощью активистов она освобождается от тягостного насилия. В повести был привлекателен замысел автора – создать образ гордой калмычки, смело нарушающей устои старого калмыцкого быта», – вспоминал Константин Ерымовский, сотрудничавший тогда с астраханской прессой [цит. по: 40, с. 429].

Анализ этого произведения представлен в статьях Р. М. Ханиновой и А.И. Ургадуловой.

Как подчеркивает Р.М. Ханинова, именно Михаил Запрудный в русской прозе 1927 года не только вывел главной героиней калмычку в своем произведении, подчеркнув это в подзаголовке, но и показал судьбу женщины в контексте роли Октябрьской революции в жизни национальных окраин Российской империи [40, с. 429].

Определение жанра повести в современном словаре: «Повесть – в современной русской теории литературы средний по объему текста или сюжета эпический прозаический жанр, промежуточный между рассказом и романом» [20, с. 752-753].

Автор обозначил жанр своего произведения как «маленькую повесть». Десять главок повести вышли в нескольких номерах газеты.

Имя главной героини означает пестроту [23, с. 133]. Такой же пёстрой была и ее жизнь.

Действие повести происходит в конце 1920-х годов, в годы Советской власти. Читатель знакомится с молодой Алагирью сначала по отзыву зайсанга Мончака: «...было у неё такое же, как у отца, широкое плоское лицо, живые, агатовые глаза и грудь плоская, как лицо» [14, с. 4].

Старинный обычай – с ранних лет девушки носили тесный камзол (род корсета) – вреден для здоровья [9, с. 307-309].

Образ богача-зайсанга Мончака противоречит его имени, означающему бисер [14, с. 167]; «калмык был крив, и оттого, что крив, во всем улусе не было хитрее Мончака-зайсанга» [14, с. 4]. Кривой на один глаз богач сразу заявлен обманщиком: явился в кибитку Цебека, чтобы похитить его дочь.

Обычай похищения девушек у калмыков был и в 1920-е годы [30, с. 3].

Хром и калмыцкий священник (гелюнг), по старинному обычаю поженивший Мончака с Алагирью. Пожертвования богача хурулу помогли и в этом деле.

Поведение строптивой Алагири показывает влияние новой жизни на ее характер. «Умыкал – не спрашивал, люблю ли, так и теперь любви от меня не требуй» [15, с. 4]. Потому зайсанг не посмел наказать молодую жену.

Весенняя попытка Мончака усмирить Алагирь также не имела успеха, наоборот ей понравился табунщик Церен, победивший в соревновании. При случайной ночной встрече в степи на кургане она провоцирует табунщика,

заверившего ее: «Не сробею. Скраду» [16, с. 4]. Но при появлении Мончака Церен бежит прочь, забыв свою шапку. Поэтому Алагирь насмешливо закричала ему вдогонку, что он забыл свою шапку, поняв, что обманулась.

«У калмыков головной убор считался определенным выражением человека, его запрещалось трясти, крутить на руке, класть в нечистое место, передавать кому бы то ни было», – поясняет современный исследователь [1, с. 130].

Тем не менее, Алагирь заявила угрожавшему мужу, что на аркан её не посадить.

Избитая женщина вспомнила об агитаторе, рассказавшем о каких-то новых законах: «сердце подсказывало, что законы эти против насилия и порабощения женщины» [17, с. 4]. Так, в повесть входит советская новь.

Алагирь просит помощи у новой власти, подчеркивая в своей записке, что знает новые законы. Жалоба главной героини попала в женсовет. Большая роль женсоветов в раскрепощении калмычек показана «комиссаром в юбке». В аймачный совет избрали Алагирь, несмотря на сопротивление местной знати, она ушла от мужа.

Аймачные перемены показаны автором детально: кооператив, «красный уголок», ликбез, раскрепощение женщины, отказ от традиционной одежды – камзола и накосников.

Старуха Эрдени назвала Алагирь особенной, не такой, как все калмычки.

Выездное заседание народного суда осудило Мончака и его спутников за противоправные действия в отношении жены.

После приговора мужу Алагирь получила половину его богатства, переданного потом ею на устройство в аймаке дома ребёнка.

«Это было последней её заботой – не матери, а женщины – о детях» [18, с. 4], – так заканчивалась эта повесть.

Повесть М. Запрудного не свободна от недостатков в стилевом отношении, в разработке типов и характеров, в описании обычаев и обрядов, но это одна из первых попыток создания образа главной героини-калмычки в русской прозе 1920-х годов.

Выводы.

Константин Ерымовский вспоминал, что газета «Красная степь» в 1920-е годы широко предоставляла свои страницы для литературных произведений астраханских журналистов и литераторов, которые писали о том, что больше знали, то есть преимущественно о прошлой жизни калмыков.

Можно согласиться с высказыванием участника тех событий, корреспондента этой газеты, что стоит вспомнить эти забытые произведения, ибо вообще-то о калмыках более писали путешественники и ученые, нежели писатели.

Рассмотренные нами в этой главе проза и лирика астраханских журналистов и писателей – Адриана Бродяги, Виктора Винникова и Михаила Запрудного – посвящены дореволюционной и послереволюционной жизни

калмыцкого народа: быту и бытию, культуре и истории, религии. Нищета и бесправие народных масс обусловили их сознательное участие в революционных событиях 1917 года и в гражданской войне, в созидании нового мира.

Показ старой и новой жизни калмыков сопровождается у русских авторов знанием реалий, сочувствием к обездоленным людям, политической и идеологической солидарностью. Синтез документализма и художественного обобщения в рассказе «Пастушонок Бембе» и очерке «Извечная злоба» являет картины столкновений русских и калмыков на социальной почве, приобщения степняков к новому образу жизни, участие их в строительстве нового общества и государства.

Стихи поэта Виктора Винникова на калмыцкую тему показывают активную роль калмыцкой бедноты в исторических событиях, на что указывают также сами названия его произведений, передающие политические лозунги и явления – «Партактив», «Песня про штыки и пули» и др.

В трех стихотворениях поэт использовал безэквивалентную лексику: хотон (калмыцкое поселение), нойон (князь), худук (колодец), овген (старик), кевюн (юноша).

Различные сравнения («дни нависали, как тяжесть ярма», «не дни, а тюрьма»), метафоры («край твой был темен, / Взлохмачен и дик», «за пазуху / Вздрыбленных дюн», «волнение книг», «готовит прыжки», «ласкает приклад», «дрожит небосклон», «лязгает зубом / Английский нойон»), фразеологизмы («встал ему в горле свободный хотон»), риторические фигуры и т.п. – все это демонстрирует разнообразие художественно-выразительных средств анализируемого текста.

Рефрены слов (слушай, помнишь, товарищ, калмык, пули, штыки) являются ключевыми в стихотворении молодого русского поэта.

В трех рассмотренных нами стихотворениях Виктора Винникова калмыцкая тема тесно связана с событиями Октябрьской революции 1917 года и гражданской войны в России, оказавшими огромное влияние на перемены в истории калмыцкого народа.

Лирика русского поэта демонстрировала русско-калмыцкие литературные связи в период становления и развития советской поэзии

Повесть Михаила Запрудного «Алагирь» на первый план выдвигает женский характер – эволюцию молодой калмычки от бесправной жены к свободной от насилия личности, ставшей председателем аймачного совета.

Произведение не свободно от недостатков в стилевом отношении, в разработке типов и характеров, в описании обычаев и обрядов, но это одна из первых попыток создания образа главной героини-калмычки в русской прозе 1920-х годов.

Таким образом, сотрудничество с газетой «Красная степь» способствовало творческой заинтересованности журналистов и писателей в создании новых произведений, в том числе на калмыцкую тему и мотивы. Разные по жанрам и исполнительскому мастерству, они внесли свой вклад в развитие диалога народов и культур страны.

Заключение

Строительство новой социалистической культуры и литературы в Калмыкии 1920-х годов связано с Октябрьской революцией 1917 года, с огромными переменами в жизни советского государства во всех областях.

Творческая энергия освобожденных народов нашла выражение в художественных произведениях молодых литераторов, осваивавших не только национальное наследие, но и мировое, прежде всего русское.

Калмыцкая автономная область вначале входила в Нижневолжскую область (1920–1935), что определило тесные связи калмыцких и русских литераторов. Калмыцкая ассоциация пролетарских писателей с первых шагов имела контакты с астраханской писательской организацией.

Создание калмыцкой печати проходило при помощи астраханских коллег, которые сотрудничали в калмыцких газетах и журналах в качестве корреспондентов, писали очерки, фельетоны, зарисовки, статьи, а также публиковали свои художественные вещи (стихи, поэмы, рассказы, повести), в том числе о калмыцкой жизни.

Одна из таких газет – «Красная степь» – выходила вначале в Астрахани в 1926 – 1929 годах на двух языках – калмыцком и русском. С 4 февраля 1928 года газета «Красная степь» стала выходить как приложение к газете «Тангчин зянг» («Областные известия»).

2 января 1930 года бюро обкома партии вынесло решение о ликвидации Приложения «Красная степь», о включении одной полосы на русском языке в основной газете «Тангчин зянг».

Газета «Красная степь» сыграла свою роль в развитии калмыцкой журналистики 1926–1929 годов.

Как подчеркнул В.Д. Пюрвеев, в активизации литературного движения немалая заслуга принадлежала русским литераторам А. Загорянскому, Е. Нечаеву, Л. Архангельскому, К. Ерымовскому, А. Болотному и др., сотрудничавшим с «Красной степью».

Константин Ерымовский вспоминал, что газета «Красная степь» в 1920-е годы широко предоставляла свои страницы для литературных произведений астраханских журналистов и литераторов, которые писали о том, что больше знали, то есть преимущественно о прошлой жизни калмыков.

Можно согласиться с высказыванием участника тех событий, корреспондента этой газеты, что стоит вспомнить эти забытые произведения, ибо вообще-то о калмыках более писали путешественники и ученые, нежели писатели.

Рассмотренные нами в этой главе проза и лирика астраханских журналистов и писателей – Антона Болотного (литературный псевдоним Адриан Бродяга), Виктора Винникова и Михаила Запрудного – посвящены дореволюционной и послереволюционной жизни калмыцкого народа: быту и бытию, культуре и истории, религии, политике и социуму.

Нищета и бесправие народных масс обусловили их сознательное участие в революционных событиях 1917 года и в гражданской войне, в созидании нового мира.

Показ старой и новой жизни калмыков сопровождается у русских авторов знанием реалий, сочувствием к обездоленным людям, политической и идеологической солидарностью.

Синтез документализма и художественного обобщения в рассказе «Пастушонок Бембе» и очерке «Извечная злоба» (1926) являет картины столкновений русских и калмыков на социальной почве, приобщения степняков к новому образу жизни, участие их в строительстве нового общества и государства.

Поэт Виктор Винников вместе с прозаиком Михаилом Запрудным планировали написать пьесу на русском языке о калмыцкой жизни для постановки ее на сцене и дальнейшего перевода на калмыцкий язык. Этот замысел не был воплощен ими.

Совместно с А. Пюрбеевым В. Винников предпринял русский перевод фрагментов из глав героического эпоса «Джангар», некоторые отрывки сделанной ими работы были опубликованы на страницах газеты.

Ряд стихотворений Виктора Винникова 1926–1927 годов адресован калмыцкой теме («Дозорные огни», «Простой случай», «Партактив», «Песня про штыки и пули», «Песня про Бадму и Казарму» и другие), показывает активную роль калмыцкой бедноты в исторических событиях, на что указывают также сами названия его произведений, передающие политические лозунги и явления.

В трех стихотворениях – «Простой случай», «Партактив», «Песня про штыки и пули» – поэт использовал безэквивалентную лексику: хотон (калмыцкое поселение), нойон (князь), худук (колодец), овген (старик), кевюн (юноша).

Различные сравнения («дни нависали, как тяжесть ярма», «не дни, а тюрьма»), метафоры («край твой был темен, / Взлохмачен и дик», «за пазуху / Вздрыбленных дюн», «волнение книг», «готовит прыжки», «ласкает приклад», «дрожит небосклон», «лязгает зубом / Английский нойон»), фразеологизмы («встал ему в горле свободный хотон»), риторические фигуры и т.п. – все это демонстрирует разнообразие художественно-выразительных средств анализируемого текста.

Рефрены слов (слушай, помнишь, товарищ, калмык, пули, штыки) являются ключевыми в стихотворении молодого русского поэта.

В трех рассмотренных нами стихотворениях Виктора Винникова калмыцкая тема тесно связана с событиями Октябрьской революции 1917 года и гражданской войны в России, оказавшими огромное влияние на перемены в истории калмыцкого народа.

Лирика русского поэта демонстрировала русско-калмыцкие литературные связи в период становления и развития советской поэзии

Действие повести Михаила Запрудного «Алагирь» происходит в конце 1920-х годов, в годы Советской власти. Писатель на первый план выдвигает женский характер – эволюцию молодой калмычки от бесправной жены к свободной от насилия личности, ставшей председателем аймачного совета.

Имя главной героини означает пестроту. Такой же пёстрой была и ее жизнь.

Автор определил жанр своего произведения как «маленькую повесть». Десять главок повести вышли в нескольких номерах газеты в 1926 году.

Произведение не свободно от недостатков в стилевом отношении, в разработке типов и характеров, в описании обычаев и обрядов, но это одна из первых попыток создания образа главной героини-калмычки в русской прозе 1920-х годов.

Таким образом, сотрудничество с газетой «Красная степь» способствовало творческой заинтересованности астраханских журналистов и писателей в создании новых произведений, в том числе на калмыцкую тему. Разные по жанрам и исполнительскому мастерству, они внесли свой вклад в развитие диалога народов и культур страны.

Из трех журналистов-писателей профессиональная судьба прослеживается у Виктора Винникова (1903 – 1975), поэта, драматурга, переводчика, а судьба остальных двух авторов нам неизвестна.

В начальный период формирования русско-калмыцких литературных контактов в региональном аспекте меньше сотрудничества было в сфере художественного перевода, за исключением единичных случаев.

Эта переводческая деятельность активно развивалась после возвращения калмыцкого народа из сибирской ссылки в 1957 году.

С начала 1960-х годов проходили Дни литературы в Калмыкии и Астрахани, в которых приняли участие новые поколения литераторов и переводчиков [39].

Многие астраханские писатели и поэты в 1960-1970-е годы переводили разножанровые произведения своих калмыцких коллег, а те в свою очередь – поэзию и прозу астраханцев, взаимно публиковали свои труды в газетах и журналах, издавали отдельными книгами, выступали по радио и телевидению.

Личная дружба была тесно связана с творческим сотрудничеством долгие годы.

Эти русско-калмыцкие контакты литераторов в региональном плане были возобновлены на регулярной основе лишь в нашем столетии: обмен делегациями, взаимные переводы, совместные издания книг, публикация в местной прессе.

Тема русско-калмыцких литературных контактов астраханцев и элистинцев нуждается в дальнейшем исследовании, особенно на современном этапе, способствуя воссозданию истории отечественной литературы прошлого и нынешнего веков, в том числе в локальном аспекте.

Список литературы

1. Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. – Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2008.
2. Бродяга А. Извечная злоба // Красная степь. – 1926. – 1 ноября. – С. 2.

3. Бродяга А. Пастушонок Бембе // Красная степь. – 1926. – 24 сентября. – С. 3.
4. Винников В. Дозорные огни // Красная степь. – 1927. – 18 июля. – С. 1.
5. Винников В. Партактив // Калмыцкая степь. – 1926. – 15 ноября. – С. 1.
6. Винников В. Песня про штыки и пули // Калмыцкая степь. – 1927. – 10 июля. – С. 1.
7. Винников В. Песнь о Бадме и Казарме // Калмыцкая степь. – 1927. – 12 сентября. – С. 1.
8. Винников В. Простой случай // Калмыцкая степь. – 1926. – 7 ноября. – С. 2.
9. Душан У. Д. Камзол // Душан У. Д. Избранные труды. – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – С. 307–309.
10. Дякиева Р. Б. Журналистика Калмыкии: история и современность. – Элиста, 2001.
11. Ерымовский К. Калмыцкая тетрадь // Ерымовский К. Легенда о лотосе. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. – С. 57–101.
12. Ерымовский К. Степные были: очерки и рассказы. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960.
13. Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. – М., 1893.
14. Запрудный М. Алагирь. Маленькая повесть о калмыцкой женщине // Красная степь. – 1927. – 12 мая. – С. 4.
15. Запрудный М. Алагирь. Маленькая повесть о калмыцкой женщине // Красная степь. – 1927. – 16 мая. – С. 4.
16. Запрудный М. Алагирь. Маленькая повесть о калмыцкой женщине // Красная степь. – 1927. – 19 мая. – С. 4.
17. Запрудный М. Алагирь. Маленькая повесть о калмыцкой женщине // Красная степь. – 1927. – 23 мая. – С. 4.
18. Запрудный М. Алагирь. Маленькая повесть о калмыцкой женщине // Красная степь. – 1927. – 26 мая. – С. 4.
19. История калмыцкой литературы: В 2 т. Т. 2. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980.
20. Кормилов С. И. Повесть // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. А. Николюкина. – М.: Интелвак, 2001. – С. 752-753.
21. Мана цагин айсмуд. – Элст: Хальмг таңһчин дегтр һарһач, 1933.
22. Мацаков И. М. О калмыцких рассказах // Калмыцкая художественная литература на подъеме. – Элиста, 1962. – С. 31-43.
23. Монраев М. Калмыцкие личные имена: семантика. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007.
24. Монраев М.У. Этнолингвистическая характеристика антропонима «Гаря» // Проблемы современного калмыковедения. – Элиста, 2001.
25. Нет пощады преступникам // Красная степь. – 1926. – 1 ноября. – С. 2.
26. Нечаев Е.Е. Сургаль – всё. – М., 1922.

27. Объединение калмыцких литераторов должно существовать // Красная степь. – 1927. – 18 декабря. – С. 2.
28. Перевод героической поэмы «Джангар» // Красная степь. – 1926. – 6 декабря. – С. 3.
29. Писатели и поэты Калмыкии организовались // Красная степь. – 1927. – 26 декабря. – С. 2.
30. Похищение невесты // Красная степь. – 1926. – 22 октября. – С. 3.
31. Пьеса для национального театра // Красная степь. – 1926. – 6 декабря. – С. 3.
32. Пюрвеев В. Литературное движение 20-х годов в Калмыкии // Закономерности формирования и развития калмыцкой литературы. – Элиста, 1980. – С. 3–25.
33. Романов А.С. Печать Калмыкии 20-х годов. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971.
34. Ташнинов Н. Ш. Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР. – Элиста, 1969.
35. Ургадурова А.И. «Алагирь» М. Запрудного как маленькая повесть о калмыцкой женщине в русской прозе XX века // «Сетевое востоковедение: образование, наука, культура», международная науч. конф. (2017; Элиста). Международная научная конференция «Сетевое востоковедение: образование, наука, культура», 7-10 декабря 2017 г. [Текст]: материалы. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. – С. 278-280.
36. Ханинова Р.М. Поэтика русской и калмыцкой литературы XX века: проза, поэзия, драматургия: учеб. пособие. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017.
37. Ханинова Р.М., Маргушина Д.В. Поэма Егора Нечаева из калмыцкой жизни «Сургаль – всё» // Международная научно-практическая конференция «Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык – культура – образование – музей (теоретические и прикладные проблемы)»: материалы. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. – С. 186-189.
38. Ханинова Р.М., Конеева Е.В. Революция 1917 года в жизни калмыцкой бедноты (на материале прозы А. Бродяги) // «Развитие национально-государственного строительства на юге России в период Октября 1917 г. – 1920 г.»: материалы Российской научной конференции. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. – С. 443-449.
39. Ханинова Р.М., Иванова Д.А. Русско-калмыцкие литературные связи XX–XXI веков в диалоге культур. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016.
40. Ханинова Р.М. Судьба калмычки в годы Советской власти в маленькой повести «Алагирь» Михаила Запрудного // «Развитие национально-государственного строительства на юге России в период Октября 1917 г. – 1920 г.»: материалы Российской научной конференции. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. – С. 429-436.
41. Ханинова Р.М., Иванова Д.А., Маргушина Д.В. Литературное краеведение: калмыцкая тема в русской литературе: учеб. пособие. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017.

42. Ханинова Р.М., Маргушина Д.В., Конеева Е.В. Революция 1917 года в жизни калмыцкой бедноты (на материале стихотворений В. Винникова) // Русский язык и литература в современном образовательном пространстве: диалог культур. Сб. материалов Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2018. С. 176-179.

Р.М. Ханинова, И.С. Бадмагоряева

Русско-калмыцкие литературные связи в сентябре 1940 г. (по материалам газеты «Ленинский путь»)

Введение

Организатором первой печатной газеты на калмыцком языке «Улан хальмг» («Красный калмык»), издававшейся в 1919 году в 10-й армии, был Х. Б. Кануков. Она была адресована воинам Красной Армии.

Под тем же названием в 1920 году стала выходить на двух языках – калмыцком и русском – общеполитическая газета «Улан хальмг», орган Калмыцкого обкома партии, Калмыцкого ЦИК и облпрофсовета.

Через шесть лет, в 1926 году, под новым названием «Таңһчин зэңг» («Областные известия») она стала выходить на калмыцком языке.

Газета «Красная степь» издавалась на русском языке с 1926 по 1929 год, как и газета «Ленинский путь». Молодежи и детям были адресованы газеты «Улан баһчуд» («Красная молодежь») и «Ленинэ ачһр» («Ленинские внучата»).

Помимо газет стали выходить и журналы: «Ойратские известия», «Вестник» (1922), «Калмыцкая область» (с 1925 г.), «Калмыцкая степь» (с 1927 г.), «Әәмгин коммунист» («Сельский коммунист»), «Мана келһ» («Наш язык»), «Ленина герэсэр» («По заветам Ленина»), «За социалистическую культуру».

Одной из популярных газет в республике на русском языке была газета «Ленинский путь», на страницах которой печатались различные материалы, освещались события отечественной и мировой современности.

Так, в Калмыкии в январе 1940 года началась подготовка к празднованию 500-летия калмыцкого героического эпоса «Джангар». Создана юбилейная комиссия, о работе которой сообщала республиканская газета «Улан баһчуд» («Красная молодежь») 25 января того же года.

Вся республиканская пресса, в том числе газета «Ленинский путь», передавала в подробностях, как Калмыкия готовилась к юбилею, как праздновала, как принимала гостей со всей страны, ученых и писателей.

Союз писателей СССР постановил провести в Элисте очередной пленум, который состоялся в сентябре того же года.

Объектом и предметом исследования тема празднования 500-летия эпоса «Джангар» в Калмыкии и соответственно тогда русско-калмыцких литературных контактов не становилась за исключением работ общего характера, а

также нескольких статей на основе материалов газеты «Ленинский путь», например, статьи Р.М. Ханиновой «Белорусско-калмыцкие литературные связи: Филипп Пестрак и Максим Танк в сентябре 1940 г.», «Калмыцкая тема в лирике русских поэтов (А. Гатов, А. Решетов, В. Лозин)», совместной статьи Р.М. Ханиновой и И. Бадмагоряевой «Об истории русского перевода калмыцкого эпоса «Джангар» в годы Советской власти». В первой статье речь шла о гостях юбилейных торжеств – белорусских писателях Филиппе Пестраке и Максиме Танке (литературный псевдоним Евгения Скурко), во второй – о стихотворениях на калмыцкую тему московских и ленинградских поэтов – Александра Решетова, Александра Гатова и Валентина Лозина, написанных во время праздника, в третьей – об истории перевода калмыцкого эпоса на русский язык различными переводчиками в довоенный период.

Все это определило *актуальность* и *научную новизну* выпускной квалификационной работы.

Русско-калмыцкие литературные связи в сентябре 1940 года, в период празднования 500-летнего юбилея эпоса «Джангар», являются *объектом* данного исследования.

Предметом заявленного исследования стали формы литературных контактов в указанный период, которые демонстрировали внимание и интерес народов СССР к фольклору, в частности, к национальным эпосам, к литературам и культурам страны, – пленум СП СССР в Элисте, литературные встречи, создание новых произведений, интервью, беседы, переводческая практика.

Материал, положенный в основу нашей работы, представлен на основе газеты «Ленинский путь» (сентябрь 1940 года): литературная хроника юбилея эпоса, беседы, интервью, статьи, доклады, стихи участников праздника, а также в сборнике «О “Джангаре”» (Элиста, 1963), составленном А.И. Сусеевым по страницам публикаций указанной газеты, кроме того, в сборнике материалов международной научной конференции, посвященной 550-летию калмыцкого эпоса в 1990 году (Элиста, 2004).

Цель исследования – установить формы и виды литературных русско-калмыцких связей довоенного периода, конкретно в сентябре 1940 года в Калмыкии во время празднования юбилея эпоса «Джангар».

Отсюда необходимость решения поставленных *задач*:

1. составить юбилейную хронику событий сентября 1940 года по страницам газеты «Ленинский путь»;
2. изучить довоенную историю русского перевода калмыцкого эпоса «Джангар» и переводов на другие языки народов СССР;
3. выявить литературные контакты по материалам газеты «Ленинский путь» (сентябрь 1940 года).

Методы историко-литературного, историко-функционального освещения составили *методологию* нашего исследования.

В основу исследования положены материалы газеты «Ленинский путь» за сентябрь 1940 года.

Изучение национального эпоса калмыцкого народа и его празднования в сентябре 1940 года в Калмыкии, прежде всего русско-калмыцких литературных связей, связанных с включением малоисследованных материалов, составляет *теоретическую значимость* исследования.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в преподавании литературного краеведения, спецкурсов по изучению фольклора и литературы народов России.

Структура работы: введение, две главы, заключение, список литературы.

Во введении указаны все параметры предпринятого исследования.

Первая глава посвящена юбилейной хронике событий сентября 1940 года на основе материалов газеты «Ленинский путь»: пленум СП СССР в Элисте, доклады и выступления, встречи участников праздника с тружениками республики, интервью и беседы с писателями, новые стихи, перевод эпоса.

Во второй главе рассмотрена история перевода калмыцкого эпоса «Джангар» на языки народов СССР и мира.

Заключение содержит основные итоги проделанной работы.

Глава первая.

Юбилей героического эпоса «Джангар» в Калмыкии (по материалам газеты «Ленинский путь», 1940)

1.1. Хроника юбилейного праздника (по страницам газеты «Ленинский путь»)

В Калмыкии в январе 1940 года началась подготовка к празднованию 500-летия калмыцкого героического эпоса «Джангар».

Создана юбилейная комиссия, о работе которой сообщала республиканская газета «Улан баһчуд» («Красная молодежь») 25 января того же года.

В беседе с корреспондентом газеты «Ленинский путь» от 18 января драматург Бадма Эрдниева сказал, что писатель В. Гусев дал согласие написать к 20-летию автономии Советской Калмыкии русскую пьесу по мотивам «Джангара» [Подготовка к юбилею «Джангара» 1940: 4].

Калмыцкие авторы тоже работали над той же темой. Так, на заседании правления Союза советских писателей Калмыкии был утвержден список авторов статей об эпосе «Джангар», среди которых было названо имя драматурга Баты Манджиева («Моя работа над пьесой по мотивам «Джангара»), писала газета «Ленинский путь» 8 сентября во время юбилейных торжеств [В правлении Союза советских писателей Калмыкии 1940: 1].

13 февраля редакционная статья «Жемчужина калмыцкого народа» в газете «Улан баһчуд» была посвящена эпосу.

Две статьи З. Гокжаева и Г. Брука адресованы джангарчи Даве Шавалиеву и музыке калмыцкого эпоса.

О том, как деятельно готовятся к 500-летию «Джангара» студенты и пре-

подаватели Калмыцкого пединститута в Астрахани, написал в газету «Ленинский путь» студент Анджа Тачиев, будущий писатель.

В заметке под названием «К юбилею Джангара», напечатанной 23 февраля, он информировал, что для руководства подготовкой к юбилею создана комиссия. В институте среди студентов объявлен конкурс на лучшие статьи об эпосе, разработаны 13 тем: «История собирания и издания “Джангара”», «Эпоха “Джангара”», «Героические образы в поэме», «Быт и жизнь народа по поэме» и др. Кроме того, институт наметил выпустить литературно-художественный альманах на калмыцком и русском языках, посвященный юбилею. Преподаватели литературы прочтут ряд лекций о калмыцком эпосе. В подготовку к юбилею включились все общественные организации института [Тачиев 1940: 4].

10 марта 1940 года газета «Ленинский путь» сообщала о том, что на 17-й областной партийной конференции с докладом «За дальнейший расцвет калмыцкой литературы» выступил Ц. Леджинов.

В Калмыцком драматическом театре 2 июня 1940 года состоялся просмотр юбилейного спектакля «Бумбин орн» («Страна Бумба») по пьесе Б. Басангова – информировала газета «Улан баһчуд» 6 июня того же года.

В августе 1940 года в Элисте был проведен первый республиканский конкурс джангарчей, где лучшими признаны Д. Шавалиев, М. Басангов, Д. Джанахаев, извещала читателей газета «Ленинский путь» 5 сентября того же года.

5 сентября 1940 года эта же газета поместила заметку поэта Басанга Дорджиева под названием «Источник творческого вдохновения», в которой он рассказал, с каким большим подъемом готовились к юбилею поэмы поэты и писатели, ибо «Джангар» является живым источником современной советской калмыцкой поэзии. Каждый поэт и писатель республики посвятил поэме одно из своих произведений.

По словам автора заметки, были организованы выступления по радио, на собраниях и вечерах, многие поэты и писатели выступали со своими статьями на страницах газет, проводили литературные вечера на предприятиях, в организациях и колхозах.

Из писательской организации были специальными лекторами М. Тюлюмджиев, Г. Шалбуров, С. Мукабенов. На всех участках строительства дороги Элиста – Дивное были организованы литературные выступления поэтов и писателей с докладами о «Джангаре» и чтением отдельных песен из эпоса.

Джангарчи Мукебен Басангов несколько раз выступал на собраниях и литературных вечерах колхозников, молодежи и учащихся Долбанского улуса. С его слов записаны пять новых глав и новый вариант одной песни «Джангара».

Художественно-литературный журнал «Улан туг» с начала этого года напечатал ряд важных материалов, popularизирующих значение эпоса.

Автор заметки рассказал о том, над чем работают его коллеги. Так, поэт Церен Леджинов написал большую поэму «Тарха кевюн» («Нищий мальчу-

ган»), посвященную любимому герою эпоса Алому Хонгору, а сейчас работает над песней по мотивам «Джангара».

Поэт Михаил Тюлюмджиев написал песню о богатыре Санале, трудится над большой поэмой «Джангарчи».

Поэты Гаря Шалбуров, Лиджи Инджиев, Давид Кугультинов и другие написали песни и стихи, посвященные калмыцкому эпосу.

Драматурги Баатр Басангов и Бата Манджиев создали пьесы по мотивам народной поэмы, одобренные Правлением ССП Калмыкии. Пьеса Б. Басангова «Бумбин Орн» будет поставлена Калмгостеатром в дни юбилейных торжеств.

Аксен Сусеев написал пьесу «В поисках счастья», сумев связать многовековые мечты народа с практической борьбой за счастье, за Советскую власть в годы гражданской войны.

Б. Дорджиев в своей заметке сообщил, что русский поэт Дмитрий Саблуков написал радиопьесу о богатыре Хонгоре.

«Замечательные образы богатырей “Джангара” вечно будут служить источником для вдохновения наших поэтов и писателей, звать их к созданию новых произведений, достойных великой эпохи социализма», – заключил поэт [Дорджиев 1940: 2]

В том же номере газеты поэт Лиджи Инджиев рассказал о старейшем сказителе эпоса Овла Эляеве, прожившем 70 лет и умершем в 1918 году. С детства он знал много сказок и отдельные песни «Джангара», а в 15 лет стал известен как настоящий джангарчи, поющий 12 песен эпоса.

В заметке Л. Инджиева говорилось также о том, как к взрослому джангарчи приехали ученые из Петербургского университета, записали 11 песен в его исполнении, а затем в 1934 году в Элисте Калмыцким книжным издательством впервые были напечатаны 12 песен эпоса на калмыцком языке.

Это издание стало основой для русского перевода «Джангара» поэтом Семеном Липкиным. В дни юбилейных торжеств особо вспоминаются те, кто сохранил для народа его творение, заметил Л. Инджиев [Инджиев 1940: 2].

В том же номере той же газеты другой калмыцкий писатель Гаря Шалбуров рассказал о новых главах эпоса «Джангар», записанных от джангарчи Мукубена Басангова.

Он подчеркнул, что, готовясь к 500-летию «Джангара», Союз советских писателей Калмыкии провел большую работу по сбору калмыцкого фольклора, в том числе по записи новых глав и вариантов «Джангариады».

Результатом этих работ явились изданные Калмиздатом в этом году «Новые песни “Джангара”», записанные со слов джангарчи Мукебена Басангова («Как Джангар впервые сел на ханский престол» или «Образование государства Бумбы», «Как Хонгор завладел чудесным мечом Шара Бирмис хана», «Как Хонгор погнал многочисленный табун коней Шара Кермен хана», «Как Хонгор был пленен девятью шулмусами», «Как Санал погнал семь миллионов коней Так Бирме хана»). Объем этой работы 8 печатных листов или 6000 стихотворных строк.

Кроме того, со слов джангарчей-писателей Давы Шавалиева и Анджуки Козаева записан ряд новых глав и вариантов «Джангара», которые составляют около 4000 стихотворных строк.

Новые главы, по мнению Г. Шалбурова, пленяют читателей не только своей стройной системой, но и богатством и разнообразием фантазий, оригинальностью сюжетных построений, обилием вполне законченных образов богатырей, живостью и красочностью языка [Шалбуров 1940: 2].

По словам А. Сусеева, участника торжеств, в дни подготовки и проведения праздника были опубликованы многочисленные статьи и очерки, стихи и рассказы в журналах и газетах в Москве, Ленинграде, Киеве, Улан-Удэ, Тбилиси, Баку, Ташкенте, Алма-Ате и других городах, посвященные калмыцкому эпосу, его языку, художественным средствам, патриотическим мотивам и народности эпоса и т.д.

В этих статьях и очерках, в стихах и рассказах освещается патриотическое и художественное значение «Джангара», отмечаются его литературные достоинства – как предмет гордости народа [Сусеев 1963: 3].

6-7 сентября 1940 года в Элисте начались юбилейные торжества в связи с 500-летием калмыцкого эпоса.

Гостями калмыцкой столицы стали известные ученые и писатели из разных республик и краев советской страны во главе с ответственным секретарем Президиума Союза писателей СССР, председателем Всесоюзного юбилейного комитета по празднованию «Джангара» А. А. Фадеевым.

Среди участников известные советские писатели А. Караваева, П. Павленко, А. Новиков-Прибой, И. Сельвинский, В. Шкловский, В. Инбер, С. Липкин, П. Панч, Х. Намсараев, М. Танк, Ф. Пестрак, С. Зули, М. Корюн, А. Токмагамбетов, А. Гатов, А. Решетов, В. Лозин, И. Френкель, Д. Хилтухин, С. Гехт, А. Мамакаев, А. Кутуй, В. Чивилихин, В. Шефнер, А. Гитович, В. Звягинцева, В. Лидин, А. Яковлев, Л. Пасынков, Н. Шпанов, Б. Ивантер, М. Бажан и др.

Участниками форума стали известные ученые-литературоведы – В. Кирпотин, Ю. Соколов, И. Кравченко, К. Зелинский и др.

Приехали в Элисту профессор В. Фаворский – иллюстратор юбилейного издания «Джангара», А. Рябинина – секретарь Всесоюзного юбилейного комитета, Миллер – из «Литературной газеты», Мозольков – редактор юбилейного издания «Джангара» и др.

Со станции Дивное, куда гости прибыли 5 сентября на поезде, участники отправились на машинах в столицу Калмыкии Элисту.

Вечером состоялся митинг, на котором выступили представители партийных и советских органов, писатели и ученые.

В своей речи писатель В. Шкловский сказал, что когда они узнали эпос «Джангар», то стали лучше понимать не только свой народ, но и калмыцкий. Джангар – великий герой, отец героев, предводитель героев. Но когда-то народ называл его сиротой, теперь мы уже не сироты. Благодаря мудрому труду Ленина мы все стали братьями.

Вступительным словом А.А. Фадеева 6 сентября открылся юбилейный VIII пленум Союза писателей СССР.

Он отметил, что все собрались здесь, чтобы отметить 500-летие великого героического народного калмыцкого эпоса «Джангар». Символом проходит через все статьи и исследования, посвященные «Джангару», через все ораторские выступления сравнение между той мечтой калмыцкого народа, которая была воплощена в образах счастливой героической страны Бумбы, и той новой социалистической жизнью, которой добился калмыцкий народ с помощью русского народа и которая является осуществлением его мечты. Иногда могут подумать, что эта параллель, этот символ является, так сказать, юбилейным символом или ораторским приемом, но на самом деле это сравнение имеет живые реальные исторические корни. Доказано, сказал он далее, что эпос «Джангар» сложился в целое уже в период феодального строя. Но нет никаких сомнений в том, что, как всякий народный эпос, его моральные основы были заложены значительно раньше, еще в период родового строя [Фадеев 1940: 2].

Также докладчик воздал должное безымянным и известным в республике джангарчи, которые сохранили замечательные песни эпоса до наших дней. Кроме того, он подчеркнул, что на основе этого богатого народного наследства усваивалась и передовая культура русского и других народов, формируя национальные кадры современных писателей республики.

С докладами 7 сентября выступили профессор В.Я. Кирпотин («Джангар» – великий эпос калмыцкого народа), 8 сентября – академик Ю.М. Соколов («Джангар» и эпические произведения монгольских народов).

В. Кирпотин заметил, что при советской власти отношение к национальному эпосу калмыков изменилось, он получил всесоюзное признание. Варианты эпоса заботливо собираются и записываются. Вся поэма переведена на русский язык С. Липкиным и прекрасно иллюстрирована художником В. Фаворским. Огромный труд этот, начатый переводчиком задолго до подготовки к юбилейным торжествам, выполнен им с большим совершенством и мастерством.

Ученый выразил уверенность, что юбилей эпоса даст большой толчок лингвистическому, литературному и историческому изучению этой замечательной народной эпопеи [Кирпотин 1963: 72].

В своем докладе Ю. Соколов сказал о том, что несколько дней, слушая пламенные речи об эпосе, мы могли убедиться, насколько любит калмыцкий народ свое прекрасное произведение, мы могли убедиться, какое впечатление вызывал у братских народов этот эпос. Из ряда речей мы могли убедиться, как все остро сознают политическое и культурное значение того, что у нас сейчас происходит.

Но «Джангар» имеет значение и научное. Перед каждым писателем, каждым историком литературы при ознакомлении с этим эпосом возникает множество общих и частных вопросов. Точные ответы на эти вопросы могут быть даны, конечно, лишь после углубленного и длительного исследования [Соколов 1963: 83].

Ученый задал вопрос, какое же место занимает «Джангар» в длинном ряду эпических произведений других народов СССР?

По его словам, этот вопрос должен быть освещен в различных отношениях: со стороны композиции, принципа сцепления частей, и со стороны образной системы, и в отношении легшего в основу эпоса поэтического материала, и в отношении стилистическом, и, наконец, в отношении идейной направленности эпоса [Соколов 1963: 85].

Академик выразил уверенность в том, что юбилей эпоса даст еще новый толчок к углублению и расширению научных теоретических задач, стоящих перед советскими фольклористами и литературоведами. При этом особенно большая роль должна будет выпасть на новые кадры ученых молодых национальных республик [Соколов 1963: 94].

В своем докладе «Художественная литература Советской Калмыкии» председатель Союза писателей Калмыкии Церен Леджинов 9 сентября указал на то, что величайшее народное произведение «Джангар» говорит о том, что весь калмыцкий народ выступил коллективно, как один поэт.

Хранителями и пропагандистами эпоса являются выходцы из народа, джангарчи – М. Басангов, Д. Шавалиев, Д. Джанахаев, А. Козаев и др.

За годы советской власти выросло целое поколение профессиональных писателей Калмыкии – А. Сусеев, Б. Басангов, Л. Инджиев, Б. Дорджиев, Э. Кектеев и др. Докладчик подробно охарактеризовал творчество калмыцких поэтов и прозаиков [Леджинов 1940: 2].

На закрытии пленума СП СССР в летнем театре Элисты состоялось третье заключительное заседание, на котором с докладом выступили Ц. Леджинов, с речами представители братских республик, московские поэты. Так, писатель Бурят-Монголии Х. Намсараев прочел стихи «Джангара» на языке своей родины, как и другие поэты в своих переводах: татарский поэт А. Кутуй, белорусский поэт М. Танк, узбекский поэт Мир-Темир, осетинский поэт Плиев, чувашский поэт Малгай, удмуртский поэт Богай.

Со своими стихами, написанными в Элисте, выступил московский поэт А. Гатов, Вера Инбер прочитала в своем переводе стихотворение Ц. Леджинова «Застольная песня»: «Спой о Бумбе нам, джангарчи, / Эта сказочная страна / Уж не вымысел: вот она! / Там колхозники – богачи». Закрывая пленум, украинский писатель П. Павленко высказал общее мнение, что празднование 500-летнего юбилея героического калмыцкого эпоса прошло интересно и благотворно [Закрылся VIII пленум союза советских писателей СССР в Элисте 1940: 1].

После пленума в летнем театре состоялся концерт колхозной художественной самодеятельности Долбанского, Приволжского и Черноземельского улусов.

Литературный критик И. Мацаков в своей статье «„Джангар“ и художественная литература Калмыкии» отметил, что изумительная словесная ткань, музыкальность, огромный полет фантазии и вымысла «Джангариады» всегда восхищали поэтов и писателей Калмыкии.

«Джангар» был и остается источником их творческих вдохновений. Молодая калмыцкая художественная литература – детище Великой Октябрьской социалистической революции создавалась и плодотворно развивается на базе богатого народного фольклора и под непосредственным влиянием «Джангара».

Героические песни «Джангариады», полные огня, страсти и подъема, первые революционные песни, рожденные эпохой, и легли в основу новой советской художественной литературы Калмыкии. Калмыцким писателям всегда было и есть чему учиться у «Джангара». Шедевр мировой поэзии – «Джангар» является образцом языкового, словарного богатства и примером показа наиболее глубоких и ярких, художественно совершенных типов героев. Как чистая струя ключевой воды течет его язык, в ком воплощены самые сокровенные чаяния и надежды калмыцкого народа. Художественная литература советской Калмыкии развивается, органически впитывая традиции своего великого эпоса. Поэты и писатели неустанно черпают из «Джангара» поэтические образы, мотивы и художественные формы [Мацаков 1940: 1].

Эти и другие материалы были напечатаны на страницах газеты «Ленинский путь» 7-13 сентября, сведения о писательском пленуме представила и «Литературная газета» 8 и 15 сентября 1940 года.

Составитель сборника «О “Джангаре”» А. Сусеев в 1963 году в предисловии счел необходимым напомнить о том, что в тот период развития калмыцкой советской литературы давление культа личности Сталина трагически отразилось на судьбах ряда писателей, принимавших активное участие в создании калмыцкой советской литературы, имена которых в данном сборнике отсутствуют.

Так не нашли упоминания в этом сборнике имена Антона Амур-Санана, выдающегося прозаика, Николая Нармаева – превосходного знатока калмыцкого языка, поэта и прозаика, начавшего перевод «Джангара» на русский язык вместе с русским поэтом Виктором Винниковым еще в двадцатых годах, Давана Гаря – талантливого поэта-лирика. Они ныне полностью реабилитированы. По той же причине не упомянуты имена старейших талантливых писателей, ныне плодотворно и активно работающих в области литературы: Санджи Каляева, Хасыра Сян-Белгина, Константина Эрендженова [Сусеев 1963: 4].

Ученые и писатели познакомились с Калмыкией, побывали в районах республики, встретились с трудящимися, с молодежью, увидели самобытное национальное искусство, написали стихи о калмыцкой земле (А. Решетов, А. Гатов, В. Лозин и др.), перевели произведения своих калмыцких коллег на русский язык (В. Звягинцева, С. Липкин и др.).

11 сентября 1940 года гости разъехались, но связь, дружеская и творческая, не прервалась.

1.2. Приветствия участникам юбилейного форума

В адрес оргкомитета и участников юбилейного форума пришли поздравительные телеграммы от советских и партийных органов и литературных организаций страны. Представим некоторые из них, опубликованные в сентябре 1940 года в газете «Ленинский путь» и перепечатанные в сборнике «О «Джангаре»» (1963).

«Юбилейному комитету по празднованию народного эпоса «Джангара»

Президиум Верховного Совета Казахской ССР поздравляет калмыцкий народ с пятисотлетием его народного эпоса «Джангар». Калмыцкий народ, возрожденный Октябрьской революцией, благодаря национальной политике партии Ленина – Сталина раскрыл замечательный эпос «Джангар», являющийся ценнейшим вкладом в культурную сокровищницу советского народа, герои которого рождают в нем стремление к отваге, мужеству и беззаветной преданности к родине.

В дружной семье народов Союза калмыцкий народ создает национальную по форме, социалистическую по содержанию свою культуру во стократ прекраснее, чем оно представлялось в мечтах народа.

Да здравствует возрожденный калмыцкий народ и его культура!

Да здравствует дружба народов СССР!

Да здравствует любимый вождь народов великий Сталин!

*Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета
Казахской ССР Ш. Ермагамбетова.*

Союзу писателей Калмыкии

Писатели Якутии поздравляют братский калмыцкий народ и его писателей с 500-летием гениального творения калмыцкого народа «Джангара». Величие, бессмертие «Джангариады» в том, что она в образе Бумбы и его богатырей выразила воплощенные в нашей социалистической родине вековые идеалы не только калмыцкого народа, но и всех народов Советского Союза.

Да здравствует великая партия Ленина-Сталина, принесящая народам счастливую культурную жизнь!

Да здравствует героический калмыцкий народ – создатель «Джангара»!

Якутские писатели: Элляй, Абагинский, Чагылган, Оммолок, Урастыров.

Союзу писателей – Семену Липкину

Привет из Советской Буковины переводчику «Джангара». Передайте мои приветствия и лучшие пожелания участникам пленума.

Борис Турганов, г. Черновицы.

Обкому ВКП(б) и Совнаркому Калмыцкой АССР

Горячо приветствуем калмыцкий народ в день его большого праздника – 500-летия создания героической поэмы «Джангар», гениально выразивший лучшие чувства народа, мужество его и отвагу.

500-летие поэмы «Джангар» – знаменательная дата для всех народов Советского Союза, связанных между собой узами братской, нерушимой дружбы.

Желаем народу братской республики новых успехов во всех областях социалистического строительства.

Секретарь Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) Суслов.

Обкому ВКП(б), Президиуму Верховного Совета и Совнаркому Калмыцкой АССР

Карачаевский обком ВКП(б) и исполком областного Совета депутатов трудящихся от имени трудящихся Карачая в день 500-летия калмыцкого эпоса «Джангар» шлют калмыцкому народу свой братский привет!

Обком ВКП(б) и исполком областного Совета депутатов трудящихся с чувством братской любви выражают уверенность, что калмыцкий народ, отпраздновав 500-летие народной поэмы «Джангар», с новой силой выделит и воспитает не одну сотню новых талантливых художников слова – писателей, поэтов, рассказчиков и певцов.

Да здравствует цветущая культура Калмыкии, национальная по форме и социалистическая по содержанию.

*Карачаевский обком ВКП(б),
Карачаевский исполком областного Совета депутатов трудящихся.*

Совнаркому Калмыцкой АССР

Совнарком Татарской АССР приветствует трудящихся социалистической Калмыкии с 500-летием народного эпоса «Джангар», отражающего героические страницы в истории калмыцкого народа.

Правительство орденоносной Татарии с большим удовлетворением и радостью отмечает большие достижения Калмыкии в деле расцвета народного хозяйства и национальной по форме, социалистической по содержанию культуры в результате неуклонного проведения ленинской национальной политики и повседневного внимания партии и правительства.

Совнарком Татарии желает трудящимся Калмыкии дальнейших еще больших успехов в деле строительства коммунизма.

Да здравствует Ленинская Коммунистическая партия!

Да здравствует Калмыцкая АССР!

Совнарком Татарской АССР.

Правлению Союза советских писателей Калмыцкой республики

Союз советских писателей Бурят-Монголии шлет пламенный привет калмыцкому народу в день празднования 500-летия народного эпоса «Джангар». В далеком прошлом угнетенный калмыцкий народ вложил в поэму «Джангар» свои чаяния, надежды и мечты о лучшем будущем и счастливой жизни. Наша радостная советская действительность является воплощением этих чаяний и надежд.

Юбилей «Джангара» – великое торжество всех народов Советского Союза, свидетельство всемирно-исторических побед, которых достигла наша страна под руководством великой партии Ленина.

Правление Союза советских писателей Бурят-Монголии.

Союзу советских писателей Калмыцкой АССР

Союз советских писателей Азербайджана шлет горячий братский привет писателям Калмыкии и всему калмыцкому народу в день празднования 500-летия великого эпоса «Джангар»!

Величественный героический эпос «Джангар» – есть воплощение героизма, благородства гениальности калмыцкого народа. Истинной красотой своей поэзии, глубоко человеческими мотивами он занимает выдающееся место среди творений народов мира.

Да здравствует «Джангар» – великое создание калмыцкого народа!

*От имени ССП Азербайджана Самед Вургун,
Сулейман Рагимов, Ордубады Мирза, Ибрафинов Амамед Ариф.*

Союзу советских писателей, «Джангаровскому» юбилейному комитету

Разделяя радость и творчество братского калмыцкого народа в день пятисотлетнего юбилея бессмертной поэмы «Джангар», шлем свои искренние поздравления и пожелания для дальнейшего расцвета науки, литературы и культуры Калмыкии.

*Институт украинской литературы имени Шевченко
Академии наук УССР, академик Белецкий.*

Юбилейному комитету по празднованию 500-летия «Джангара»

Праздник 500-летия выдающегося произведения мирового масштаба калмыцкого национального эпоса «Джангар» является праздником всего советского искусства.

Идеи преданности Родине, величия, силы и бессмертия народа, заключающиеся в «Джангаре», его яркие и мужественные образы, богатство ритмов и инструментовки стиха, наконец, мелодии джангарчи – все это вдохновляет советских композиторов, помогает им воплотить в музыке народность – великую программу партии Ленина для советского искусства.

Приветствуем рабочих, колхозников, советскую интеллигенцию, писательскую, музыкальную и всю художественную общественность Калмыцкой АССР, желаем дальнейших успехов калмыцкому национальному искусству, переживающему бурный рост в условиях ленинской национальной политики.

Оргкомитет Союза композиторов СССР. Глиэр, Хачатурян.

Республиканскому юбилейному комитету «Джангара»

ЦК компартии большевиков Казахстана и Совет Народных Комиссаров Казахской ССР шлют горячий привет калмыцкому народу в день славной и почетной даты 500-летия калмыцкого народного эпоса «Джангара»!

Казахский народ приветствует трудящихся возрожденной Калмыкии с осуществлением вековой мечты трудового калмыцкого народа, завоевавшего под руководством партии Ленина обетованную страну счастья, так неподражаемо ярко воспетую в бессмертном народном творении «Джангар».

ЦК КП(б) Казахстана и Совнарком Казахской ССР желают дальнейших успехов в расцвете национальной по форме и социалистической по содержанию культуры калмыцкого народа.

Да здравствует дружба народов Советского Союза!

Совнарком Казахской ССР, ЦК КП(б) Казахстана.

[Приветствия калмыцкому народу в связи с 500-летием «Джангара» // О «Джангаре». Элиста, 1963: 25-32].

Во время празднования юбилея калмыцкого эпоса гости-писатели не создали стихотворений, посвященных ему непосредственно.

Такие произведения были написаны позднее. Некоторые из них процитированы в статье поэта Григория Кукареки «Отечественные писатели о “Джангаре”».

Например, ростовский поэт-переводчик Виктор Стрелков, написавший о Калмыкии много стихов, посвятил свое стихотворение эпосу:

*И слышу вновь я пенье джангарчи,
Не торопясь чеканящего фразу
Под мелодичный отзвук серебра...
О, как желала мне добра домбра!
О, как смешно она боялась сглазу,
Когда, мечом Джангаровым звеня,
Гнала шулмусов козни от меня!
Вобравиую сокровища веков,
Рожденную мечтой Джангариаду
Она открыла мне подобно кладу...*

Ленинградский поэт-переводчик калмыцкой поэзии Анатолий Аквилев выразил свое отношение следующими строками:

*И снова поет соловей,
Как лучшую песню любимой:
«Нет слаще Отчизны твоей,
Ее золотистого дыма...» [Кукарека 2004: 413].*

Нет, пожалуй, ни одного калмыцкого поэта, не посвятившего свои стихи родному эпосу.

Следовательно, приветствия участникам юбилейного форума и высказывания гостей о национальном эпосе калмыцкого народа свидетельствуют, с одной стороны, о политической, идеологической, культурной деятельности советских и партийных органов, а с другой – о литературных контактах народов страны, о значении национальных эпосов в истории и искусстве.

Выводы по главе.

Юбилейная хроника празднования 500-летия калмыцкого героического эпоса «Джангар», подробно представленная в республиканской и всесоюзной прессе, включала работу юбилейного VIII пленума Союза писателей СССР в сентябре 1940 года: доклады, речи, литературные встречи, выступления джангарчи и художественной самодеятельности народных коллективов республики.

Участники юбилея – писатели и ученые со всей страны – познакомились с историей, культурой, искусством калмыцкого народа, прочитали свои переводы героического эпоса «Джангар» на родных языках, создали стихи на калмыцкую тему, опубликовав их в газете «Ленинский путь».

Так, три стихотворения русских поэтов из Москвы и Ленинграда Александра Гатова («Привет Элисте!»), Александра Решетова («Когда я был в Калмыкии степной») и Валентина Лозина («Калмыцким девушкам»), написанные в сентябре-октябре 1940 года и опубликованные тогда же в республиканской газете «Ленинский путь», отразили непосредственные впечатления авторов от встреч на калмыцкой земле, свидетельствуя о русско-калмыцких литературных связях, о дружбе народов страны [Ханинова 2017: 282].

Глава вторая.

Переводы калмыцкого эпоса «Джангар» на языки народов СССР и мира

2.1. Об истории русского художественного перевода калмыцкого эпоса «Джангар» в довоенный период

Первые попытки художественного русского перевода калмыцкого героического эпоса «Джангар» относятся к началу 1920-х годов.

Д. Усов в заметке «Джангар» писал: «Калмыцкая литература до сих пор

является достоянием слишком узкого круга читателей: преобладающий контингент их – специалисты востоковеды и затем калмыки. Это надо объяснить не только тем, что калмыки сами не печатали своих старинных рукописей, но до известной степени также поразительной и незаслуженной скудостью переводов с калмыцкого языка; если они и появляются, то носят, в большинстве случаев, чересчур специальный или же утилитарный характер. Мы затруднились бы указать художественные переводы памятников калмыцкой литературы вроде тех, какими обладают памятники мировой литературы – Гомеровские поэмы, Эдда, Калевала и др. Об этом, конечно, приходится только пожалеть, ибо на примере калмыцкого эпоса могут быть выяснены многие новые данные для исторической поэтики; историки литературы и фольклористы почти лишены, таким образом, массы ценного для них материала» [Усов 1922: 118].

Газета «Ойратские Известия» в 1922 году начала печатать стихотворное переложение калмыцкого эпоса «Джангар» в переводе Б. Рынды.

Начальные строки перевода:

*Озаряя сумрак дали блеском яркого сиянья,
Многоцветными огнями океан играет Бумба...
Вдоль по среднему протоку змеевидной Шильтя-Зандан,
Там, где море голубое, что Орген Шарту зовется,
В тихом плеске волн ленивых побережье омывает,
У подножья серых кряжей Шикирлу, горы высокой,
Чьи двенадцать снежных высей прорезают купол неба,
На высоком белом камне терем высится Джангара.*
[Цит. по: «Джангар» 2004: 112].

В примечаниях к этому опыту исследователь В.З. Церенов пояснил: «Подстрочный перевод отрывка был осуществлен Л.Н. Нормаевым, известным работником народного образования. Поэтическое переложение принадлежало Б.К. Рынде-Алексееву, литературному сотруднику Калмыцкого издательства. В письме, направленном 2 августа 1922 г. заведующему областным отделом народного образования, названные переводчики сообщали: “На одном из заседаний редакционной коллегии журнала “Ойратские известия” был разрешен вопрос о желательности перевода на русский язык и переложения в стихотворную форму поэмы “Джангар”.

Вслед за тем означенная работа была поручена т. Рында-Алексееву, который вместе с тов. Нормаевым, взявшимся за перевод “Джангара” с калмыцкого на русский, представил для № 3-4 “Ойратских известий”, в виде пробы 60 первых строк поэмы.

Ныне редактор “Ойратских известий” проф. Пальмов обратился с просьбой о доставлении дальнейших строк поэмы» [Церенов 2004: 545].

В связи с тем, что авторы письма запрашивали за свою работу (полный перевод эпоса) такой гонорар (100 тысяч рублей), которым не располагали

ни редакция, ни отдел образования, дальнейшая работа над переводом была остановлена.

Газета «Красная степь» 6 декабря 1926 года сообщала: «Наша национальная художественная литература насчитывает всего лишь несколько произведений, относящихся, главным образом, к народному героическому эпосу. Из этих произведений большой популярностью среди калмыцкого народа пользуется героическая поэма “Джангар”.

В данный момент поэт Виктор Винников и т. Пюрбеев заняты переводом ее на русский язык» [Перевод героической поэмы 1926: 3].

В 1927 году на страницах этой газеты 27 января и 26 марта были опубликованы два фрагмента перевода эпоса, сделанные астраханским поэтом Виктором Винниковым и Анджуrom Пюрбеевым, секретарем обкома комсомола. В пояснениях от переводчиков уточнено, что перевод сделан не дословно, а вольно, с наибольшим приближением к тексту подлинника. Своеобразная разбивка строк и распределение рифм посредине – вызвано стремлением переводчиков сохранить особенности калмыцкого стиха с их левосторонней рифмой.

Как вспоминал корреспондент «Красной степи» Константин Ерымовский о русском переводе эпоса, в котором принимал участие и калмыцкий литератор Батыр (Баатр) Басангов, подготовивший подстрочник для С. Липкина и отозвавшийся о работе своих предшественников:

«В разное время в печати появлялись отрывки из “Джангара” на русском языке. Сравнивая и оценивая их, Батыр приходил к одному выводу:

– Далеки от подлинника. Есть переводы будто бы и красивые, и поэтические, переводчики старались, а подлинного “Джангара” все же не почувствуешь. В 1927 году в газете “Красная степь” были напечатаны два отрывка из поэмы в переводе Анджура Пюрбеева и поэта Виктора Винникова. Пюрбеев, бывший в ранней молодости батраком, наизусть знал “Джангар”. С его слов и делался, вольный, недословный перевод. Например:

*У Джангара буйный конь,
у Джангара резвый конь,
у Джангара рыжий конь,
у Джангара конь, как сказка.
И дротик, как огонь
горящий, золотой.
Так от каких погонь
уйти не сможет Джангар?*

Поэт ввел рифму посредине строк, чтобы как-то сохранить особенность калмыцкого стиха с левосторонней рифмой. Однако все равно при вольном переводе и недостаточном проникновении в “дух поэмы”, ее обаяние утрачивалось» [Ерымовский 1960: 43].

Другой перевод принадлежал представителю литературы калмыцкого зарубежья. «В калмыцком эмигрантском журнале “Улан Залат” (1927, № 1;

1928, № 2; 1930, № 3) Д. Н. Баянова (1889–1984) опубликовала перевод нескольких песен эпоса. <...> Вместе с мужем, адвокатом С.Б. Баяновым, активно сотрудничала в Калмыцкой комиссии культурных работников, созданной калмыцкими эмигрантами в Чехословакии. Известность снискала литературными переводами и фольклорными публикациями», – указывал В.З. Церенов [Церенов 2004: 546].

В примечаниях к истории изучения эпоса «Джангар» читаем о русском переводе, сделанном в середине 1930-х годов Гарей Даваевым: «В 1935 г. в газете “Улан багчуд” (в номере от 26 июня) был опубликован отрывок “Джангара” в переводе известного калмыцкого поэта Даван Гари (1914–1943), погибшего позже в лагерях ГУЛАГа. Приведу несколько строк из его перевода:

*В стране – полная бессмертность,
Молодостью дышит все.
Нет ни зноя палящего, жаркого,
Ни морозов лютых, сильных.
Чуть заметный ветер
По земле гуляет.
Прохладный дождик, мелкими брызгами,
Влагой освежает.
Так цветуща и красива
Джангара страна...» [Церенов 2004: с. 545-547].*

Следующий перевод принадлежал сталинградскому поэту, переводчику и драматургу Григорию Яковлевичу Смольякову (1907 – 1937) и калмыцкому литератору Николаю Лиджиевичу Нормaeву (1904–?), репрессированным в 1936–1937 годах за контрреволюционную деятельность и посмертно реабилитированным. В 1935–1936 годах Нормaeв участвовал в подготовке двенадцати песен «Джангара» к изданию на калмыцком языке.

«Отрывок из песни о женитьбе Хонгора в переводе Г. Смольякова и Н. Нормaeва был опубликован в 1936 г.» [Церенов 2004: 547].

Новый этап в русском переводе эпоса начался с середины 1930-х годов после Первого съезда Союза советских писателей и речи на нем А. М. Горького о необходимости сделать доступными советским читателям фольклорное творчество народов страны, после решения Первого съезда советских писателей Калмыкии о переводе «Джангара», после Постановления Президиума Союза писателей СССР, рекомендовавшего Госиздату опубликовать калмыцкий народный эпос «Джангар» на русском языке. Теперь переводческая деятельность в отношении калмыцкого эпоса принимала государственное значение и общесоюзный характер.

Как подчеркивает современный исследователь, в Гослитиздате, намечая издание, сочли нужным уточнить, что «всю подготовительную и редакционную работу издательство может осуществить при условии активной и непосредственной помощи калмыцкой писательской общественности».

За калмыцкой стороной оставались редакция оригинального текста и составление подстрочного перевода, который должен был «удовлетворять общим требованиям точности, содержать сноски, поясняющие специфические бытовые или исторические детали, а также латинскую транскрипцию первых строк (5-10) каждой главы, сведения о принципах рифмовки, размера и т.п.».

«Поэтическая обработка подстрочника, – сообщало издательство, – будет проведена в Москве силами квалифицированных поэтов» [Церенов 2004: 549].

Подготовку подстрочного перевода эпоса должны были сделать С.К. Каляев и Б. Басангов согласно решению Калмыцкого обкома ВКП(б) и соглашению с Гослитиздатом.

7 августа 1935 года Гослитиздат заключил договор с известным русским поэтом В.В. Казиным о поэтическом переводе эпоса «Джангар».

Но, несмотря на дополнительные условия, выдвинутые В. Казиным, в отношении гонорара и работы по частям, работу он не выполнил.

Следующий этап по переводу «Джангара» уже связан с именем Б. Басангова и С. Липкина. Традиционно считается, что именно Б. Басангов осуществил полный подстрочный перевод эпоса для С. Липкина.

Дочь писателя С. К. Каляева полагала, что необходимо восстановить справедливость, указав на важную роль ее отца в подготовке подстрочного перевода, которая была прервана его арестом в 1937 году. В обширной статье «„Джангр“ или „Джангар“? К истории русского перевода» она приводит различные доказательства в его пользу [Каляева: электронный ресурс].

Так или иначе, в 1937 году в альманахе «Творчество народов СССР» напечатан отрывок из песни «Джангара» в переводе С. Липкина, сделанный по подстрочнику его однокурсника Петра Кирбасова, который и познакомил его с этим эпосом [Липкин 1977: 211-212].

По предложению редакции альманаха Б. Басангов написал предисловие к этой публикации [Басангов 1937: 425-426]. После знакомства с удачным опытом перевода «Джангара» Б. Басангов предложил С. Липкину осуществить полный перевод эпоса, обещав подготовить для него полный подстрочный перевод.

Первый совместный опыт работы они представили на страницах газеты «Ленинский путь» 9 мая 1939 года.

Бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) приняло постановление об издании эпоса «Джангар» на русском и калмыцком языках, создав для этого комиссию, куда вошли и Б. Басангов и С. Липкин, наметив сроки выхода двух книг на 1939 год.

Началась подготовка к празднованию 500-летия «Джангара».

В 1940 году в Москве-Ленинграде на русском языке и в Элисте на калмыцком языке были изданы отдельные книги эпоса.

Семен Липкин рассказывал о работе над переводом с разными подробностями в разные годы. Так появилась его статья «Работа над переводом

“Джангариады”» в газете «Ленинский путь» 7 сентября 1940 года, где он подчеркнул роль Б. Басангова в этой работе.

«Мне посчастливилось: моим чтением руководил калмыцкий писатель Баатр Басангов, страстный поклонник “Джангариады”, знаток истории, обычаев, устного творчества родного народа. Общение с ним увеличило запас сведений, почерпнутых мной в литературе» [Липкин 1940: с. 3].

По словам С. Липкина, после посещения им Калмыкии и знакомства с репертуаром джангарчи, необычным было то, что работа молодого литератора заинтересовала целый народ, он получал письма от рыбаков и табунщиков, от представителей калмыцкой интеллигенции, – письма, критикующие, ободряющие, советующие.

В сентябре 1940 года в Элисте состоялся VIII пленум Союза советских писателей СССР, посвященный юбилею калмыцкого героического эпоса «Джангар», с приглашением писательских делегаций страны, в том числе и поэта-переводчика С.И. Липкина.

2.2. Об истории перевода калмыцкого эпоса «Джангар» на языки народов СССР и мира

В своей речи на открытии VIII юбилейного пленума СП СССР в Элисте 7 сентября 1940 года А.А. Фадеев сказал и о переводах калмыцкого эпоса на другие языки страны.

«Товарищи, благодаря писателям, пишущим на различных языках народов нашего Союза, “Джангар” переведен или переводится почти на все языки Советского Союза. Нужно надеяться, что он будет переведен и на все языки мира, и эта книга “Джангар” будет книгой воспитания коммунистического человека» [Фадеев 1940: 2].

Выступая на первом заседании пленума с докладом «Эпопея калмыцкого народа», В. Кирпотин подчеркнул, что эпос «Джангар» свидетельствует о яркой одаренности калмыцкого народа, входит теперь в культурный обиход всех народов страны. Пятисотлетний юбилей эпоса празднуется общественностью нашей необъятной родины [Кирпотин 1963: 41].

Действительно, в дни празднования калмыцкого эпоса фрагменты переводов его на языки народов СССР прозвучали в чтении писателей-переводчиков из разных республик. Осуществлены эти переводы были в основном на материале русского перевода С. Липкина или русского подстрочника, таким образом, русский язык стал посредником между калмыцким оригиналом и его переводами на другие языки страны.

Подтверждения тому находим на страницах сентябрьских выпусков того же года газеты «Ленинский путь», освещавшей хронику событий, а также в сборнике «О “Джангаре”» (1963).

Так, татарский писатель Адель Кутуй в своем выступлении «Привет народу-поэту» сказал о том, что татарский поэт Габдула Тукай под впечатлением изумительной красоты народных песен был убежден: народ – поэт, народ –

художник, народ – композитор. Читая прекрасные строки величайшего памятника культуры – бессмертный калмыцкий эпос «Джангар», убеждаемся в справедливости этих слов. «Велико значение “Джангара”, велико его распространение. Когда мы, татарские писатели, организовали по радио передачу на татарском языке отрывков из “Джангара”, слушатели нас засыпали письмами, требуя повторения, требуя передачи еще новых отрывков.

Наши газеты и журналы напечатали целый ряд отрывков из “Джангара”. А клятва богатырей передается из уст в уста, помещается в хрестоматиях, календарях. Ее можно услышать всюду» [Кутуй 1963: 36].

Белорусский писатель Федор Пестрак сказал калмыцкому писателю Аксену Сусееву о том, что «Джангар» читают и любят в Белоруссии, считают одним из величайших творений мировой поэзии всех культур, всех времен и всех народов мира. По его мнению, «Джангар» нисколько не уступает гомеровским «Илиаде» и «Одиссее». Это яркое создание культуры калмыцкого народа [Сусеев 1963: 42].

Широки и просторны калмыцкие степи, которые гость увидел впервые, и поэтому понял, по его словам, почему у калмыцкого народа создан такой эпос. В таких степях только и родиться и расти богатырям [Пестрак 1940: 2].

Молодой белорусский поэт Максим Танк прочел на заседании пленума фрагменты переводов калмыцкого эпоса на свой родной язык.

С переводами стихов «Джангариады» на языки братских народов выступили на втором заседании пленума грузинский поэт Карло Коладзе, армянский поэт Мкртыч Корюн и украинский поэт Е. Фомин.

Одинаково прекрасно на всех этих языках звучали вдохновенные строки поэмы богатырей, этой жемчужины мировой литературы, отметил корреспондент газеты «Ленинский путь» [Вчера на юбилейном пленуме Союза писателей СССР 1940: 2].

Для украинского писателя П. Панча важны давние исторические связи двух народов. По его мнению, калмыцкий эпос близок и понятен своими устремлениями украинскому народу. Его народ тоже веками страстно мечтал о счастливой стране правды и свободы, отстаивая и утверждая эту мечту в кровопролитных боях.

Еще дороже украинцам калмыцкий эпос, когда они вспоминают, что дружба украинцев и калмыков скреплена кровью. Писатель напомнил, как в 1665 году во время борьбы украинцев с шляхетской Польшей 7 тысяч калмыков пришли на помощь своим братьям. И позже доблестные калмыцкие воины ходили вместе с украинцами против извечных своих врагов под Перекопом, под Черкассами, под Нежином, под Каневым, обогрив своей кровью украинскую землю.

А лучшие представители украинской литературы обращали внимание на калмыцкий народ – Тарас Шевченко и Михайло Коцюбинский.

И долго мечтавший о счастливой жизни калмыцкий народ, заключил П. Панч, достиг ее только благодаря Октябрьской революции. Под знаменами Ленина эта страна стала такой, о какой мечтал «Джангар» [Панч 1940: 2].

Из далекой Бурят-Монголии приехал в Элисту на празднование эпоса бурятский писатель Хоца Намсараев. Вместе с поэтом Ц. Галсановым он перевел на бурят-монгольский язык «Песнь о поражении свирепого хана шулмусов Шара Гюргю». «Калмыцкий язык очень близок к бурят-монгольскому по своей структуре и словарному составу. Поэтому мы переводим “Джангар” с калмыцкого языка непосредственно. Вся прелесть калмыцкого языка, его музыкальность, образность полностью сохранены при переводе на бурят-монгольский язык. Бургосиздат выпускает книгу “Джангар” тиражом в 5 000 экземпляров», – сказал писатель [Дендян А. 1963: 43].

Бурят-монгольский народ проявляет к «Джангару» исключительный интерес, заявил гость. Весть о том, что «Джангар» переводится на бурят-монгольский язык, прошла по всей республике. И переводчики уже получили несколько писем с запросом об этой работе от колхозников, ученых и учителей, партийных и советских работников [Дендян А. 1963: 43].

Украинский писатель П. Павленко в своем выступлении «Мечта богатырей» заметил, что книга «Джангариады» на русском языке тоже создана дружбою. Калмыцкий писатель Баатр Басангов ввел русского поэта Семена Липкина в мир своего родного языка и породнил поэта с темой. Давно не было в книге такого широкого дыхания как эта, и стихов, переданных с такой непосредственной силой звучания и воздействия, как стихи молодого поэта, самого молодого «джангарчи» Липкина [Павленко 1963: 55].

Грузинский писатель Сандро Зули также подтвердил, что ярким выражением несокрушимой дружбы народов является юбилей «Джангара», который стал всесоюзным культурным праздником, так как в столицу советской Калмыкии съехались представители почти всех братских республик и принимают горячее участие в этих торжествах.

Это произведение переведено почти на все языки народов нашей страны.

С. Зули задается вопросом, чем же объясняется такая популярность этого эпоса. Объяснение он находит в том, что в эпосе выражена общая идея единения народов и их борьбы против своих угнетателей, чувство глубокого патриотизма и беззаветной преданности своей Родине.

Таким образом, калмыцкий эпос стал достоянием широких слоев трудящихся Советского Союза. «На грузинский язык он переведен лучшими поэтами Грузии, несколько песен издано в отдельных книгах» [Зули 1963: 57].

Среди переводчиков песен калмыцкого эпоса и армянский писатель Мкртыч Корюн, который сказал, что счастлив находиться на родине величайшего творения поэзии мира, участвуя в торжестве возрожденного калмыцкого народа – творца и хранителя героической «Джангариады» [Корюн 1963: 110].

В своем выступлении казахский писатель Аскар Токмагамбетов указал, что в результате победы ленинской национальной политики, в результате развития культуры советских народов, ранее не всем известный, великий калмыцкий эпос «Джангар» сейчас стал достоянием всех народов СССР и обрел мировую известность.

Он подтвердил, что казахский народ любит «Джангар», как и свои героические эпосы «Кобланды», «Саин», «Ер-Таргын» и другие. С переводом на казахский язык «Джангар» стал с любовью исполняться певцами и всем народом. И на казахском языке он прекрасно звучит и близок сердцу всего народа [Токмагамбетов 1963: 112].

В августе 1990 года в Элисте состоялась международная научная конференция, посвященная 550-летию калмыцкого героического эпоса «Джангар».

В сборнике материалов этой конференции есть несколько статей о переводах калмыцкого эпоса на другие языки народов СССР и мира.

Например, в статье писателя В.П. Чудного «О переводах эпоса “Джангар” на украинский язык» речь идет о вопросах перевода калмыцкого эпоса на украинский язык. Он отметил, что украинская общественность знакома с текстом «Джангара» преимущественно по русскому переводу С. Липкина. На украинский язык переведены четыре песни по текстам, изданным в 1940 году, к 500-летию эпоса. Это издание, осуществленное под редакцией украинских поэтов Павла Тычины, Владимира Сосюры и Александра Сороки, одно из лучших [Чудный 2004: 551].

Автор статьи подчеркнул, что, оценивая с научной точки зрения первое украинское издание с высоким поэтическим уровнем (среди переводчиков были такие поэты, как Андрей Малышко, Микола Бажан, Иван Нехода, Микола Терещенко, Олекса Новицкий, Микола Шпак и др.), следует обратить внимание на то, что подобный экстренный «бригадный» метод перевода не мог не отразиться на стиле перевода. Четырнадцать мастеров слова – это и четырнадцать литературных почерков, вкусовых характеристик, языковых фондов и излюбленных переводческих методов. Только над переводом песни «О походе против лютого хана Хара-Киняса» работали девять литераторов, столь разных по своей поэтической манере, как, например, М. Терещенко и А. Малышко. Опыт многих аналогичных юбилейных изданий, где довели продиктованное идеологической установкой задание и крайний дефицит времени, подсказывает невозможность в подобных случаях других издательских решений. Но вместе с тем благодаря им эти издания появились на свет.

Поэтому, заключил автор статьи, все это говорит о настоятельной необходимости полного перевода на украинский язык всего известного на сегодня текста «Джангара». Этой работой он занимается в течение ряда лет, одновременно популяризируя эпос в украинской прессе [Чудный 2004: 551-552].

В своей статье А.Н. Содномов остановился на бурятском переводе одной песни калмыцкого эпоса – «О поражении свирепого хана шулмусов Шара-Гюргю», осуществленном Х. Намсараевым и Ц. Галсановым и изданном в Улан-Удэ в 1940 году к 500-летию «Джангара». Текст перевода, видимо, послужило издание калмыцкого эпоса в Элисте в двух книгах в 1935 и 1936 годах.

По его мнению, успеху перевода во многом содействовало удачное сотрудничество двух оригинальных переводчиков: одним из них был осново-

положник бурятской советской литературы Хоца Намсараев, воспитанный на традициях восточной культуры, другим – тогда еще молодой поэт, а ныне народный поэт Бурятии Цэдэн Галсанов.

По словам А.Н. Содномова, переводчикам эпоса на бурятский язык было и легко, и трудно: легко потому, что калмыцкий и бурятский языки относятся к монгольской группе и их лексический состав на 70-80 процентов схож, трудно потому, что эти языки в течение нескольких веков не имели прямых контактов, поэтому в каждом из них образовались разные напластования. Главная трудность перевода эпоса – это передача его стиля [Содномов 2004: 530-531].

Далее автор статьи остановился на сопоставлении оригинала и его перевода.

Кроме того, ученый сообщил, что в связи с 550-летием эпоса «Джангар» работа по переводу его на бурятский язык оживилась. Поэты Лопсон Табхаев, Цырен-Дулма Дондогой и кандидат филологических наук М.П. Хомонов опубликовали в периодической печати переводы отрывков из калмыцкого эпоса, которые говорят о возросшем уровне мастерства бурятских авторов и о повышении культуры перевода в целом. Таким образом, концентрируются силы для перевода на бурятский язык полного текста калмыцкого эпоса [Содномов 2004: 535-536].

Тубшин в своей статье о значении и влиянии первого монгольского издания «Джангара», опубликованном в 1958 году в Китае, писал, что это издание дало толчок к изучению эпоса китайскими учеными. В начале 1980-х годов на «тодо бичг» и соответственно на монгольском языке была опубликована новая калмыцкая версия из 15 песен. Обе публикации, по мнению ученого, помогли сохранить эпос, которому грозила опасность исчезновения, и, таким образом, обогатили сокровищницу национальной литературы страны и обеспечили Китаю важный статус в международных научных кругах [Тубшин 2004: 387-388].

Статья японского ученого Х. Курибаяси помещена в сборнике материалов международной конференции 2004 года на английском языке и в русском переводе. Он сообщил, что для японских исследователей отправной точкой в изучении калмыцкого эпоса стал 1940 год, когда были переведены на японский язык некоторые материалы: статья Б. Басангова «Калмыцкий героический эпос», отчет о 500-летней годовщине эпоса «Джангар», а также две статьи, одна из которых «Совместная работа многих поэтов» Х. Шафа. Эти статьи помогли японским ученым получить общее представление о калмыцком эпосе и вызвали огромный интерес.

В двух последних номерах за 1940 год журнала «Меко» была опубликована девятая глава эпоса на японском языке в переводе русиста Кохэй Тани [Курибаяси 2004: 83-84].

По словам Х. Курибаяси, этому переводчику пришлось приложить немало усилий, чтобы перевести с русского языка на японский, так как он пользовался псевдоклассическим стилем японского языка и пытался приспособо-

бить количество слогов к метрике японского стихосложения. Японский перевод имел большой успех. Получив книгу «Джангар» в переводе С. Липкина, Кохэй Тани задумал сделать полный перевод 12 песен. С 1941 по 1942 годы он опубликовал в журнале «Меко» 1,2,3 и 6 главы, а также вступительную главу. Но завершить работу переводчику не удалось [Курибаяси 2004: 84-85].

Калмыцкий эпос «Джангар» опубликован теперь в основном фрагментами на немецком, монгольском, корейском, китайском, украинском, белорусском, узбекском, чувашском, удмуртском, татарском, казахском, грузинском, бурятском, армянском и других языках.

Выводы по главе.

Таким образом, 500-летний юбилей калмыцкого героического эпоса «Джангар», широко отмеченный в СССР в 1940 году, стал отправной точкой для перевода его песен на языки народов страны и мира.

Фрагменты из эпоса, в том числе отдельные песни, были переведены разными поэтами к юбилейной дате и опубликованы в местной и центральной прессе, в национальных издательствах.

В основном переводы осуществлялись посредством русского перевода С. Липкина 1940 года, с помощью русского подстрочника, за исключением переводов эпоса на монгольский и бурятский языки.

Как всегда, в таких случаях стремление приурочить переводы и публикации калмыцкого эпоса к конкретной дате повлияли и на качество проделанной работы, которая сегодня критически оценивается по отношению к некоторым трудам переводчиков.

В то же время именно празднование калмыцкого эпоса в 1940 году в СССР повлияло на первые и последующие его переводы.

Другим фактором стал 1990 год, когда в Советском Союзе отмечалось уже 550-летие калмыцкого эпоса «Джангар».

Заключение

Юбилейная хроника празднования 500-летия калмыцкого героического эпоса «Джангар», подробно представленная в республиканской и всесоюзной прессе, включала работу юбилейного VIII пленума Союза писателей СССР в сентябре 1940 года: доклады, речи, литературные встречи, выступления джангарчи и художественной самодеятельности народных коллективов республики.

Гостями калмыцкой столицы стали известные ученые и писатели из разных республик и краев советской страны во главе с ответственным секретарем Президиума Союза писателей СССР, председателем Всесоюзного юбилейного комитета по празднованию «Джангара» А. А. Фадеевым.

Среди участников известные советские писатели А. Караваева, П. Павленко, А. Новиков-Прибой, И. Сельвинский, В. Шкловский, В. Инбер, С. Липкин, П. Панч, Х. Намсараев, М. Танк, Ф. Пестрак, С. Зули, М. Корюн, А.

Токмагамбетов, А. Гатов, А. Решетов, В. Лозин, И. Френкель, Д. Хилтухин, С. Гехт, А. Мамакаев, А. Кутуй, В. Чивилихин, В. Шефнер, А. Гитович, В. Звягинцева, В. Лидин, А. Яковлев, Л. Пасынков, Н. Шпанов, Б. Ивантер, М. Бажан и др.

Участниками форума стали известные ученые-литературоведы – В. Кирпотин, Ю. Соколов, И. Кравченко, К. Зелинский и др.

Приехали в Элисту профессор В. Фаворский – иллюстратор юбилейного издания «Джангара», А. Рябинина – секретарь Всесоюзного юбилейного комитета, Миллер – из «Литературной газеты», Мозольков – редактор юбилейного издания «Джангара» и др.

6-7 сентября 1940 года начались юбилейные торжества на калмыцкой земле. Вступительным словом А.А. Фадеева 6 сентября открылся юбилейный VIII пленум Союза писателей СССР.

Он отметил, что все собрались здесь, чтобы отметить 500-летие великого героического народного калмыцкого эпоса «Джангар». Символом проходит через все статьи и исследования, посвященные «Джангару», через все ораторские выступления сравнение между той мечтой калмыцкого народа, которая была воплощена в образах счастливой героической страны Бумбы, и той новой социалистической жизнью, которой добился калмыцкий народ с помощью русского народа и которая является осуществлением его мечты [Фадеев 1940: 2]. Также докладчик воздал должное безымянным и известным в республике джангарчи, которые сохранили замечательные песни эпоса до наших дней. Кроме того, он подчеркнул, что на основе этого богатого народного наследия усваивалась и передовая культура русского и других народов, формируя национальные кадры современных писателей республики [Фадеев 1940: 2].

С докладами 7 сентября выступили профессор В.Я. Кирпотин («„Джангар“ – великий эпос калмыцкого народа»), 8 сентября – академик Ю.М. Соколов («„Джангар“ и эпические произведения монгольских народов»).

Участники юбилея – писатели и ученые со всей страны – познакомились с историей, культурой, искусством калмыцкого народа, прочитали свои переводы героического эпоса «Джангар» на родных языках, создали стихи на калмыцкую тему, опубликовав их в газете «Ленинский путь». Так, три стихотворения русских поэтов из Москвы и Ленинграда Александра Гатова («Привет Элисте!»), Александра Решетова («Когда я был в Калмыкии степной») и Валентина Лозина («Калмыцким девушкам»), написанные в сентябре-октябре 1940 года и опубликованные тогда же в республиканской газете «Ленинский путь», отразили непосредственные впечатления авторов от встреч на калмыцкой земле, свидетельствуя о русско-калмыцких литературных связях, о дружбе народов страны [Ханинова 2017: 282].

В своем докладе «Художественная литература Советской Калмыкии» председатель Союза писателей Калмыкии Церен Леджинов 9 сентября указал на то, что величайшее народное произведение «Джангар» говорит о том, что весь калмыцкий народ выступил коллективно, как один поэт.

Хранителями и пропагандистами эпоса являются выходцы из народа, джангарчи – М. Басангов, Д. Шавалиев, Д. Джанахаев, А. Козаев и др.

За годы советской власти выросло целое поколение профессиональных писателей Калмыкии – А. Сусеев, Б. Басангов, Л. Инджиев, Б. Дорджиев, Э. Кектеев и др. Докладчик подробно охарактеризовал творчество калмыцких поэтов и прозаиков [Леджинов 1940: 2].

На закрытии пленума СП СССР в летнем театре Элисты состоялось третье заключительное заседание, на котором с докладом выступили Ц. Леджинов, с речами представители братских республик, московские поэты. Так, писатель Бурят-Монголии Х. Намсараев прочел стихи «Джангара» на языке своей родины, татарский поэт А. Кутуй – на родном языке, белорусский поэт М. Танк – на своем языке. Прозвучал эпос на узбекском языке – в переводе поэта Мир-Темира, на осетинском языке – в переводе Плиева, на чувашском языке – в переводе Малгая, на удмуртском – в переводе Богая.

Таким образом, 500-летний юбилей калмыцкого героического эпоса «Джангар», широко отмеченный в СССР в 1940 году, стал отправной точкой для перевода его песен на языки народов страны.

Фрагменты из эпоса, в том числе отдельные песни, были переведены разными поэтами к юбилейной дате и опубликованы в местной и центральной прессе, в национальных издательствах.

В основном переводы осуществлялись посредством русского перевода С. Липкина 1940 года, с помощью русского подстрочника, за исключением переводов эпоса на монгольский и бурятский языки.

Как всегда, в таких случаях стремление приурочить переводы и публикации калмыцкого эпоса к конкретной дате повлияли и на качество проделанной работы, которая сегодня критически оценивается по отношению к некоторым трудам переводчиков.

В то же время именно празднование калмыцкого эпоса в 1940 году в СССР повлияло на первые и последующие его переводы.

Калмыцкий эпос «Джангар» опубликован теперь в основном фрагментами на немецком, монгольском, корейском, китайском, украинском, белорусском, узбекском, чувашском, удмуртском, татарском, казахском, грузинском, бурятском, армянском и других языках.

Приветствия участникам юбилейного форума и высказывания гостей о национальном эпосе калмыцкого народа свидетельствуют, с одной стороны, о политической, идеологической, культурной деятельности советских и партийных органов, а с другой – о литературных контактах народов страны, о значении национальных эпосов.

Другим фактором научного и творческого внимания к эпосу стал 1990 год, когда в Советском Союзе отмечалось уже 550-летие калмыцкого «Джангара».

В сборнике материалов международной научной конференции в Элисте есть несколько статей о переводах калмыцкого эпоса на другие языки народов СССР и мира.

Например, в статье писателя В.П. Чудного «О переводах эпоса “Джангар” на украинский язык» речь идет о вопросах перевода калмыцкого эпоса на украинский язык.

В своей статье А.Н. Содномов остановился на бурятском переводе одной песни калмыцкого эпоса – «О поражении свирепого хана шулмусов Шара-Гюргю», осуществленном Х. Намсараевым и Ц. Галсановым и изданном в Улан-Удэ в 1940 году к 500-летию «Джангара». Текстом перевода, видимо, послужило издание калмыцкого эпоса в Элисте в двух книгах в 1935 и 1936 годах. По его мнению, успеху перевода во многом содействовало удачное сотрудничество двух оригинальных переводчиков: одним из них был основоположник бурятской советской литературы Хоца Намсараев, воспитанный на традициях восточной культуры, другим – тогда еще молодой поэт, а ныне народный поэт Бурятии Цэдэн Галсанов.

Кроме того, ученый сообщил, что в связи с 550-летием эпоса «Джангар» работа по переводу его на бурятский язык оживилась. Поэты Лопсон Табхаев, Цырен-Дулма Дондогой и кандидат филологических наук М.П. Хомонов опубликовали в периодической печати переводы отрывков из калмыцкого эпоса, которые говорят о возросшем уровне мастерства бурятских авторов и о повышении культуры перевода в целом. Таким образом, концентрируются силы для перевода на бурятский язык полного текста калмыцкого эпоса [Содномов 2004: 535-536]. Тубшин в своей статье о значении и влиянии первого монгольского издания «Джангара», опубликованном в 1958 году в Китае, писал, что это издание дало толчок изучению эпоса китайскими учеными. В начале 1980-х годов на «тодо бичг» и соответственно на монгольском языке была опубликована новая калмыцкая версия из 15 песен. Статья японского ученого Х. Курибаяси помещена в сборнике материалов международной конференции 2004 года на английском языке и в русском переводе. Он сообщил, что для японских исследователей отправной точкой в изучении калмыцкого эпоса стал 1940 год. В двух последних номерах за 1940 год журнала «Меко» была опубликована девятая глава эпоса на японском языке в переводе русиста Кохэй Тани [Курибаяси 2004: 83-84]. Получив книгу «Джангар» в переводе С. Липкина, Кохэй Тани задумал сделать полный перевод 12 песен. С 1941 по 1942 годы он опубликовал в журнале «Меко» 1,2,3 и 6 главы, а также вступительную главу. Но завершить работу переводчику не удалось [Курибаяси 2004: 84-85].

Эпос «Джангар» имеет не только общемонгольское культурное значение, по словам ученого В.М. Солнцева. Это – произведение мирового масштаба, воплощающее как национальные, так и общественные ценности. В своих общих чертах «Джангар» как героический эпос имеет много сходного с эпосом, легендами, сказками разных народов, в том числе Евразии. С этой точки зрения калмыцкий эпос является важным источником изучения процесса складывания словесности, истоки которой восходят к предшествующим образцам устной поэзии, в частности к сказкам и преданиям [Солнцев 2004: 12].

Все это подтверждает перспективность исследования эпоса «Джангар».

Список литературы

1. Дендян А. С чувством радости и дружбы // О «Джангаре». Сборник материалов, посвященных пятисотлетию калмыцкого народного эпоса. – Элиста: Калмгосиздат, 1963. – С. 43.
2. VIII пленум СП СССР в г. Элисте // Ленинский путь. – 1940. – 9 сентября. – С. 2.
3. Басангов Б. «Джангар». Калмыцкий эпос // Творчество народов СССР. Альманах. I. – М., 1937. – С. 425-426.
4. В правлении Союза писателей Калмыкии // Ленинский путь. – 1940. – 8 сентября. – С. 1.
5. Вчера на юбилейном пленуме Союза писателей СССР // Ленинский путь. – 1940. – 9 сентября. – С. 2.
6. Гатов А. Привет Элисте! // Ленинский путь. – 1940. – 10 сентября. – С. 2.
7. «Джангар» и художественная литература Калмыкии // Ленинский путь. – 1940. – 10 сентября. – С. 1.
8. «Джангар» и проблемы эпического творчества. Материалы Международной научной конференции (22-24 августа 1990 года). – Элиста: АПП «Джангар», 2004.
9. «Джангар». Материалы и исследования. – М., 2004.
10. Дорджиев Б. Источник творческого вдохновения // Ленинский путь. – 1940. – 5 сентября. – С. 2.
11. Ерымовский К. Степные были. Очерки. Рассказы. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960.
12. Закрылся VIII пленум Союза советских писателей СССР в г. Элисте // Ленинский путь. – 1940. – 10 сентября. – С. 1.
13. Звягинцева В. Спасибо, товарищи! // Ленинский путь. – 1940. – 9 сентября. – С. 2.
14. Зули С. Достояние всех трудящихся // О «Джангаре». Сб. материалов, посвященных пятисотлетию калмыцкого народного эпоса. – Элиста: Калмгосиздат, 1963. – С. 56-57.
15. Каляева Э.С. «Джангр» или «Джангар»? К истории русского перевода // URL: http://www.elzabair.ru/cntnt/lmenu/biblioteka/lyubimye_sl/kalyaeva_e.html
16. Клятва Сталину // Ленинский путь. – 1940. – 10 сентября. – С. 1.
17. Концерт для гостей // Ленинский путь. – 1940. – 7 сентября. – С. 3.
18. Корюн М. «Давид Сасунский» и «Джангар» // О «Джангаре». Сб. материалов, посвященных пятисотлетию калмыцкого народного эпоса. – Элиста: Калмгосиздат, 1963. – С. 106-110.
19. Кравченко И. «Джангар» и калмыцкий фольклор // О «Джангаре». Сб. материалов, посвященных пятисотлетию калмыцкого народного эпоса. – Элиста: Калмгосиздат, 1963. – С. 9-12.
20. Кукарека Г. Г. Отечественные писатели о «Джангаре» // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Материалы Международной научной конференции (22-24 августа 1990 года). – Элиста: АПП «Джангар», 2004. – С. 408-414.

21. Курибаяси Х. Японский перевод «Джангара» – незавершенный шедевр // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Материалы Международной научной конференции (22-24 августа 1990 года). – Элиста: АПП «Джангар», 2004. – С. 83-87.

22. Кутуй А. Привет народу-поэту // О «Джангаре». Сб. материалов, посвященных пятисотлетию калмыцкого народного эпоса. – Элиста: Калмгосиздат, 1963. – С. 36.

23. Леджинов Ц.О. Художественная литература Советской Калмыкии // Ленинский путь. – 1940. – 13 сентября. – С. 2.

24. Липкин С. И. Ритмы народного эпоса. Заметки переводчика // Фольклор. Издание эпоса. – М., 1977. – С. 211-212.

25. Липкин С. Работа над переводом «Джангариады» // Ленинский путь. – 1940. – 7 сентября. – С. 3.

26. Лозин В. Калмыцким девушкам // Ленинский путь. – 1940. – 19 октября. – С. 4.

27. Мацаков И. «Джангар» и калмыцкая художественная литература // Ленинский путь. – 1940. – 8 сентября. – С. 3.

28. Павленко П. Мечта богатырей // О «Джангаре». Сб. материалов, посвященных пятисотлетию калмыцкого народного эпоса. – Элиста: Калмгосиздат, 1963. – С. 50-55.

29. Панч П. Слава творцу «Джангара»! // Ленинский путь. – 1940. – 9 сентября. – С. 2.

30. Перевод героической поэмы «Джангар» // Красная степь. – 1926. – 6 декабря. – С. 3.

31. Пестрак Ф. Армия Червонная / Пер. М. Голодного // Ленинский путь. – 1940. – 17 сентября. – С. 2.

32. Пестрак Ф. Чудное творение // Ленинский путь. – 1940. – 9 сентября. – С. 2.

33. Подготовка к юбилею «Джангара» (из беседы с Б. Эрднеевым) // Ленинский путь. – 1940. – 18 января. – С. 4.

34. После юбилея «Джангара» // Ленинский путь. – 1940. – 17 сентября. – С. 4.

35. Приветственная речь член-корреспондента РАН В.М. Солнцева // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Материалы Международной научной конференции (22-24 августа 1990 года). – Элиста: АПП «Джангар», 2004. – С. 12-14.

36. Решетов А. «Когда я был в Калмыкии степной...» // Ленинский путь. – 1940. – 19 октября. – С. 4.

37. Содномов А.Н. Бурятский перевод одной песни «Джангара» // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Материалы Международной научной конференции (22-24 августа 1990 года). – Элиста: АПП «Джангар», 2004. – С. 530-536.

38. Союзу писателей Калмыкии // Ленинский путь. – 1940. – 9 сентября. – С. 2.

39. Судьбинин Н. Встречи с писателями // Ленинский путь. – 1940. – 26 сентября. – С. 4.
40. Сусеев А. Наш гость // О «Джангаре». Сб. материалов, посвященных пятисотлетию калмыцкого народного эпоса. – Элиста: Калмгосиздат, 1963. – С. 42.
41. Тачиев А. К юбилею «Джангара» // Ленинский путь. – 1940. – 23 февраля. – С. 4.
42. Токмагамбетов А. «Джангар» становится достоянием всех народов // О «Джангаре». Сб. материалов, посвященных пятисотлетию калмыцкого народного эпоса. – Элиста: Калмгосиздат, 1963. – С. 111-112.
43. Тубшин. Значение и влияние первого монгольского издания «Джангара», опубликованного в 1958 г. в Китае // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Материалы Международной научной конференции (22-24 августа 1990 года). – Элиста: АПП «Джангар», 2004. – С. 387-388.
44. Турганов Б. Союзу писателей – Семену Липкину // Ленинский путь. – 1940. – 9 сентября. – С. 2.
45. Усов Д. Джангар // Ойратские известия. – 1922. – № 3-4. – С. 118.
46. Участники юбилейных торжеств // Ленинский путь. – 1940. – 7 сентября. – С. 3.
47. Фадеев А. Речь на открытии Пленума СП СССР // Ленинский путь. – 1940. – 9 сентября. – С. 2.
48. Ханинова Р.М. Белорусско-калмыцкие литературные связи: Филипп Пестрак и Максим Танк в сентябре 1940 г. // «Magna adsurgit: historia studio-rum» («Великая степь: исторические исследования»). – 2017. – № 1. – С. 158-165.
49. Ханинова Р.М. Калмыцкая тема в лирике русских поэтов (А. Гатов, А. Решетов, В. Лозин) // «Сетевое востоковедение: образование, наука, культура», международная науч. конф. (2017; Элиста). Международная научная конференция «Сетевое востоковедение: образование, наука, культура», 7-10 декабря 2017 г. [Текст]: материалы. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. – С. 280-283.
50. Ханинова Р.М. Межлитературные связи в диалоге культур: Калмыкия – Беларусь // Актуальные проблемы филологии народов России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Уфа: РИЦ БАШГУ, 2017. – С. 465-473.
51. Ханинова Р.М., Бадмагоряева И. С. Об истории русского перевода калмыцкого эпоса «Джангар» в годы Советской власти // «Развитие национально-государственного строительства на юге России в период Октября 1917 г. – 1920 г.»: материалы Российской научной конференции. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. – С. 300-306.
52. Церенов В.З. Примечания. Из истории изучения эпоса «Джангар» // «Джангар». Материалы и исследования. – М., 2004.
53. Чудный В.П. О переводах эпоса «Джангар» на украинский язык // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Материалы Международной

научной конференции (22-24 августа 1990 года). – Элиста: АПП «Джангар», 2004. – С. 551-553.

54. Шалбууров Г. Новые главы «Джангара» // Ленинский путь. – 1940. – 5 сентября. – С. 2.

55. Штрыков А. Большой праздник // Ленинский путь. – 1940. – 9 сентября. – С. 2.

56. Юбилейному комитету по празднованию народного эпоса «Джангар» // Ленинский путь. – 1940. – 9 сентября. – С. 2.

Ханинова Р.М., Авшеева О.П.

Тема депортации в русской и калмыцкой повести («Ночевала тучка золотая» А. Приставкина, «Осколки» В. Хотлина)

Введение

Тема депортации некоторых народов СССР в годы сталинских репрессий нашла отражение в прозе отечественной словесности прежде всего тех русских писателей, которые стали свидетелями трагических страниц советской истории, – Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», Олега Волкова «Погружение во тьму», Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая», Петра Дедова «Я хочу рассказать», Людмилы Кошиль «Калмыцкий чай». Их произведения, как правило, были опубликованы тогда, когда это стало возможным, в период перестройки и позднее, за исключением солженицынского труда, изданного вначале за рубежом в начале 1970-х годов. Автобиографический компонент определяет достоверность этих разножанровых произведений – повестей, рассказов, созданных в 1960–2000-е годы. Их авторы – представители разных поколений.

Повесть Анатолия Игнатьевича Приставкина (1931 – 2008) «Ночевала тучка золотая» (1981) посвящена депортации чеченского народа во время Великой Отечественной войны. Она также имеет автобиографический элемент, связанный с детдомовским детством писателя. Получила Государственную премию (1988), широкую прессу, литературную критику и киноэкранизацию (1989). Повесть составила трилогию, в которую вошли две другие повести писателя «Солдат и мальчик» (1972), «Кукушата, или Жалобная повесть для успокоения сердца» (1989).

В творчестве калмыцких писателей старшего поколения пережитая ими трагедия родного народа (1943 – 1956) воплотилась в прозе разных лет, вначале в подтексте из-за цензуры, затем – в открытом тексте. Это романы, повести, рассказы Алексея Бадмаева («Там, за далью непогоды», «Голубоглазая каторжанка»), Алексея Балакаева («Три рисунка», «Тринадцать лет, тринадцать дней»), Андрея Джимбиева («Когда человеку трудно»), Морхаджи Нармаева («Счастье само не дается»), Т. Бембеева «Дни, обращенные в ночь», А. Тачиева «Запах полыни» и др. [7, 13, 23].

По мнению Н. Санджиева, произведения на данную тему можно разде-

лить на три раздела: поэтов и писателей, подвергнувшихся депортации; поэтов и писателей, родившихся в Сибири, и тех, кто родился уже после возвращения на родину [23, с. 85].

В прозе писателей, родившихся в сибирской ссылке, тема депортации передана, например, в жанрах киносценария («Гаданье на бараньей лопатке» О. Манджиева), повести («Осколки» В. Хотлина), рассказа («Сибирская быль» Р. Ханиновой).

Так, в незавершенном цикле рассказов «Сибирская быль» (2016) Р. Ханинова опирается на воспоминания своей матери о сибирской ссылке в Красноярском и Алтайском краях, а также на реальные истории земляков-спецпереселенцев. Собственных воспоминаний автора о ссылке нет, поскольку она родилась в апреле 1955 года, а в 1957 году семья возвратилась в Калмыкию, в Элисту [27, с. 42-57].

В калмыцком литературоведении эта тема разрабатывалась в ряде исследовательских работ Р. Джамбиновой, Н. Манджиева, Р. Ханиновой, Н. Санджиева, Д. Ивановой, Б. Манджиевой.

Повесть члена Союза российских писателей Валерия Германовича Хотлина (1951 – 2018) «Осколки» была написана в 1995 году, опубликована сначала в газетном и журнальном вариантах, а затем – отдельной книгой.

Откликов на эту повесть было немного: заметка о презентации, краеведческая работа школьницы С. Васьякаевой, предисловие и статьи поэта Э. Эльдышева, статья литературоведа Б. Манджиевой.

В нашей работе мы предприняли сравнительно-сопоставительный анализ русской повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» (1981) и калмыцкой повести В. Хотлина «Осколки» (1995) в аспекте темы депортации и автобиографического ракурса.

Этим определяется *актуальность* и *научная новизна* нашей работы.

Объектом нашего внимания стали указанные произведения А. Приставкина и В. Хотлина.

Предмет нашего исследования – тема депортации и автобиографизм данных повестей двух писателей.

Материалом исследования стали повести обоих авторов, статьи, заметки, интервью, беседы, воспоминания.

Цель выпускной квалификационной работы – сравнительно-сопоставительный анализ русской повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» и калмыцкой повести В. Хотлина «Осколки» в аспекте темы депортации и автобиографического ракурса.

Задачи ВКР:

- рассмотреть творческую историю репрезентативных произведений;
- исследовать в сравнительно-сопоставительном аспекте тему депортации и ссылки в данных повестях;
- выявить автобиографический компонент в повестях двух писателей.

Методология исследования. В работе использованы методы сравнительно-сопоставительного и историко-функционального изучения литературы.

В своей работе мы опирались на труды В. Кардина, О. Васильевой, Р. Джембиновой, Н. Манджиева, Б. Манджиевой, Н. Санджиева и др.

Теоретическая значимость исследования заключается в сравнительно-сопоставительном изучении русской и калмыцкой прозы в ракурсе «возвращенной литературы» на тему депортации народов СССР в период сталинского геноцида.

Практическая значимость исследования определяется его результатами, которые могут быть использованы в курсе изучения данной темы в школьном и вузовском преподавании литературы.

Структура работы: введение, две главы, заключение, список литературы.

Во введении указаны основные параметры исследования. В первой главе мы рассмотрели творческую историю и тему депортации в повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая». Во второй главе изучена творческая история повести В. Хотлина «Осколки» и тема депортации и сибирской ссылки в этом произведении.

Основные итоги по ВКР отражены в «Заключении».

Глава первая.

Тема депортации в повести

А. Приставкина «Ночевала тучка золотая»

1.1. Творческая история повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая»

Анатолий Приставкин как прозаик дебютировал в журнале «Юность» в 1959 году циклом рассказов «Военное детство». Они написаны от первого лица, представляют собой монологи героя, имитируют страницы из дневника, явно тяготея к манере «исповедальной прозы» 1950-х годов, отметила О. Васильева [22, с. 222].

Темы военного детства, сиротства, беспризорничества – автобиографические в творчестве русского писателя, рано, в десять лет, оставшегося сиротой после преждевременной смерти матери и призыва отца на фронт в годы Великой Отечественной войны. Родился он в Подмосковье в рабочей семье.

Детские дома, интернаты, колонии в Центральной России, Сибири и на Кавказе – трудное детство мальчика. Позднее писатель вспоминал, что война оставила в нем невероятное чувство бесконечности ее и голода [19, с. 43]. Когда в четырнадцать лет судьба забросила его на Кавказ, под Серноводск, мыл банки на консервном заводе в станице Осиновской. Этот факт нашел отражение в повести «Ночевала тучка золотая».

В трилогии Приставкина повесть «Солдат и мальчик» стала первой из трех повестей, создана была в 1971 году, сразу привлекла внимание читателей. Военная тема до этого произведения была редка на страницах его про-

изведений, так как писатель признавался, что боялся писать о тех страшных годах из-за боли, ему не хватало даже сил перечитать собственные ранние рассказы [19, с. 44].

Среди двух героев повести восемнадцатилетний солдат Андрей Долгушин и десятилетний детдомовец Васька по прозвищу Сморчок. У солдата несколько детдомовцев выкрали оружие (винтовку) и секретные документы, предназначенные для передачи в штаб, ему теперь грозит наказание по статье. И Васька, стоявший при этом на случай появления посторонних, со временем преображается, сочувствуя чужой беде и помогая молодому бойцу.

А. Приставкин рассказал о том, что в основе повести – реальная история.

«Произошло это в войну. На станции Томилино, под Москвой, несколько ребят, в том числе и я, обокрали спящего солдата. А потом он пришел к нашему детдому. И так уж случилось, что я повел его от дома к дому в поисках других ребят, с которыми совершалась кража. Люди встречали нас по-разному, но некоторые прямо угрожали мне, обещая при случае расправиться, если я не прекращу свои поиски. Потом меня вправду подкараулили и избили, и, спасая свою жизнь, ночью, без одежды, я бежал из детдома.

По тому времени случай с кражей у неизвестного солдата и последующим бегством не был чем-то исключительным, я скоро забыл о нем» [цит. по: 10, с. 460].

Отсутствие исключительности – самое, быть может, примечательное в этом поначалу забытом эпизоде, считал литературный критик В. Кардин. Приставкин в этом произведении послужил прообразом Васьки, а подлинная история не имела такого благополучного завершения, как в художественном тексте [цит. по: 10, с. 460].

В этой повести впервые появляются два персонажа – братья Кузьмины, или Кузьменыши (они уехали к родне), которые станут главными героями повести «Ночевала тучка золотая» [18, с. 12].

Кроме того, мотив бегства детдомовцев на юг в поисках сытных мест, потому что там война не проходила, также отсылает к повести писателя о Кавказе [18, с. 12].

Тему беспризорного детства Приставкин развил в повести «Ночевала тучка золотая» (1981). Ее первая публикация на страницах журнала «Знамя» в 1987 году стала событием в общественной и литературной жизни страны, поскольку представила впервые в художественной литературе тему депортации чеченского народа в годы Великой Отечественной войны, дружбы народов страны вопреки сталинскому геноциду.

Автор сравнил военную детдомовскую тему, которая не давала ему покоя, с засевшим в сердце осколком. Он писал, что мог бы создать «Тучку» годом раньше или годом позже, не в том суть, но не написать эту вещь он просто не мог.

В интервью, данном газете «Труд» в 1988 году, писатель рассказал о

творческой истории произведения: «Повесть моя долго лежала в ...бельевом шкафу. Я боялся ее вытаскивать... Так получилось, что сперва я предал “Тучку” гласности таким образом: собрал друзей и предложил послушать две-три главы... Стали слушать, просили читать дальше. Потом молча разошлись. Но в конце кто-то сказал: “Зачем ты это написал? Спрячь”. А на следующий день звонит один: я тут жене пересказал, просит дать почитать. Потом перепечатывали, копировали. Я видел даже экземпляр, переписанный от руки» [17, с. 4].

В беседе с корреспондентом журнала «Смена» в 1988 году писатель сказал о своем поколении беспризорников, которое исчезло или исчезает, что оно тоже носит раны, нанесенные войной. Он уточнил, что беспризорщина в военные и послевоенные годы была не локальным явлением, а всесоюзным: на фронте миллионы людей, миллионы репрессированных, сколько детей выброшено было на улицу. Его собственная мать, работая у станка по двенадцать часов, умерла от туберкулеза [цит. по: 20, с. 6]

На вопрос И. Дьякова, почему выселяли детдомовцев на Кавказ, а не в Подмосковье, ближе к родным местам, Анатолий Игнатьевич ответил, что по одному Подмосковью насчитывалось около двухсот детских домов, это двести банд, которые сражались детдом на детдом, завоевывали рынки. Детдомовцами управляли бывшие лагерные «паханы», так вырастали группы малолетних преступников.

Писатель добавил, что от детдома у него осталась только финка для детской руки, ее специально выточили для руки десятилетнего ребенка. Этим ножом можно было убивать [цит. по: 20, с. 7]

Он вспомнил, как год назад было обсуждение его повести в Союзе писателей, пришло более ста человек, многие из которых начинали свое выступление признанием, что они детдомовцы. Стенографировать не разрешили, принесли магнитофон, но и его велели выключить [цит. по: 20, с. 7].

В этом интервью Приставкин подробнее рассказал о творческой истории произведения, о том, что друзья говорили ему, что он поднял вопросы, которые трогать нельзя. Когда же предложил им послушать две-три главы, увидел огорчение, услышал кислое согласие. Как-то не принято стало у писателей читать друг другу свои произведения, как во времена русских классиков. К тому времени, когда решился вопрос о публикации, повесть прочитало около шестисот человек. Прошла она по редакциям многих журналов, и нескоро нашелся редактор, который взял на себя ответственность, не побоялся, и повесть была напечатана. Вот и ответ на вопрос о наличии добровольно надетых шор, внутренней полуинстинктивной сопротивляемости правде [цит. по: 20, с. 7-8].

В том же интервью сын вспомнил о своем отце, который вернулся с войны. Он был из бедной семьи, все умел делать. К концу своей жизни, как многие, застрял между городом и деревней. А когда ушел на пенсию, построил на своем участке свой коммунизм и получил десяток доносов от соседей, мол, куркуль.

В ранних рассказах Приставкин поведал о том, как ждал с войны своего отца. В рассказе «Портрет отца» он случайно в детдомовской библиотеке нашел маленькую книжку, на обложке которой увидел фотографию человека в шапке, полушубке, с автоматом. Человек был похож на его отца: шел третий год войны, писем от него не было, сын почти забывал его. Поэтому мальчик оторвал обложку, спрятал и иногда смотрел на фотографию. Когда поделился открытием с другим детдомовцем Володькой, тот выразил сомнение в том, что это правда. Воспитательница тоже не поддержала эту новость, не забыв предупредить, что нельзя портить книги. Когда Володька не отдал портрета, мальчик перерыл всю библиотеку в поисках второго экземпляра, но не нашел и плакал по ночам. Однажды Володька предложил отдать за обложку нож, компас, поменять новый костюм на старый, и, услышав согласие, протянул измятый лист бумаги. Он отдал обложку безвозмездно: его родные жили в оккупированном фашистами Новороссийске, и у него не было никаких фотографий. При этом Володька вслух высказал предположение, что может, и вправду, это фотография родного отца детдомовца [20, с. 188-189].

В интервью 1988 года Приставкин сказал, что молодежь лишь отражает то, чего все мы, все наше общество достойны, молодежь – наше зеркало, что посеяли, то и вырастили, и выразил надежду, что к старым понятиям неплохо было бы присоединить и такие действенные, как сочувствие, сострадание, взаимопонимание [цит. по: 20, с. 9].

О. Васильева писала, что герои повести – братья-близнецы Сашка и Колька Кузьмины из подмосковного детского дома, подобно тучкам, отправляются на Северный Кавказ, в романтический край, но оказываются втянутыми в трагическую ситуацию депортации северокавказских народов. Голодные, оборванные, бесприютные мальчишки десяти лет на собственной судьбе познают цену социальной несправедливости и душевной теплоты, людской ненависти и милосердия, человеческой жестокости и духовного братства. В бездну зла вовлечены и жертвы и палачи, и гонимые и гонящие, и нет победителя там, где нет сострадания и милосердия.

Повесть написана о жестоких событиях и жестким языком [22, с. 223]. Сам автор соглашался, что повесть написана на сленге – смеси рыночного, прибалтийского фольклора, его детская правда изъяснялась тогда таким языком.

Тема военного бездомного детства получила продолжение в последующих работах писателя – в третьей книге трилогии «Кукушата, или Жалобная песнь для успокоения сердца» (1989) и в романе «Рязанка» (1991). Мальчишки-подростки в военное и послевоенное время – герои этих произведений.

По словам В. Кардина, поколение Приставкина рано увидело изнанку жизни, но поздно стало ее осознавать, постигая потайной смысл далекого прошлого [10, с. 460].

1.2. Тема депортации в повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая»

Повесть Анатолия Приставкина названа строкой из лермонтовского стихотворения «Утес», которая передает мотивы странствия, кочевья, неустойчивости, незакрепленности, эфемерности туч.

Повести предшествует авторский эпиграф, посвященный тем, кто поддержал это произведение.

Структура произведения включает 32 главы без наименований.

Действие повести в топографическом плане захватывает Подмоскovie (Томилино) и Северный Кавказ. В хронологическом аспекте – это весна-осень 1944 года, январь 1945 года, Великая Отечественная война.

Автобиографизм произведения связан с биографией писателя, с его детдомовским детством, когда детей из подмосковного детдома отправили на Северный Кавказ, в места, где проживали раньше чеченцы и ингуши, сосланные теперь навечно в дальние края.

В системе персонажей повести главные герои – Кузьменыши, два брата-близнеца Кузьмины, Коля и Саша, которым по десять лет. Из братьев Коля был практичный, оборотистый, хваткий, а Саша – генератор идей. Братья неразлучны.

Во второй главе повествуется, как в детдоме возникли слухи о том, что все воспитанники из Томилино весной переедут на Кавказ. Детдомовцы учили на уроке литературы стихотворение М. Лермонтова «Утес», из которого Сашка запомнил начальные две строчки. Дети никогда не видели гор. И когда рухнул подкоп Кузьминых под здание хлебозерки, они вызвались сами ехать на Кавказ: как раз было два места, но старшие ребята сбежали. Братья боялись, что раскроется их участие в подкопе. Они не знали, кому пришла в областных организациях идея о разгрузке подмосковных детдомов, которых были по области сотни, а теперь с освобождением кавказских земель от врага можно было решить вопросы: освободиться от лишних ртов, расправиться с преступностью, да и детям помочь. Братьев довели на электричке до Казанского вокзала, сдали с рук вместе с бумагами начальнику детдомовской колонии Петру Анисимовичу Мешкову.

Поезд был набит детдомовцами из разных мест центральной России.

В шестой главе впервые появляется мотив депортации кавказских народов. На станции Кубань Колька увидел странные вагоны на дальнем тупике за водокачкой. «На те вагоны он набрел случайно, собирая вдоль насыпи терн, и услышал, как из теплушки, из зарешеченного окошечка наверху кто-то его позвал. Он поднял голову и увидел глаза, одни сперва глаза: то ли мальчик, то ли девочка. Черные блестящие глаза, а потом рот, язык и губы. Этот рот тянулся наружу и произносил лишь один странный звук «Хи». <...> – Хи! Хи! – закричал голос, и вдруг ожило деревянное нутро вагона. В решетку впились детские руки, другие глаза, другие рты, они менялись, будто отталкивали друг друга и вместе с тем нарастал странный гул голосов, словно забурчало в утробе у слона.

Колька отпрянул, чуть не упал. И тут, неведомо откуда, объявился вооруженный солдат. Он стукнул по деревянному борту вагона, не сильно, но голоса сразу пропали, и наступила мертвая тишина. И руки пропали. Остались лишь глаза, наполненные страхом. И все они теперь были устремлены на солдата» [18, с. 250-251]

Он, показав кулак, приказал детям не шуметь, назвав их чечмеками. А Кольку развернул лицом к станции и подтолкнул в спину, веля топать отсюда [18, с. 251]. Мальчик не понял сначала слово «хи» (вода), потом слово «чечмеки» (так конвоир обозвал чеченцев), спросить было не у кого.

Пока стояли на станции, Колька еще раз сбегал посмотреть на странный эшелон, не похожий ни на фашистский, ни на беженский, «поезд тот прогудел и поехал. Солдат последний раз вдоль состава глазом стрельнул, на ступеньку вскочил, и тут снова раздались голоса. Уже не один вагон – все вагоны. Завопили, закричали, заплакали...

Поезд покатил в ту сторону, откуда братья только что приехали, но вот какая странность, звуки и голоса из теплушек еще долго реяли в воздухе за станцией, пока не растаяли в теплых сумерках.

Но это, конечно, все Колькино воображение, потому что никто, кроме него, как оказалось, этих криков и плача не слышал» [18, с. 253].

Когда детдомовцы увидели горы, Кольке забылась странная встреча на станции с эшелоном, из которого тянулись руки сверстников и раздавался странный звук-крик «хи». В авторском рассуждении об общности судьбы – проекция будущих событий повести: «Наши поезда постояли бок о бок, как два брата-близнеца, не узнавшие друг друга, и разошлись навсегда, и вовсе ничего не значило, что ехали они – одни на север, другие – на юг.

Мы были связаны одной судьбой» [18, с. 253].

Седьмая глава повествует о том, как детдомовцы прибыли на место назначения, километрах в трех от станицы: три дома, один двухэтажный, два других по одному этажу. На столбике у входа было написано мелом, что это для переселенцев из Московской области, 500 человек, беспризорные.

Так в повесть входит понятие «переселение» в двух значениях: депортация для кавказских народов и переселение детдомовских детей на новые места.

Для произведения характерны авторские отступления, в которых он вспоминает свои чувства и размышления, как все это было тогда, десятки лет назад. Например, ощущение тревоги, которое возникло у детей по пути от железнодорожной станции к месту проживания. По дороге никто им не попадался навстречу: ни подвода, ни машина, ни путник. Кругом было пусто, только зрели поля, яблоки, подсолнухи [18, с. 267-268].

В девятой главе противопоставление между детским представлением о Кавказе по кинокартине «Свинарка и пастух» с веселыми песнями и пастьбой овец, которую братья Кузьмины посмотрели десять раз, показано через жизнь станицы Березовской. Люди жили скрытно, неуверенно: по вечерам на улицу не выходили, на заваulinке не сидели, по улицам не гуляли, скотину не гоняли, песен не пели, ночью огней в хатах не зажигали [18, с. 274].

Тогда же братья впервые увидели старинное кладбище с серыми гранитными столбами, на которых что-то вырезано на неизвестном языке. Позже эти могильные камни солдаты используют для прохождения военных машин.

В той же главе близкое знакомство с проводником Ильей, живущим в чужой станице, переименованной с прежнего названия Дей Чурт на Березовскую, в чужом доме с чужим добром, заставляет братьев насторожиться: а где же прежние хозяева? Теперь, по словам проводника, они все должны стать населением этих мест. Но он, как и другие, кого-то боится, в разговоре с братьями назвал неизвестно кого чертями. Грохот в горах (мины рвутся) – признак присутствия там каких-то людей [18, с. 277-279].

Словами одного из братьев, Сашки, о том, что он тоже боится, как Илья-проводник, потому что когда все кругом боятся, это даже страшнее, – в десятой главе продолжена тема всеобщего страха как атмосферы существования привезенных людей в чужих местах [18, с. 285-286].

Штат детской колонии составили директор Мешков и три воспитателя, которые должны были управлять полутысячной детворой, сведенной вместе волею случая. Директор, названный, как и его прототип, показан резко отрицательным типом. Регина Петровна, вдова погибшего летчика, которая поначалу понравилась Кузьминым, потом предала воспитанников, уехав в неизвестном направлении вместе с двумя своими сыновьями после пожара детдома.

В конце 12 главы проводник Илья, поколебавшись, посоветовал братьям бежать отсюда. Это также проекция будущих трагических поворотов в судьбе Кузьминых [18, с. 297].

В 13 главе, когда братья решили бежать из детдома железной дорогой, они встретились по дороге с Демьяном, инвалидом войны, у которого погибла семья и спалили дом. Он тоже приехал в Березовскую для новой жизни, в богатый край, но тоже сказал, что страх все портит [18, с. 299].

Сашка и Колька, исполняя мечту, добрались до поезда, залезли в ящик под вагоном, улеглись валетом, собрались уезжать. Писатель использовал сравнение ящика с гробом. Да и братьям было боязно, вдруг ящик оторвется на ходу и вправду станет гробом. Колька вслух повторил: гроб железный с музыкой! Но Колька пожалел Регину Петровну, которая осталась с двумя сыновьями, и они вернулись в детдом. В этой главе также проекция будущих трагических событий, когда после смерти Сашки Колька отвез его к поезду и отправил в ящике, ставшем теперь действительно гробом, в последнее путешествие: мечта сбылась, да поздно, и не так, как хотелось.

Пожар в 14 главе связан с поджогом дома, в котором находился склад с вещами и продуктами на территории детской колонии. Любопытные братья обнаружили на краю кукурузного поля, примыкавшего к сгоревшему зданию, следы копыт, стреляную гильзу. Пока автор не обозначил исконных жителей, они названы братьями местоимением «они». Кузьмины подумали, что в неуютном Томилине жилось проще и спокойнее, чем среди этих прекрасных гор.

Из разговора братьев с теткой Зиной, работавшей на консервном заводе и приехавшей с больной сестрой из Курской области, впервые в повести прозвучала история с чеченцами. В пересказе тетки Зиной чеченцы при фашистах были изменниками, за это их сгребли, даже узлов не дали собрать, в товарняки. Если своих привезли сюда, на Кавказ, то тех – в Сибирский рай. А некоторые чеченцы в горах запрятались и разбойничают.

Тут только Кузьминым приходит в голову понимание, кто поджег гранатой детдомовский склад [18, с. 320].

Таким образом, только в середине книги дается расстановка персонажей, противостояние бывших хозяев – чеченцев и новичков, приехавших сюда в поисках райской жизни.

В 17 главе братья вновь возвращается к чеченской теме, называя чеченцев, как Илья-проводник, чертями. Они высказали предположение, что чеченцы были и на консервном заводе. Колька с надеждой спрашивал у Сашки, а может, никаких чертей нет, ведь их с милицией ловят. Ведь раньше они стреляли и бомбили, а теперь тихо стало [18, с. 330].

В 19 главе чеченцы заявили о себе поджогом дома Ильи-проводника и грузовой машины, на которой колонистов возили на консервный завод.

Паника, охватившая всю колонию, от директора до последнего колониста, коснулась и братьев Кузьминых.

Когда братья решали бежать, как выясняется в 20 главе, натолкнулись у реки на солдат, один из которых был ранен. Из подслушанных разговоров Коля с Сашей поняли, что солдаты попали в засаду в ущелье, с трудом прорвались. Из криков раненого солдата стало ясно их отношение к местному населению. Он назвал их басмачами, разбойниками и головорезами, от которых надо очищать Кавказ, всех ставить к стенке – изменников родины, которые продались Гитлеру. Солдат поддержал приказ Сталина о депортации чеченцев. Другие же солдаты сказали, что надоело им штурмовать дохлые сакли в ущельях, воевать со старухами да младенцами [18, с. 350-351].

После похорон погибшей при взрыве машины девятнадцатилетней Веры, шофера, братья вновь вспоминают страшные моменты недавней жизни: взрывы, поджоги, постоянный страх, внутреннее одиночество.

В 21 главе при встрече с вернувшейся из больницы Региной Петровной чеченская тема связана и с событиями поджога склада колонистов, и с угрозой жизни женщины, когда в окно ее комнаты заглянули трое мужчин с маленьким мальчиком. Ее убили бы, если бы не мальчик, который остановил расстрел и спас ее. Мужчины приказали ей уходить из этих мест вместе с детьми. Женщина, вспоминая, сказала братьям, что не надо было ей папаху трогать. Нападавшие смотрели так, как будто она что-то живое резала, а не головной убор. Из этой папахи, унесенной братьями со склада, Регина Петровна хотела им сшить две шапки [18, с. 358]. Регина Петровна предложила близнецам поехать в подсобное хозяйство колонии.

22 глава повествует о том, как братья перед отъездом пошли в станицу Березовская, на пожарище Ильи-проводника, поспорили между собой, поче-

му его тронули чеченцы: может, догадались, что он жулик, или потому что дом стоял с краю. Сашка сравнил поджигателей с фашистами. На несогласие с этим Колька напомнил, как боец назвал их изменниками Родины, которых Сталин велел к стенке поставить. Тогда и Колька напомнил брату о мальчике-чеченце за окном Регины Петровны, что он тоже изменник? [18, с. 361].

В разговоре с воспитательницей на ее утверждение, что не бывает плохих народов, есть лишь плохие люди, Сашка спросил про чеченцев, которые убили Веру-шофера. Регина Петровна ничего не ответила: то ли посчитала, что дети не поймут, в чем дело, то ли сама не разобралась в произошедшем [18, с. 367].

В 25 главе к прежним разговорам о чеченцах добавился разговор Регины Петровны с Демьяном. Он сообщил, что когда ехал сюда, к подсобному хозяйству, видел, как солдат в гору на машинах везли, будто на окружение под Сталинградом. А обратно вывозили черных (так назвал чеченцев), живых и мертвых. Теперь жизнь станет спокойней. Демьян заявил, что лучше мы их, чем они нас, Гитлеру продались, национальная болезнь у них – резать русских. На возражение женщины, что людей выселяли из домов, Демьян ответил, что его в шестнадцать лет выселяли, записали в кулаки. Воспитательница выразила сожаление, что все ожесточилось, оттого и страшно [18, с. 390-391].

Во время поездки братьев с Демьяном они увидели разоренный свой детдом, бежали по кукурузному полю от всадников, потом потеряли друг друга из вида. Демьян сказал им, что свою голову надо спасать, не то им шею свернут. Взрослый человек, солдат, боялся так, что назвал тех, которые разгромили детдом, просто местоимением «они» [18, с. 393-396].

И в 26 главе стало понятно, почему боялись тех, кто остался в горах. Утром после страшной ночи Колька отправился искать Сашку и Демьяна, не подозревая, что его ожидает. Когда он приблизился к деревне, не сразу обратил внимание, что там никого нет. А потом только увидел, что здесь, как в колонии, выбиты окна. Захотелось напиться из колодца на пути, ведро было вымазано в чем-то густом и красном (кровь), и это напугало мальчика.

И тут только он увидел брата, который стоял в конце улицы, прислонившись к забору, и что-то пристально разглядывал. Он свистнул, но брат не отозвался. Тогда Колька решил напугать его, сдавайся, руки вверх, мол, чечен пришел. Сначала он побежал к брату, затем замедлил шаг, Сашка показался ему странным: то ли выше ростом стал, то ли неудобно стоял, то ли долгая неподвижность.

Автор подробно описал ужас ребенка, который увидел, что случилось с его братом, которого нацепили под мышками на острия забора, разрезали живот и сунули туда пучок кукурузы, а полпочатка – в рот, внутренности ребенка вывалились наружу и свисали вместе с травой и кукурузой. Вороны за это время склевали Сашкины глаза, поклевали правую щеку и ухо [18, с. 400-402].

Так же детально писатель повествовал о том, как Колька снял Сашку с

забора, поволок в ближний дом, а сам отправился в колонию за железной тележкой, чтобы на ней отвезти брата на станцию. Когда он перекладывал Сашку на тележку, то заметил, что на нем нет серебряного пояска, который вначале носил Колька (этот серебряный поясок вместе с папайой они стащили из детдомовского склада) [18, с. 402-403].

Эти две вещи – шапка и поясок – принадлежали чеченцам, теперь вещи вернулись к прежним хозяевам. И в 27 главе Кольке не давал покоя пропавший ремешок. Он подумал, а вдруг этот старинный чеченский поясок и выдал Сашку, став причиной казни. А ведь Колька отдал брату поясок тогда, когда у того оторвалась пуговица.

В 26 главе всю дорогу сквозь ночь Колька разговаривал с Сашкой, сетовал на то, что теперь они разобщены, а раньше были одним целым, заботились друг о друге, не расставались, во время болезни, во время долгого пути из Подмосковья на Кавказ. И все это ради того, чтобы у них здесь кишки вырезали и вместо них засунули чужую кукурузу [18, с. 405].

Тема продолжения борьбы власти с чеченцами раскрыта с помощью разговора солдат, ехавших навстречу братьям. Колька спрятался с тележкой в кустах, но услышал, о чем говорили солдаты с оружием. Чеченцев окружили в горах, часть их постреляли, а другой части удалось прорваться в долину, она-то и устроила резню, уцелевшие местные жители бежали. «Теперь приказ такой: никого не жалеть, а если в саду, или в доме, или в поле спрячется, так палить вместе с домом и полем... Если враг не сдается, его уничтожают!» [18, с. 405].

Услышанный солдатский разговор повлиял на дальнейшие речи Кольки, обращенные к брату, с которым он ведет себя, как с живым. Едут теперь солдаты убивать чеченцев, и того, кто убил Сашку. И если бы тот встретился ему на пути, Колька посмотрел бы ему глаза, кто он: зверь или человек. Зачем он разбойничает, всех убивает. Ведь они с Сашкой против него ничего не имеют: привезли их жить, они и живут, а потом уедут все равно. А теперь он братьев убил, и его убьют. Он солдат станет убивать, и все погибнут. Разве нельзя сделать так, чтобы все жили, никто никому не мешал. Эти вопросы внешне риторического свойства, но у ребенка есть ответы на них, потому что он сам и отвечает, что и кому надо делать, чтобы жить рядом и дружно [18, с. 406].

Когда Кольке удалось поместить Сашку в железный ящик под вагоном, он пообещал брату не забывать его. Перед отходом поезда увидел проводника, оказалось, что это Илья, который уцелел, так как сбежал раньше на железную дорогу. На его вопрос, кто перед ним – Колька или Сашка, мальчик ответил, что он – обои, то есть за Сашку тоже.

Страшный сон, который приснился Кольке в 28 главе, – как Сашка катится по льду в ущелье, а Колька никак не может поймать брата, который уже далеким комочком виднеется [18, с. 409]. Это заново переживаемая ребенком беда.

Кольке вспомнились стихи о золотой тучке, которая ночевала на груди

утеса, а утром пустилась вновь в путь, но остался ее влажный след на камне, одиноко плачущем в пустыне. Мальчик сравнил тучку с поездом, который увез брата, потом себя – с утесом, Сашку – с тучкой. Наконец, себя и брата – с тучками, с влажным следом, который был, и теперь его нет [18, с. 409].

Позже, на новогоднем утреннике в детприемнике, Коля не смог уже произнести наизусть лермонтовский «Утес», запнувшись на слове «одиноко».

Хронологию событий писатель показал через датировку надписи, которую братья сделали здесь, на горке, 10 октября, а теперь уже 20 октября, и мальчик добавил к надписи, что Сашка уехал, а Колька остался.

Колька отправился на поиски Регины Петровны в подсобное хозяйство, но никого там не нашел, пошел в колонию, может, она там, но и там ее не было, а только обнаружил могилу директора Мешкова. Пройдя к колонии через выжженное солдатами кукурузное поле, Коля слег.

В 29 главу писатель ввел новый персонаж – маленького чеченца Алхузур, который ухаживал за больным Колькой. Два ребенка оказались в общей беде. Алхузур не стал возражать, когда Колька стал называть его именем брата, лишь отзывался – Саск вместо Саша. В разговоре с ним выяснилось прежнее название аула Дей Чурт – Могила отцов, переименованного теперь в станицу Березовская.

Когда отправленный за банкой джема к «заначке» маленький чеченец прибежал и спрятался под матрац, Колька вначале ничего не понял, потом выглянул во двор колонии и увидел солдат возле подводы с каменными плитами от кладбища. Один из солдат в поисках ломика для застрявшей подводы отправился в дом и обнаружил Кольку, а затем и его соседа под матрацем. Колька назвал чеченца своим братом по имени Сашка, сказав, что оба заболели. Во время поедания принесенной солдатом каши чеченец твердил, что плохо, когда ломают кладбище, тревожат могилы: нет могил, нет чеченцев. Он рассказал, что родителей убили солдаты, а теперь настала его очередь, поэтому ему надо бежать от солдат [18, с. 414-422].

30 глава в повести представляет собой воспоминание писателя о том, как много лет спустя в Москве он посетил одну баню и познакомился там с бывшим военным, а теперь пенсионером Виктором Ивановичем. В разговоре с ним автор услышал рассказ о депортации чеченцев во время войны. Виктор Иванович рассказал, как он вывозил черных, они продались Гитлеру. В двадцатых числах февраля привезли солдат в одно селение, а председателю сельсовета сказали, чтобы завтра на митинг в шесть утра собрались мужчины. А солдаты еще с темноты оцепили селение, утром взяли мужчин под конвой, десять минут на сборы и в погрузку. За три часа всю операцию провели. Ну, а те, что сбежали в горы, лютовали, пришлось их по горам стрелять. Подробности Виктора Ивановича были страшными: «У нас ведь как положено: голову тащишь в штаб, а там кто-нибудь из ихних опознает и вычеркнет из списков...». До весны за все это ему орден дали, «а потом татар из Крыма переселял... Больше на тот свет... Калмыков, литовцев... То же злодеи-фашисты, сволочи такие...» [18, с. 425].

И автор услышал давно знакомое, слышанное им еще на Кавказе: «Всех, всех их надо к стенке! Не добили мы их тогда, теперь хлебаем» [18, с. 425].

Писатель задался вопросом, а не мучают ли этих людей кошмары, не приходят ли тени убиенных, чтобы о себе напомнить, и тут же ответил, что нет. Эти ветераны операций по депортации, получившие награды, грамоты от Сталина, убеждены в правоте государства, партии, правительства, в своей миссии.

Возвращаясь в прошлое, в октябрь 1944 года, автор в той же главе продолжил свое повествование о двух детях. Они выбрались к мусульманскому кладбищу, которого уже не было, а когда направились к реке, увидели могильные камни, уложенные в ряд, в сторону гор. Колькин спутник стал читать надписи на могильных плитах, узнавая своих родных.

Писатель подчеркнул, что тогда они не могли знать, что наступит время, когда дети, внуки тех, чьи имена на вечных камнях, вернутся на свою землю во имя справедливости, возьмут камень своих предков, чтобы вернуть на место, и тогда исчезнет дорога, ведущая в пропасть.

В разговоре с чеченским мальчиком русский узнавал чужой язык. И тогда понял, что означало непонятное ранее слово «хи», которое услышал из теплушки на станции Кубань из зарешеченных окошек [18, с. 428].

Когда в горах мальчики столкнулись с горцем, то теперь уже Алхузур стал защищать своего русского спутника от земляка, собиравшегося убить чужого ребенка. Колька тогда представил себе, что после смерти он встретится с Сашкой там, где люди превращаются в облака, они будут плыть золотыми тучками над Кавказскими горами. Сашка скажет, что ему хорошо, что все люди братья, и они уплывут туда, где люди не слышали о войне и брат не убивал брата [18, с. 430-432].

После того, как угроза смерти миновала, дети породнились, смешав свою кровь из нанесенных для этого ранок.

В 31 главе писатель рассказал, как солдаты поймали маленьких побратимов, сначала их вылечили в клинике, потом поместили вместе с другими детьми в детприемник в Грозном. Здесь Кольку нашла Регина Петровна, которая, встретив отчуждение мальчика, стала объяснять, что ее с детьми увез Демьян, сказавший, что в долину прорвались чеченцы и надо уезжать, спасаться. А потом, когда она пришла в себя, хотела поискать Кузьминых, Демьян не пустил, сказал, что там идут бои, что там давно никого нет. Но Колька не простил воспитательницу, ничего не поведал о том, что случилось с ним за это время, на прощанье так посмотрел, что она отшатнулась.

32 глава – заключительная. За несколько дней до Нового года в детприемник приехали двое: военный и штатский. Вызвали к ним сначала Алхузур, затем пустили и Кольку. Военный допрашивал сначала чеченца, потом русского. Первый молчал, второй подтвердил, что это его родной брат. Позвали Регину Петровну, которая подтвердила, что работала воспитательницей в колонии, знала братьев Кузьминых, действительно, это Колька и Сашка. Штатский не стал ничего возражать в ответ, понимая, что она говорит

неправду. Директор детприемника Ольга Христофоровна тоже защищала детей, выдав крымского татарина за татарина из Казани, напомнив при упоминании немецкой фамилии девочки-сироты Гросс о своей немецкой национальности.

В первый день нового года детей отправили на поезде куда-то, где у них начнется новая жизнь. Перед отбытием поезда появилась Регина Петровна с двумя свертками – ранними ее подарками братьям. Она предложила Кольке с его названным братом остаться у них с Демьяном Ивановичем, но мальчик отказался. Наконец, она спросила про настоящего Сашку. И Колька ответил, что Сашка далеко уехал. Воспитательница поняла, что тот жив и обрадовалась. Колька не поднял свертки с подарками Регины Петровны, но когда она побежала за поездом, все-таки помахал ей и кивнул, как будто что-то понял. А потом плакал, и Алхузур утешал его, говоря, что они теперь все время будут вместе. И только поезд стучал колесами, что-то подтверждая.

Таким образом, заключительная глава повести имеет открытый финал.

Выводы:

Анатолий Приставкин как прозаик дебютировал в журнале «Юность» в 1959 году циклом рассказов «Военное детство».

Повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» относится к так называемой возвращенной литературе. Она была создана в 1981 году, опубликована в 1987 году в журнальном варианте, затем вышла отдельным изданием. Повесть входит в трилогию писателя: «Солдат и мальчик» (1971), «Ночевала тучка золотая» (1981) и «Кукушата или Жалобная песнь для успокоения сердца» (1989).

Темы военного детства, сиротства, беспризорничества – автобиографические в творчестве русского писателя, рано, в десять лет, оставшегося сиротой после преждевременной смерти матери и призыва отца на фронт в годы Великой Отечественной войны.

Автор сравнил военную детдомовскую тему, которая не давала ему покоя, с засевшим в сердце осколком. Он писал, что мог бы создать «Тучку» годом раньше или годом позже, не в том суть, но не написать эту вещь он просто не мог. Когда его, детдомовца из подмосковного Томилина, отправили на Северный Кавказ в составе других детей из разных детдомов в колонию, ему было не десять лет, как главным героям – братьям Кузьминым, а четырнадцать. Упоминание о Саше и Коле Кузьминых есть в повести «Солдат и мальчик» – о том, что они уехали к родне. Кроме того, там говорилось, что некоторые детдомовцы сбежали на юг в поисках сытных мест. Автор сам является прототипом главных героев-близнецов.

Вторая книга трилогии включает интересующую нас тему депортации чеченского и ингушского народов в феврале 1944 года. Она показана прежде всего через сиротскую судьбу русских мальчиков Кузьминых и чеченского мальчика Алхзура. Из двух братьев остался в живых только Коля, а Саша был зверски убит чеченцами, которые мстили властям за геноцид народа.

Алхузура после гибели Сашки Колька считает своим родным братом, спасая его от депортации. Тема свободы чеченского народа символически выражена именем мальчика-сироты, оно означает, по его словам, птица.

В повести показано противостояние тоталитарной власти с бежавшими от депортации чеченцами, которые укрылись в горах. Солдаты преследуют их, берут в плен, расстреливают, когда те, сопротивляясь, жгут свои оставленные дома, поля, детдомовскую колонию, убивают новоселов, переселившихся из прежних мест на кавказские земли.

События показаны через восприятие братьев Кузьминых, когда они видят новоселов, пустые селения, слышат разговоры о том, что происходит вокруг, ощущают атмосферу всеобщего страха перед прежними жителями этих гор. Ряд эпизодов (поджоги дома Ильи-проводника, детдомовского склада, взрыв грузовой машины, гибель шофера Веры, смерть директора колонии, бегство жителей села Березовской, бегство Кузьминых с Демьяном-инвалидом от всадников, бегство колонистов и разгром их детдома, смерть Сашки, войсковые операции против чеченцев) передают драматические моменты жизни на Северном Кавказе в 1944 году. События, связанные с судьбой братьев Кузьминых, охватывают весну, лето, осень 1944 года, январь 1945 года.

С помощью приема ретроспекции – воспоминаний ветеранов, участников операции по депортации на Северном Кавказе – писатель воспроизводит былые картины, когда 23 февраля 1944 года чеченский народ был выслан в дальние края по приказу Сталина за измену родине. Там же говорится и о депортации крымских татар, калмыков, литовцев, об этом вспоминают ветераны-пенсионеры, не сожалея о прошлом, а, наоборот, убежденные в правильности своих действий по приказу власти.

Повесть состоит из 32 безымянных глав. Ей предшествует эпиграф: благодарность автора тем, кто поддержал эту книгу. По ходу действия включены авторские отступления и комментарии, но они органичны по своему содержанию и форме, поскольку не являются чисто публицистическими, а подтверждают документальность событий, личное участие в них писателя, тогда сироты-детдомовца.

В системе персонажей повести, с одной стороны, воспитанники детского дома из Подмосковья, затем детской колонии на Северном Кавказе, директор и три воспитателя, среди которых Регина Петровна, с другой стороны – новоселы из центральной России (Илья-проводник, тетка Зина, шофер Вера, Демьян-инвалид), с третьей стороны – солдаты, с четвертой – безымянные чеченцы, в том числе маленький мальчик Алхузур, с пятой – представители власти (военный и штатский), решающие судьбу детдомовцев в заключительных главах.

Тему дружбы народов Приставкин раскрыл на примере дружбы Кольки и Алхузура, побратавшихся после смерти Сашки и спасающих друг друга от враждебных им сторон. Автор вспомнил себя таким, каким был в 1944 году, не подозревая, что историческая правда восторжествует, что чеченцы вернутся к себе домой из ссылки.

Писатель вводит чеченские слова в произведение, знакомит с бытом и культурой народа, с трагической современностью. Так, первая встреча с высланными чеченцами состоялась у Кольки на станции Кубань, когда он увидел эшелон с детьми и услышал просьбу дать воды (хи – вода). Он увидел, как могильными плитами с чужими письменами солдаты строили дорогу к горам, чтобы покончить с убежавшими чеченцами. Он узнал, что раньше был аул Дей Чурт (Могила отцов), а теперь это станица Березовская.

Повесть имеет открытый финал.

Произведение вызвало широкий общественный и литературный резонанс, отмечено Государственной премией (1988), было экранизировано в 1989 году.

Вторая глава.

Тема депортации и сибирской ссылки в повести В. Хотлина «Осколки»

1.1. Творческая история повести В. Хотлина «Осколки»

Первые стихи Валерия Хотлина были опубликованы в газете «Комсомолец Калмыкии» в 1976 году: «Песня», «Кони», а первые рассказы – там же в 1978 году («Работайте, товарищи!»).

Позднее появились другие рассказы: «Просто знакомая», «Нехорошие слова», «Как Айс бросил курить», «Жизнь – штука трудная», «Фестиваль», «За все нужно платить», отрывки из повести «Осколки».

Прозаические тексты В. Хотлина печатались на страницах разных газет и журналов: «Комсомолец Калмыкии», «Время Калмыкии», «Новая неделя», «Российская газета», «Литературная газета», «Братина», «Нана», «Литературный Кавказ», «Теегин герл» и др.

В 1995 году газета «Российские вести в Калмыкии» опубликовала повесть писателя «Осколки». Затем повесть увидела свет в журнале «Теегин герл» («Свет в степи») год спустя. Отдельное издание вышло в 2001 году в Элисте.

Презентация книги состоялась 22 декабря 2001 года. В состав книги помимо повести включены рассказ «Просто знакомая» и стихи. Актеры Русского театра драмы и комедии представили композицию по стихам поэта, своего директора. Тогда же коллектив поздравил В. Хотлина с присвоением ему за заслуги в области театрального искусства звания «Заслуженный работник культуры Республики Калмыкия» [16, с. 3].

В беседе с Лилией Щегловой в декабре 2001 года на вопрос, как возникла мысль написать эту повесть, писатель ответил, что просто посчитал, что она нужна людям, поскольку в ней глазами его поколения увидены те годы, которые описаны в тексте. Это первое. А второе – очень хотел пронизать книгу идеями гуманизма, показать главные человеческие ценности, то есть чем живет человек: любовь, ненависть, ревность – хотя эти чувства, может

быть, не совсем хороши, но и ненависть, и ревность вряд ли могут существовать в отсутствии любви. Они присущи человеку, им всегда есть место в его жизни, а вот идеология, на его взгляд, присутствовать не должна. Человек должен жить обыкновенными человеческими чувствами, привязанностями и существовать как личность. В повести заложена мысль, что нет ничего важнее свободы. Имеется в виду свобода выбора своего пути, свобода мыслить и исповедовать веру в того Бога, который ближе, либо свобода не верить в Бога вообще [50, с. 3].

«Мы, дети Сибири, адаптировавшись на родине предков, подготовили ее для того, чтобы принять новое поколение, родившихся в Калмыкии, мы обживали ее, мы притирались к другим национальностям, мы сначала научились жить с ними в мире, а потом и в дружбе. Мы несли свою миссию как крест, не замечая этого. Но прошли годы, настало время оглянуться назад и осознать...» [29, с. 17].

По словам Э. Эльдышева, так пишет В. Хотлин о своем поколении, об истоках рождения своей повести, и этот его шаг имеет важное значение, как смелая попытка осмыслить и художественно освоить то сложное время [55, с. 6].

В. Хотлин родился в сибирской ссылке в Омске в 1951 году. Поэтому на вопрос корреспондента газеты о своем детстве, ответил, что для всего его поколения оно было трудным. Во всяком случае, непростым. Отсюда его глубокое преклонение перед людьми старшего поколения, которые испытали гораздо больше [50, с. 3].

Долгое время Хотлину приходилось совмещать должность директора Русского театра драмы и комедии и писательский труд, часто, по его словам, в ущерб собственному творчеству. Так, в интервью Н. Балакаевой в 2004 году, когда был назначен заместителем министра культуры республики, он посетовал, что не хватает времени и душевных сил, все отдано театру. Также заметил: по долгу службы приходится читать много пьес, а читая чужие произведения, поневоле начинал оценивать собственные пьесы по-другому. Иногда ему даже хотелось заново переписать пьесы известных авторов [3, с. 6].

Позднее в другом интервью 2009 года писатель признался, что в детстве на него большое впечатление произвела «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. Книга о героизме, силе воли, любви к жизни. Тогда интуитивно он стал делить людей на настоящих и не настоящих [49, с. 7]. В творческих планах теперь написать подборку рассказов.

В 2012 году В. Хотлин в беседе с Л. Баировой сказал, что мог бы уйти в 60 лет на пенсию, заняться литературой, но считает, что его миссия в театре еще не окончена. Как только решит, что в театре все налажено, уйдет и посвятит себя литературе. Сейчас же поставил себе задачу – написать пьесу, посвященную 200-летию войны 1812 года, участию в ней калмыков. На вопрос корреспондента газеты, не будет ли она перекликаться с поэтической историей «Я – сын России», поставленной по его пьесе, уточнил, что спектакль и пьеса будут иными, хотя не исключено, что некоторые герои из той истории займут место и в новой пьесе [2, с. 4].

В предисловии к книге поэт Эрдни Эльдышев подчеркнул, что повесть «Осколки» – это голос сибирского поколения. По его мнению, автору удалось ярко рассказать о своем поколении, через свои чувства и впечатления он сумел выразить мысли и переживания многих сверстников. Через свои жизненные впечатления писателю удалось передать характер времени, в котором он рос, воссоздать из небытия удивительный мир, говорящий вслух об этой «общей тайне» поколения. Время выступает главным действующим лицом повести, объединяющим всех ее персонажей, диктующее те или иные поступки, проверяющее их на моральную и физическую стойкость [55, с. 8].

По словам автора предисловия, художественный мир Валерия Хотлина уникален, то, о чем он повествует, – страницы его биографии, его личной судьбы. И потому эта повесть представляется ему светлым небом воспоминаний Валерия Хотлина, которая обостряет в людях чувство любви и преклонения перед своей дорогой землей [55, с. 9].

В краеведческой работе ученицы 8 класса Хар-Булукской средней школы Санды Васькаевой «Повесть о светлом и добром», написанной в 2012 году, – детский взгляд на историческое прошлое калмыцкого народа. Для школьницы основанная на автобиографическом материале повесть красноречиво и емко рассказывает о суровом времени, о крутых поворотах в судьбе семьи, повлиявших на личность, мировоззрение автора. Она считает, что автор рассказывает о трудном детстве как о чем-то светлом и добром, потому что пишет о самых дорогих людях, которых он бесконечно любил. Вся повесть пронизана чувством одной большой любви, объединяющей героев. Это любовь к земле предков [4, с. 10]. В качестве примера ученица сослалась на главу «Спецпереселенцы», в которой автор писал, что ему снилось возвращение на родину – в сказочную страну. Этот сон сбылся. Семья вернулась в Калмыкию из далекой ссылки [4, с. 10]. Герои Хотлина, указывает С. Васькаева, реальные лица: дед Кича, родной дед Санджи-Гаря, бабушка Бося, друзья детства [4, с. 11]. Но в целом ученическая работа опирается на статьи Э. Эльдышева об этом произведении.

По словам Э. Эльдышева, повесть рассказывает о неожиданных, крутых поворотах в судьбе семьи, несомненно, повлиявших на становление характера автора, на формирование его мировоззрения. Жизнь, как видно из произведения, всегда ставила семью его героя перед нелегким выбором. Выбор – это тот осколок, на котором проверялась нравственная стойкость, совесть его семьи.

Таким образом, автор предисловия передал свое понимание, что означает название повести. Осколки как обозначение жизненных выборов для персонажей произведения, в котором писатель смог передать «много интересных, волнующих мгновений личной жизни, изобразить характеры родных людей, верных друзей – всех тех, о ком он пишет с большой теплотой, одаряя их незаурядными чертами, показывая читателям осколки их быта, жизни, памяти» [54, с. 4]. «Осколки – то, что принадлежит изгнанному народу, то, что у него осталось от прежней жизни, жизни на земле предков, в стране Бумбе, о

которой вечерами, перед сном рассказывал дед», – пояснила Б. Манджиева в статье о повести писателя [14, с. 168].

Сам писатель по-своему расшифровал заглавие повести в тексте.

Рассмотрим основные значения слова «осколок» по словарям русского языка:

1) Осколок – отколовшийся кусок от чего-либо. В переносном смысле – что-либо сохранившееся от прошлого, исчезнувшего.

2) Осколок – отколовшаяся часть, остроконечный кусок твердого тела. В переносном смысле – остаток, оставшаяся часть чего-нибудь.

Для того чтобы понять выбор названия автором, надо рассмотреть содержание и форму повести В. Хотлина.

Как писал Э. Эльдышев в предисловии, повесть состоит из небольших глав, тесно связанных между собой не только историей одной семьи, но и чувством одной общей любви, объединяющих всех ее героев. Любви к земле предков, стремлением семьи к родной степной стороне [55, с. 5].

Б. Манджиева также отметила, что повесть «Осколки» состоит из небольших глав («Спецпереселенцы», «Дед», «Мать», «Отец» и др.), каждая из которых начинается цитатой-высказыванием известных авторов [14, с. 168].

Пятнадцать глав включены в эту повесть: «Спецпереселенцы», «Октябрьская, 62», «Мы идем в кино», «Гости», «Дед», «Болдыры», «Мать», «1958 год», «Отец», «Лиман», «Борька», «Анекдоты и байки Тольки Багрова», «Бабушка», «Элиста», «Мое поколение». Главы неравнозначны по своему объему: от полутора («Мы идем в кино», «Гости») до нескольких страниц (остальные главы), по составу персонажей (персональные или обобщающие главы).

Судя по названиям непрочитанных еще читателем глав, автор использовал смешанный принцип. Первая глава вводит в тему депортации и ссылки – «Спецпереселенцы». Далее топонимические векторы – «Октябрьская, 62», «Лиман», «Элиста», затем хронологический – «1958 год». Это год возвращения семьи на родину. Две главы связаны с досугом: «Мы идем в кино», «Гости». Несколько глав объединены рассказом о членах семьи: «Дед», «Мать», «Отец». Две главы адресованы, как явствует из предисловия к книге, друзьям детства – «Борька», «Анекдоты и байки Тольки Багрова». Одна глава обусловлена происхождением автора от смешанного брака родителей: калмыка и русской – «Болдыры». Заключительная, обобщающая, глава обращена к ровесникам – «Мое поколение».

Авторскую логику трудно понять по названиям глав, не читая, за исключением открывающей повесть главы, может, еще и заключительной.

Б. Манджиева указала на то, что каждая хотлинская глава начинается цитатой-высказыванием известных авторов [14, с. 168].

Но и самой повести предшествует цитата из стихотворения В. Инбер «Будущим о прошедших», из которой становится ясным авторский посыл – рассказать внукам о былом, когда они спросят об этом.

Что касается цитат к главам, точнее эпиграфов к главам, они не всегда

отсылают к их авторам, есть безымянные стихотворные высказывания, принадлежащие самому Хотлину. Например, в главах «Борька» [29, с. 54], «Анекдоты и байки Тольки Багрова» [29, с. 62], «Мое поколение» [29, с. 108].

Из 16 эпитафий часть принадлежит иностранным (М. Канэко, С. Таникава-3, Т. Китакура, О. Хайям, В. Райсел, Э. Аакато, Т. Миёси), а также русским авторам (В. Инбер, А. Ахматова, К. Бальмонт, В. Даль).

Рама произведения, как известно, может включать заглавие, подзаголовок, эпитафия (ы), предисловие (или вместо предисловия), дату и место написания.

В повести Хотлина тоже есть «Вместо предисловия» (в стихотворной форме), объясняющее ее название:

*Когда зеркало падает на пол,
Оно разбивается на множество осколков.
Если ходить по ним босиком,
Можно порезаться.
Заглядывая в них,
Увидим в каждом
Изображение какого-то фрагмента,
Каждый из нас – разного.
Собрав эти кусочки один к одному,
Мы объединим фрагменты в нечто целое,
Похожее на правду.
Но в целом этот каждый увидит что-то свое,
Важное лишь для себя.
Если мы разбросаем эти осколки –
Могут пораниться те, кто придут после нас,
И не понять, отчего идет у них кровь.
Но в целом зеркале
Изображение слишком понятно,
Жизнь такой не бывает,
Чтобы увидеть ее,
Зеркало нужно разбить [29, с. 10].*

Так, речь идет о символическом зеркале жизни. При этом не особенно учитывается двойственная характеристика предмета, например, как медиатора, зазеркалья, входа в иной мир, приметы несчастья, беды, смерти и т.д.

Воспринимается, судя по тексту стихотворения, лишь отражающая функция зеркала, – отображение действительности, того, кто в него смотрит. Парадоксальна мысль: чтобы верно понять изображение жизни в зеркале, надо его разбить, так как изображение слишком понятно. Трудно согласиться с этим авторским постулатом: разбитое уже не целое, фрагменты не дают общего представления об увиденном.

Повесть закрывает «Вместо послесловия»:

*Собирая осколки зеркала –
Один к одному,
Я вижу в самом маленьком
Огромный мир.
Края осколков остры
И режут мне пальцы.
«А ты что видишь в этом осколке?»
«Я вижу море и корабль».
«Расскажи мне о нем?»
«Он большой, с белыми парусами».
Я привязан к тому месту,
Где рассыпаны осколки зеркала.
Я буду собирать их и складывать,
Один к одному [29, с. 112].*

Если стихотворение, открывающее повесть, построено в монологической форме, то закрывающее стихотворение – переходит в диалогическую форму.

Собирание осколков разбитого зеркала для лирического объекта равносильно попытке осмыслить жизнь.

К образу зеркала добавлены образы моря и корабля с белыми парусами, отсылающие к лермонтовскому стихотворению «Парус».

Итак, творческая история повести В. Хотлина «Осколки» показывает, что произведение было создано в период перестройки, когда стало возможным появление подобных вещей на запрещенные ранее темы. Повесть имеет автобиографический характер, обусловленный рождением писателя в годы сибирской ссылки (1951 год, Омск), его ранним детством, возвращением с семьей на степную родину в 1958 году.

Произведение включает 15 глав, многочисленные эпиграфы, стихотворные «Вместо предисловия» и «Вместо послесловия».

Замысел автора связан с мыслью рассказать о своем поколении, родившемся в сибирской ссылке, чтобы оставить свои свидетельства о былом, с размышлениями о семье, друзьях, товарищах, о двух родинах – лесной и степной, об отечественной истории.

2.2. Тема сибирской ссылки в повести В. Хотлина «Осколки»

В своей монографии литературовед Н. Манджиев отметил разнообразное отображение калмыцкими писателями темы ссылки народа. Одни авторы охватывали «судьбы большого количества людей, действия, длящиеся на огромном пространстве, на протяжении десятилетий (М. Нармаев, А. Джимбиев, А. Балакаев). Другие авторы сосредоточили внимание на судьбе одного человека, одной семьи (Т. Бембеев, А. Кукаев, Б. Сангаджиева)» [13].

Ко второму типу произведений принадлежит и повесть В. Хотлина «Осколки». Когда Валерий Хотлин родился в Омске в 1951 году, калмыцкий

народ, депортированный в конце декабря 1943 года, находился в ссылке уже седьмой год.

В начальной главе «Спецпереселенцы» автор рассказывает о том, как прошло его детство вдали от мест, бывших родиной для калмыцкого народа.

Писатель подчеркнул: «Мы, дети, родившиеся в Сибири, не видевшие родины своих отцов, не знали значения этого слова, мне даже не довелось его ни разу услышать за те несколько лет, которые я прожил в Омске. Наши соседи, те люди, с которыми мы делили и свои маленькие радости, и свои несчастья, ни словом, ни видом не показывали нам того, что мы – представители другой нации. <...> Делить людей по национальному признаку я научился, только только переехав на родину, на мою вторую родину, в низовья Волги» [29, с. 11].

Лишь два момента выделил он в своей памяти из того времени: девочка, которая провожала их с сестрой на улице словом «киргизы», эпизод встречи с милиционером, когда он мальчиком гулял вместе с дедом по городу. В первом случае «я не знал, кто такие киргизы, впрочем, я тогда еще не знал даже, кто такие калмыки, но чувствовал, что это слово имеет какое-то отношение к моей внешности» [29, с. 11]. Во втором случае внук почувствовал, как дедушка внутренне напрягся: напряжение передалось малышу. Тогда он ничего не понял, а потом, взрослым, понял, что они были спецпереселенцами, и милиционер мог остановить их, проверить документы, придравшись к чему-нибудь, доставить в комендатуру, унизив своими действиями деда в глазах внука [29, с. 11]. По словам автора, «так, совершив первое в своей жизни переселение из чрева матери в большой мир, я сразу стал “спецпереселенцем”, только потому, что в паспорте моего отца в графе “национальность” черными чернилами вписанное короткое слово “калмык”» [29, с. 12].

Вирус страха и недоверия заражал людей тяжелой болезнью, которую автор называл «рожденный несвободным» [29, с. 12]. Нерусские дети Сибири жили на своей приемной родине, не думая о том, что есть где-то другая земля, на которую им суждено вернуться.

Как известно, ссылка калмыцкого народа была объявлена бессрочной (навечно). И дед на вопрос внука, когда тот заберет коня, оставшегося в степи, вначале отвечает, что заберет, когда вернемся, на вопрос же, когда, долго молчит [29, с. 12]. Поэтому, когда дед рассказывал внуку о своей родине – селе Лиман, который остался за пределами Калмыкии – в Астраханском крае, то ребенок не думал всерьез уехать из сибирского города, который станет для него потом чужим городом, как и родина деда.

Как пишет Б. Манджиева, «сочетание “рожденный несвободным” – это, по сути, трактовка проблемы индивидуальной и общенародной свободы, результат несправедливого отношения государства к нации. Однако В. Хотлин, рассказывая о жизни ссыльных калмыков, акцентирует внимание не только и не столько на политических проблемах, сколько на нравственно-философской составляющей бытия» [14, с. 169].

Первая глава заканчивается мотивом ностальгии писателя, живущего в Элисте, по своему сибирскому детству. Таким образом, настроение героя

колеблется между двумя чувствами: автор повести называет Омск приемной родиной, а Калмыкию – родиной второй. Связующим же звеном «обеих родин» выступают мотивы памяти, воспоминаний, времени, заключает современный литературовед [14, с. 168].

Во второй главе «Октябрьская, 62» с первых строк становится понятным, почему она так названа, – по этому адресу семья автора жила в Омске. И дед наказал внуку Валере и внучке Наташе запомнить этот адрес, который станет для них паролем в том случае, если дети потеряются в городе. Поэтому дед ограничивал жизненное пространство внуков сначала квартиркой (комнатой, перегороденной ширмой) в большом деревянном доме, где было множество таких квартирок. Одной деталью автор обрисовал жилище ссыльных калмыков: дом сзади не имел стены, так как весь состоял из дверей: каждая дверь – семья [29, с. 13].

Постепенно жизненное пространство детей стало расширяться до размеров двора, а затем – улицы, но «за угол» ходить было нельзя. В чужом дворе были горки, качели, карусель, которыми пользовались местные дети, а в своем дворе – самодельные качели. На трамвайных путях делали «сахар» – подкладывали осколки оконного стекла на трамвайные рельсы перед трамваем, ели зеленую траву вместо лука. Однажды внук потерялся все-таки во время похода с дедом и сестренкой в магазин, и, памятуя об инструкции, мальчик назвал домашний адрес прохожему, который повел его домой, а навстречу уже бежал дед. Второй раз внук упал с карусели, расшибся, пережил процедуру зашивания раны в больнице.

Первым детским разочарованием для ребенка стало случайное знакомство с детским садом, поскольку они с сестренкой сидели дома и не ходили ни в ясли, ни в садик, когда родители и дедушка с бабушкой уходили на работу. Внутри было темно, сыро, неуютно [29, с. 16].

В конце главы авторское отступление передавало его размышления о жизни над пропастью во лжи, когда с глаз упала пелена: жизнь в государстве с лживой моралью и лживой идеологией, в государстве, которое не любило своих граждан, которое посеяло в них вирус человеконенависти, которое отобрало у людей бога, дав им взамен богоподобных генеральных секретарей – вершителей судеб целых народов и огромный репрессивный аппарат для неверующих в этих богоподобных [29, с. 16-17].

Свое поколение автор сравнил с людьми, оставшимися на обочине, прозябавшими на ничтожной работе, спившимися, потерявшими работу и средства к достойному существованию [29, с. 17].

В третьей главе «Мы идем в кино» писатель вспомнил о маленьких праздниках, как с дедом и сестренкой ходили в кинотеатр, дед угощал их газировкой с сиропом и мороженым. Дед приносил с полочки маленькие подарочки внукам – игрушки. При этом мальчику доставались игрушки в большей степени, чем девочке. Однажды вместо водокачки для Наташи купили вертолет Валере, поскольку у матери денег хватило только на одну игрушку [29, с. 18-19].

Маленькая главка «Гости» знакомила с особенностями гостеприимства ссыльных калмыков. В Сибири они жили в основном в селах, в городах их было немного. Когда приезжали в город, останавливались у соплеменников: родство, знакомство или незнакомство не имело значения, всех принимали. Из всех гостей маленький Валера запомнил деда Кичу, приход которого был праздником: он угощал мальчика стаканчиками мороженого. Чужой дед казался мальчику пришельцем из другого мира, беззаботного и веселого. После Сибири несколько раз он видел его в Астраханском крае на станции в униформе с золотыми пуговицами, с русской женой-красавицей. А в Элисте Кича как бы стал ниже, был плохо одет, некрасив, от него пахло вином, папиросами и потом, и он уже не казался мальчику, как прежде, орлом [29, с. 19-20].

Мальчик плохо запомнил других гостей, но запомнил, как садились все вместе за стол, за общей сковородой: чем богаты, тем и рады. За чаепитием чужие люди ощущались ребенком членами его семьи.

Сравнивая уже взрослым прошлое и настоящее, писатель признался, что испытывал раздражение, когда видел грязную посуду после друзей сына, но понимал, что мужчина должен быть гостеприимным, хлебосольным, должен уметь дружить. Таковы уроки семейного воспитания.

Пятая глава «Дед» открывает семейный портрет. В этой главе вначале речь идет о депортации калмыков, семьи автора. «Когда нас выслали в Сибирь, он не взял с собой ничего из вещей, даже самого необходимого, ему было уже за пятьдесят и они с бабушкой несли на носилках свое единственное сокровище – одиннадцатилетнего сына, который был в бреду (у него был жар), а они несли его зимой в товарный вагон. Один из начальников, пнув носилки, сказал деду: “Брось его, все равно сдохнет по дороге, лучше возьми еды”. Но отец выжил, родил меня и, даст бог, наш род не переведется. У деда была еще дочка, сестра отца, но она умерла в детстве, родной брат его утонул, не оставив детей; сын – это все, что у него было» [29, с. 20-21].

В пятой главе писатель подробно рассказывает о биографии своего деда Санджи-Гаря, жизнь которого была сложной и трудной. Идеинный большевик с 1918 года, он занимал ответственные посты, был заместителем главы правительства калмыцкого народа, потом был осужден, приговорен к расстрелу, отсидел несколько лет в тюрьме. Был освобожден без снятия обвинения, без оправдания [29, с. 21]. Даже в период перестройки, в 1990-е годы, взрослому внуку, видимо, не удалось прояснить детали этих эпизодов из жизни деда.

Не уточнил он и степень образованности деда, отметив, что тот получил какое-то образование в Астрахани до революции, хорошо знал русский язык, что дало ему возможность занять в Сибири большую должность – ревизор в банке.

Дед дал внуку русское имя, думая о его будущей жизни, понимая, что калмыцкий народ, чтобы его не стало, разбросан по разным регионам страны – Сибири и Дальнего Востока. Он стал для внука главным воспитателем. Валерий Германович писал, что дед болел за свой народ больше, чем за се-

бя, и поэтому в 1953 году ездил в Москву на похороны Сталина, чтобы изменить судьбу калмыков; вернувшись на родину, несколько месяцев потратил на попытки вернуть отошедшие к астраханцам два калмыцких района, потом, поняв всю напрасность затеи, определил судьбу семьи, решив переехать в Элисту.

Один из эпизодов передает имущественный вопрос сосланных калмыков. Их дома на родине заняли чужие люди. Когда жили в селе Лиман, дед показал внуку их родовой дом, хозяином которого стали другие люди. Выяснилось, что семейные вещи, оставленные на хранение знакомцам, исчезли вместе с ними, покинувшими эти места. Дед жалел не об утраченном добре, а о каком-то портрете [29, с. 22-23].

Другой эпизод свидетельствовал о том, что часть калмыков не попала на выселение, поскольку находилась в других местах, а не в республике. Так, писатель вспоминал, как дед повез его из Омска в Ленинград, там жил двоюродный брат отца по матери. Во время войны он был старшим офицером, после войны был отправлен на службу в Ленинград, поэтому избежал ссылки. Дядя Одя приезжал к ним в Омск, забрал с собой свою мать, женился на калмычке и вернулся в Ленинград [29, с. 23].

Внук вспомнил и свою бабушку Босю, которая умерла в Сибири, когда он был совсем маленьким. «Она все время болела, почти не вставала с постели, стресс, полученный ею в связи со ссылкой, надломил ее» [29, с. 25]. Таких калмыцких семей, оставивших в сибирской земле своих близких людей, было немало.

Поэтому для детей дедушка был одновременно и бабушкой. Внук вспоминал, как дед записал его в Лимане в библиотеку по своему абонементу, приучил к чтению. Как научил играть в калмыцкую игру – альчики (игра косточками из бараньих суставов), чтобы внук не отставал от местных ребят, смастерил ему удочки – ловить рыбу и варить уху, да и сам увлекся рыбалкой [29, с. 26-27].

Дед запомнился внуку веселым, понимающим другом, а также заботливым помощником – писал письма, хлопотал о чем-то, что-то выяснял для людей, приходивших к нему с разными просьбами.

Несмотря на то, что, завершая главу, писатель указал, что, перелистывая старые документы, «перелистывал» жизнь деда, при этом конкретных дат и мест он не перечислил. Уточнил, что в детстве дед остался без отца, его мать схватили беляки, держали в тюрьме, пытали, несколько раз имитировали расстрел, пытаясь узнать, где скрывается сын-большевик. Прожила прабабушка Цаган недолго. А ее сына уже красные арестовали. После освобождения дед занимал руководящие посты, женился, у него родился сын, а потом война, ссылка, Сибирь, мыкание по баракам, возвращение домой.

Когда внуку было тринадцать лет, дед ушел из жизни в Элисте в 1964 году. Но писателю кажется, что дед «смотрит на меня из своего далека» [29, с. 28].

Глава «Мать» посвящена матери писателя. Здесь сын не упомянул даты

рождения матери, как и остальных конкретных дат, связанных с ее биографией. Была Маша родом из Омска, имела родителей, братьев и сестер. Во время войны прибавила себе три года, чтобы получить возможность трудиться, помогать семье. Сын сообщал, что работа была мужская, но не уточнял, какая это работа. Зато мать получила рабочую карточку.

Старший ее брат вернулся с войны, а отец скончался от ран в госпитале.

Судя по заключительным строкам главы, где сын писал, что смотрит в глаза матери, на ее натруженные руки, и меркнут в свете ее глаз рассказы о женах декабристов, во время создания повести она была жива. Значит, на основе ее воспоминаний написана не только эта глава.

Подробно описана история девичьей поры матери, когда она встречалась с курсантом военного училища, но из-за недоразумения оставила его, когда сестра познакомила ее с будущим мужем, отцом будущего писателя. Машу удивили манеры нерусского парня, его красота и сила, и вскоре она влюбилась в него «по уши» и любила его потом всю жизнь.

Один из эпизодов показал знакомство Маши с родным языком Германа, когда она слышала, как он разговаривал с родителями: так произошло знакомство с калмыцкой семьей. Потом уже отец мужа велел при невестке говорить всем по-русски, чтобы не создавать ей «дискомфорта».

При первой встрече Маши с будущими родственниками из-под кровати (сервантов и буфетов еще не нажили) хозяева достали посуду, сели пить поздний чай.

Сын описал, как его мать входила в калмыцкий мир, «постепенно проникалась болью и трагедией этого народа, в конце концов сама став его частичкой» [29, с. 34-35]. Процесс «притирки» не всегда проходил безболезненно. Это касалось быта и уклада нерусской семьи: питания, воспитания, распределения обязанностей между мужчинами и женщинами (эпизод с приготовлением борща, похода матери на базар за продуктами, ранение малыша домашним петухом).

В 1957–1958 годах, когда калмыки возвращались на родину, поехала в Калмыкию и Мария. Сначала Каспийский, где она работала на рыбоконсервном заводе, затем Лиман, где горожанка научилась собирать кизяки, доить коз, благоустраивать недостроенный особняк, сажать сад и разводить кур. По профессии мать, как выяснилось в этой главе, была почтовым оператором.

О трудоустройстве матери в Элисте сын ничего не сообщил. Подытожил, что так в переездах и в тяжелом труде прошла ее молодость. Не заметила она, как внуки подросли. И когда ее внучка получила паспорт, в графе «национальность» попросила написать, что она калмычка, бабушка одобрила, назвав себя тоже калмычкой в разговоре с сыном [29, с. 36-37].

Поэтому автор завершал главу о матери мыслью о том, что не хочется ему слышать напыщенные речи об интернационализме, братстве народов, громких фраз. Судьба матери для сына стала лучшим уроком дружбы народов страны.

Глава «1958 год» повествует о приезде семьи Хотлиных на родину предков через Москву на поезде с пересадкой. Дорога заняла восемь суток. На станции Улан-Хол мальчика вынесли из поезда спящим. Открытия на калмыцкой земле были не слишком радостными: грязный вокзал, червивые яблоки, под ногами песок вместо асфальта, нет травы, только верблюжья колючка, камышовая уборная. Поначалу ему страшно хотелось вернуться в Омск.

В Каспийске семья жила у родственников, как многие тогда приехавшие на родину калмыки. Теснота, полное отсутствие продуктов в магазине, калмыцкий чай с солью, ветер с песком.

В этой главе автор рассказал, как ему купили школьную форму: он пойдет в первый класс школы. Эта форма напоминала ему военную форму. Подростком он мечтал служить в армии, через тринадцать лет мечта осуществилась, но за два года там же и погибла. Размышления автора о Советской Армии критические: подчинение себя чужой воле, бесконечные и бессмысленные построения, смотры и осмотры, и прочее [29, с. 40].

Таким образом, воспоминания о прошлом перемежаются у автора с воспоминаниями другой поры. Такой прием он использует во многих главах.

В этой же главе выяснилась семейная проблема, в какой класс отдать ребенка в школу – в калмыцкий, где вроде бы преподавание будет на калмыцком языке, или в русский. Мальчик умел только считать по-калмыцки, чем очень гордился. В итоге он пошел в русский класс.

Автор сообщал, что в отличие от других высланных Сталиным народов калмыки не были расселены компактно, а были разбросаны по всей азиатской части бывшего СССР: в таких условиях сохранить язык и передать его детям было трудно. Поэтому писатель констатировал, что беда его поколения – незнание родного языка [29, с. 40-41].

В школу внука водил дед. Несколько удивляет, что дед не учил внука калмыцкому языку, хотя бы разговорному. Нет ни слова и о том, прикладывал ли к этому какие-либо усилия и отец ребенка. Видимо, в межнациональной семье, да еще в русском окружении калмыцкий язык не был востребован в условиях ссылки. Но в других семьях обычно родной язык не забывали, особенно старшее поколение.

Как в некоторых главах, так и в этой главе заключительные строки становятся переходными для следующей главы, в данном случае – об отце. Например, сравнение внешнего вида отца и места его службы в Омске и в Каспийском. Там – пижонские костюмы, чистая обувь, отутюженные брюки, белые рубашки, здесь – грязная одежда, кирзовые сапоги, металлические когти через плечо. Там – заведующий электроцехом в областном театре юного зрителя, здесь – электромонтер в райкоммунхозе [29, с. 41].

Глава «Отец» открывается биографией. Сын рассказывает, как одиннадцатилетним мальчишкой отец попал в Омск, где прошли его детство и юность, там он женился, там родились его дети, там он нашел любимую работу и приобрел друзей. Сын писал, что отец был городским парнем, когда

покидал Сибирь и трудно привыкал к другой жизни на родине. Но и в этой главе автор не обременил читателя точными датами и географическими координатами в биографии своего персонажа. Он не назвал ни года рождения, ни места рождения и проживания отца, ни где он учился до депортации калмыков, ни даты устройства на работу в разных учреждениях в ссылке и на родине. Автор сообщил, что мальчишкой отец пошел работать в театр осветителем, потом его назначили заведующим электроцехом театра. Из предыдущих глав ясно, что это был областной театр юного зрителя в Омске. Хотлин вспоминал, как иногда отец заводил их с сестрой к себе в электроцех, и мальчику казалось, что всем этим сложным хозяйством (множество рычагов, рубильников, переключателей каких-то приборов) мог управлять только бог, каким казался ему отец. Спустя много десятилетий, когда судьба неожиданно привела сына на работу в театр, он понял, какую ценность для театра представлял хороший заведующий электроцехом [29, с. 41-42].

Воспоминания мальчика о сибирском театре полны радости и веселья. Это новогодние представления, где Дед Мороз спрашивал, чьи они дети, не Германа ли, получал утвердительный ответ и вручал подарки с просьбой передать привет отцу и поздравить его с Новым годом. Малыша рапирало от радости – сам Дед Мороз знал его отца! Спектакли брат с сестренкой смотрели со второго ряда, куда сажал их отец, и актеры, зная, чьи эти дети, озоровали с ними. Это не всегда радовало мальчика, особенно когда Баба Яга бегала по сцене с криком, где он, я найду и схвачу его (какого-то персонажа), глядела ему в глаза, наводя страх, и он тогда прятался за переднее кресло.

В другом спектакле «Два клена» Баба Яга точила когти о стену, будто собираясь взобраться наверх (электроцех был под потолком над авансценой), и дети боялись за отца. Если брат спрятался под креслом, то сестра сначала предупредила отца об опасности, что к нему лезет Баба Яга, а потом присоединилась к брату. Актриса зашлась в истерическом смехе, отцу тоже было смешно [29, с. 42-43].

По словам сына, отец дважды уходил из театра, сначала в Омске, потом в Элисте, но неизменно возвращался, потому что любил театр. Этой театральной атмосферы не хватало ему в Каспийском, в Лимане. Когда однажды в Омске отцу была предложена более высокая зарплата, он покинул театр, но вскоре вернулся. Когда уже работал в Элисте в театре, пришло письмо из Омского ТЮЗа: его приглашали на работу, обещали оплатить дорогу, дать подъемные, предоставить жилье. Он же проработал в калмыцком театре (размещался в клубе «Строитель») 34 года, откуда его проводили в последний путь. Сын писал, что отец принимал участие в оснащении и оборудовании нового здания театра по улице Люксембург. По словам сына, отцу предлагали другую работу, с высокими доходами, но он не мог уйти из театра.

В то же время, по свидетельству автора книги, у его отца не было «правильного образования», так как получить образование спецпереселенцу было невозможно, но это не мешало ему трудиться.

Несмотря на то, что писатель не указал, что отец его работал и директором театра в Элисте, портрет главы семьи нарисован в таких деталях, которые передавали его ментальность: трудолюбие, немногословность, сдержанность в проявлении нежных чувств. Характерны в этом плане эпизоды общения взрослого сына и отца (эпизод с котлетами). Автор подчеркивал, что отец не воспитывал детей беседами и нравоучениями, был с ними неразговорчив, воспитывал своим умением жить, не кривя душой, не бранился. Сын пожалел, что отец не отдыхал на курортах, не повидал дальних стран, но умел быть счастливым тем, что есть, умел сострадать и помогать другим, чем мог. Из жизни ушел он так же сдержанно, не выдавая своих страданий от болезни. Похоронили его рядом с дедом, уточнил автор [29, с. 45-48].

В главе «Бабушка» автор вновь вспомнил о своей бабушке-калмычке, которая умерла в Сибири. «Она успела подержать меня на руках в младенчестве, погладить по головке и, нащупав две макушки, предрекла счастье в жизни:

– Счастливый будет, – сказала она» [29, с. 97].

Ее слова стали для внука талисманом.

Этот рассказ дополнен воспоминанием внука о русской бабушке с материнской стороны. Она заходила к ним по пути из церкви, часто заставляла его стоящим в углу за непослушание, сокрушалась по этому поводу, крестила малыша, тихо шепча что-то, кормила из ложечки кашей, которую приносила из церкви, выводила из угла. Такой и запомнилась автору его русская бабушка. Больше он ее не видел, когда уехал из Омска. Так с семи лет у него не стало общения с этой бабушкой [29, с. 97].

Глава «Элиста» добавляет подробности сибирской темы в сопоставительном плане. «По моему новому классу можно изучать географию Сибири – Омск, Новосибирск, Тюмень... Всех нас объединяет то, что мы родились далеко от Элисты» [29, с. 98]. Тогда в степном городе сильно пахло Сибирью, по выражению писателя. Мальчишки свои умения кататься на коньках (в том числе прицепившись крючком к проходящему транспорту) и на лыжах, играть в хоккей, ходить в лыжные походы привезли из ссылки. Писатель сравнил эти зимние и летние игры (в футбол), увлечение спортом с интересами современных детей, и не в пользу последних. Здесь также публицистические отступления автора о сегодняшнем дне, о социальном расслоении населения, об обществе, о государстве с критической точки зрения.

Со временем люди стали задавать себе вопрос: «За что? За что унижение ссылки? За что лишения и потери родных? Но система чутко держала руку на пульсе. Была дана команда “фас!”. И начались в Элисте процессы над изменниками родины, поиски уже отсидевших по этой статье людей, свидетелей, которые, дав показания, нужные следствию, сами на следующем процессе становились обвиняемыми» [29, с. 107]. По словам автора повести, делалось это не ради справедливого возмездия, а для того, чтобы оправдать ссылку целого народа. И возвращение уже представлялось не реабилитацией и признанием чудовищной ошибки, а как бы милостью. Эти процессы были

политическими, приговоры которых были известны заранее – смертная казнь. За действиями марионеточного суда строго следили соответствующие «компетентные органы» [29, с. 107].

Писатель подчеркнул, что, искажая историю, вожди полагали, что смогут повлиять на будущее. Крах империи, основанной на лжи, неизбежен [29, с. 107-108]. Хотя дата распада СССР не называлась (1991 год), книга написана уже в 1995 году после свершения события.

Завершает повесть глава «Мое поколение», в которой автор подводит итоги своим размышлениям о себе и о времени. Эта глава более всех публицистична. Писатель отметил, что, несмотря на то, что его поколение не несло на своих плечах бремя сибирской ссылки по возрасту, они прожили этот стартовый отрезок своей жизни, глядя на старших. Они помнят все: и Сибирь, и возвращение. И теперь их воспоминания приобретают осмысленный, стройный вид. Они отдают дань уважения людям старшего поколения, которому пришлось столько пережить и перенести, сколько хватило бы на несколько жизней. Поэтому это поколение уходит так рано, как и поколение автора [29, с. 110].

Итак, автор заключил, сегодня, прекращая заглядывать в осколки, он благодарен всем, кто заглянул в них вместе с ним с этой книгой. И надеялся: «И если хотя бы несколько человек, закрыв книгу, вернулись в свое прошлое, значит, я писал ее не зря» [29, с. 110].

Выводы:

Повесть В. Хотлина «Осколки» была написана в 1995 году, в период так называемой перестройки, опубликована сначала в газетном, затем в журнальном варианте, пока не издана отдельной книгой в 2001 году.

Произведение имеет автобиографический характер, обусловленный рождением будущего писателя в сибирской ссылке (город Омск), тамошним его детством.

Повесть состоит из 15 глав, имеет раму: название, стихотворные «Вместо предисловия» и «Вместо послесловия», эпиграфы как к повести, так и к каждой главе. Часть эпиграфов из них принадлежит зарубежным и отечественным авторам, несколько – самому автору. Эпиграфы как бы являются ключом к теме каждой главы, помогая понять содержание.

Главы неравнозначны по объему – от полутора до нескольких страниц. Большинство из них содержит публицистический аспект: либо по ходу размышлений, либо в конце глав. Поэтому собственно художественный посыл часто уступает место документальному материалу. Все это позволяет оценить произведение В. Хотлина не столько как художественное, сколько как документальное.

Повествование в повести построено по принципу выборочных воспоминаний, в основном сравнительно-сопоставительного плана.

Первая и последняя главы имеют обобщающий характер: «Спецпереселенцы» и «Мое поколение». Несколько глав носят персональные наимено-

вания, касающиеся семьи писателя: «Дед», «Мать», «Отец», «Бабушка», другие – его родственников и друзей: «Борька», «Анекдоты и байки Тольки Багрова». Часть глав построена по топографическому принципу, обозначающему места проживания семьи в ссылке и на родине: «Октябрьская, 62», «Лиман», «Элиста», одна глава («1958 год») – по хронологическому принципу, передающему возвращение семьи из ссылки в Калмыкию. Две главы посвящены быту и досугу спецпереселенцев («Мы идем в кино», «Гости»), одна глава – понятию межнациональных браков, заключенных в Сибири («Болдыры»).

Собственно депортации отведено несколько строк в главе «Дед», в которой описано, как дед с бабушкой взяли с собой в ссылку не вещи, а единственного одиннадцатилетнего сына на носилках. Часть глав повествует о семье автора, в том числе о жизни в сибирской ссылке («Дед», «Мать», «Отец», «Бабушка», «Октябрьская, 62»). Другие главы – о возвращении на родину.

Автор постоянно сравнивает прошлое и настоящее, Сибирь и Калмыкию, попутно сообщая о некоторых вехах своей биографии – служба в армии, учеба в Кишиневском институте.

Писателю более удалось те характеры близких родственников, которые расписаны им подробнее: это портреты деда, отца, матери. Тем не менее, и в этих главах автор не всегда придерживается точных дат и мест в биографии членов семьи, создавая в целом обобщенные образы старшего поколения. По сути – это семейная хроника.

Стиль повести неровный, с включением просторечия, публицистических отступлений.

Структура произведения отличается произвольностью, судя по названиям глав и по содержанию.

Заключение

Тема депортации в русской и калмыцкой современной прозе на примере повести Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» (1981) и повести Валерия Хотлина «Осколки» (1995) представлена по-разному.

Авторы принадлежат к разным поколениям. Приставкину было 14 лет, когда он стал невольным свидетелем трагических событий на Северном Кавказе после депортации чеченского народа в феврале 1944 года; основное время повести – весна, лето, осень 1944 года, январь 1945 года.

Хотлин родился в 1951 году в сибирской ссылке после депортации его семьи, как и всего калмыцкого народа, в конце декабря 1943 года; его сибирское детство включает несколько лет – до 1958 года, когда народ вернулся на родину.

Прототип русского писателя – братья-близнецы Кузьмины, Саша и Коля. У калмыцкого русскоязычного писателя повесть тяготеет к документальной форме, поэтому все его родные и близкие, друзья имеют реальные имена и фамилии. Главные герои «Тучки...» – сироты-детдомовцы, главные ге-

рои «Осколков» – семья писателя. Место событий в повестях также различно: с одной стороны, это Подмосковье и Северный Кавказ, с другой – это Омск, Каспийский, Лиман, Элиста.

«Тучка...» состоит из 32 безымянных глав, включает эпиграф-благодарность тем, кто поддержал произведение, дату создания (1981). «Осколки» состоят из пятнадцати именных глав, включая эпиграфы к самой повести и к ее главам, а также стихотворные «Вместо предисловия» и «Вместо послесловия».

Структура русской повести выдержана в хронологических рамках основных событий, структура калмыцкой повести не имеет такой локализации, она разомкнута в биографию писателя, в сибирское детство и после возвращения из ссылки в его молодость.

Автобиографизм повестей определил присутствие авторских отступлений, комментариев, но если у Приставкина они имеют органический характер, не сталкивая публицистику и художественность, то у Хотлина они подчеркивают документальность повествования своей публицистической направленностью.

Название произведений также отличается в связи с авторской направленностью.

В «Тучке...» подчеркивается литературное, художественное начало (стихотворение М. Лермонтова «Утес»), поддержанное содержанием – переселением детдомовцев из Подмосковья на Северный Кавказ, знанием Коли Кузьмина лермонтовского произведения, которое он читает по-разному в зависимости от событий (до и после смерти Саши), сравнивая себя и брата с тучками, ночевавшими на утесе и улетевшими утром, оставившими влажный след на камне. Семантика и символика повести, таким образом, глубока и содержательна.

В «Осколках», как пояснил автор в рамке произведения («Вместо предисловия» и «Вместо послесловия»), – это осколки разбитого зеркала, целое изображение в котором далеко от правды, а фрагменты индивидуальны и создают общую картину с помощью тех, кто вспоминает о прошлом и думает о настоящем.

В то же время есть некоторая переключка лермонтовского мотива в двух повестях. В «Тучке...» – это стихотворение «Утес», а в «Осколках» («Вместо послесловия») – это отсылка к стихотворению «Парус» через образы моря и паруса.

Депортация в «Тучке...» представлена через воспоминания ветеранов-пенсионеров, участвовавших в войсковых операциях на Северном Кавказе, а также через ранний эпизод – встреча Кольки на станции Кубань с эшеленом депортированных детей из Чечни, через эпизоды сопротивления горцев депортации в восприятии братьев Кузьминых.

Депортация в «Осколках» имеет фрагментарное описание внука, основанное на воспоминании, видимо, родных о том, как дед с бабушкой взяли в Сибирь не вещи, а больного одиннадцатилетнего сына. Остальные главы

посвящены собственно сибирской ссылке семьи и жизни на родине после возвращения из ссылки. Основной принцип авторского повествования – сопоставление прошлого и настоящего, сибирского детства и юности, молодости на калмыцкой земле, двух родин.

Основной принцип авторского повествования в «Тучке...» – сравнение мирной жизни детдомовцев в Томилине и беспокойной жизни на чужой территории Северного Кавказа во враждебном окружении избежавших депортации чеченцев.

Общая направленность двух повестей – тема сталинского геноцида в отношении народов страны, попрания прав репрессированных наций и народностей и восстановления исторической справедливости, тема дружбы народов вопреки тоталитарной политике государства, тема единства родины и народа.

При всей разности авторских подходов, писательского письма (художественность и документальность, публицистичность) и мастерства, объема произведений, структуры повестей, литературного опыта Анатолий Приставкин и Владимир Хотлин обратились к запрещенной ранее теме в отечественной истории, продемонстрировав общие позиции гуманизма, нравственности и исторической памяти.

Тема депортации и ссылки народов СССР в годы сталинских репрессий на примере творчества русских и калмыцких писателей перспективна в плане дальнейшего исследования, в том числе и в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Список литературы

1. Анатолий Приставкин: Прошлое требует слова молодежи // Приставкин А.И. Ночевала тучка золотая: повесть, рассказы. Птушенька. – М.: Книжная палата, 1988. – С. 5-11.
2. Баирова Л. Сакральное число Валерия Хотлина // Российская Калмыкия. – 2012. – 24 августа. – С. 4.
3. Балакаева Н. Валерий Хотлин: Занимаюсь тем, что мне интересно // Известия Калмыкии. – 2004. – 24 марта. – С. 6.
4. Васькаева М. А. Осколки // Сборник материалов I республиканского фестиваля науки. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. – С. 128 – 130.
5. Васькаева С. Повесть о светлом и добром // Байрта. – 2012. – 13 апреля. – С. 10 – 11.
6. Вихоцкий Л. Валерий Хотлин: Остается еще несказанное слово // Известия Калмыкии. – 2011. – 26 августа. – С. 15.
7. Джамбинова Р.А. Калмыцкая художественная проза XX века. – Элиста, 2006.
8. Дорджиева Г. Валерий Хотлин: «Надо заставлять свою душу трудиться...» // Элистинская панорама. – 2008. – 28 марта. – С. 5.
9. Жиндеева Е. А., Соболева (Маркочева) А. Ю. Специфика пространственно-временной организации повестей А. И. Приставкина «Ночевала

тучка золотая» и «Кукушата, или Жалобная повесть для успокоения сердца»: сравнительно-сопоставительный аспект // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2012. – Вып. 62. – № 2 (256). – С. 12-16.

10. Кардин В. «Нас было двое: брат и я» // Приставкин А. И. Ночевала тучка золотая: повести. – М.: Известия, 1989. – С. 446-461.

11. Кардин В. «Нас было двое: брат и я» // Литературное обозрение. – 1987. – № 9. – С. 45-48.

12. Латынина А. «Одна неправда нам в убыток...» // Литературная газета. – 1987. – 15 апреля. – С. 4.

13. Манджиев Н.Ц. Калмыцкая проза о депортации (некоторые аспекты концепции человека). – Элиста, 2005.

14. Манджиева Б. В. Тема депортации калмыцкого народа в современной прозе Калмыкии // «Где Родина, там наша песня и воля»: тема Великой Отечественной войны и депортации калмыцкого народа в калмыцкой и русской литературе: межвуз. сб. ст. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. – С. 167 – 169.

15. Муриков Г. Память // Звезда. – 1987. – № 12. – С. 166-176.

16. Презентация книги // Элстин зэнгс= Элист. новости. – 2001. – 22 – 25 декабря. – С. 3.

17. Приставкин А. Всю правду // Труд. – 1988. – 19 августа.

18. Приставкин А. И. Ночевала тучка золотая: повести. – М.: Известия, 1989.

19. Приставкин А. Ночевала тучка золотая. Сюжет из жизни и жизнь, как сюжет // Вся Москва. – 1992. – № 7/8. – С. 42-44.

20. Приставкин А. И. Ночевала тучка золотая: повесть, рассказы. Птушенька. – М.: Книжная палата, 1988.

21. Приставкин А. Прошлое требует слова // Смена. – 1987. – № 16. – С. 243-255.

22. Русские писатели. XX век. Биобиблиогр. словарь. В 2 ч. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1998.

23. Санджиев Н. Живая боль народа (Тема депортации в произведениях калмыцких литераторов) // «Где Родина, там наша песня и воля»: тема Великой Отечественной войны и депортации калмыцкого народа в калмыцкой и русской литературе: межвуз. сб. ст. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. – С. 81-92.

24. Сибирь встретила нас жаркими объятиями / записала Л. Татнинова // Известия Калмыкии. – 2003. – 24 июня. – С. 8.

25. Степанян К. Уроки беспощадного милосердия // Литературная Россия. – 1987. – 25 декабря. – С. 4-5.

26. Ульяшов П. «И лично от меня...» // Литературная Россия. – 1987. – 5 июня. – С. 17.

27. Ханинова Р. Из цикла «Сибирская быль» // Теегин герл. – 2016. – № 6. – С. 42-57.

28. Хотлин В. Воспоминания; Элиста; «Исход и возвращение»: (отрывок из поэмы): стихи // Хальмг үнн = Калм. правда. – 2001. – Бар сарин 7 (22 дек. № 244 – 245). – С. 5.
29. Хотлин В. Г. Осколки: повесть, рассказ, стихи. – Элиста: АПП «Джангар», 2001.
30. Хотлин В. Г.: краткая биография // Поэзия Калмыкии: антология. – Элиста, 2009. – С. 341.
31. Хотлин В. Железное правило: повесть // Братина. – 2011. – № 1. – С. 198 – 204.
32. Хотлин В. Жизнь – штука трудная: повесть // Литературный Кавказ. – 2012. – Апр. (№ 6). – С. 5.
33. Хотлин В. Исход: стихотворение // Хотлин В. Осколки: повесть, рассказ, стихи. – Элиста: АПП «Джангар», 2001. – С. 125 – 126.
34. Хотлин В. Исход; «Стук замерзших сердец»; «Я сегодня пойду на известный курган»; «В моем сердце бабушки жалость»: стихи // Известия Калмыкии. – 1998. – 26 декабря. – С. 9.
35. Хотлин В. Исход; Конь, мой и моего деда; В моем сердце живет Евро-Азия; Лицедеи; «В небесах, прозрачных как вода...»: стихи // Поэзия Калмыкии: антология = Хальмгин шүлглэн: хураңһу. – Элиста, 2009. – С. 302 – 303.
36. Хотлин В. Кони: стихи // Комсомолец Калмыкии. – 1976. – 26 июня. – С. 4.
37. Хотлин В. Конь, мой и моего деда; Лицедеи; В моем сердце живет Евро-Азия; Я сегодня зашел на рынок: стихи // Теегин герл. – 2009. – № 3. – С. 79 – 81.
38. Хотлин В. Лихое детство, лихие игры: отрывок из повести «Осколки» // Новая неделя. – 1999. – 17 сентября. – С. 12.
39. Хотлин В. Не хорошие слова; Как Айс бросил курить; Жизнь – штука трудная: рассказы // Теегин герл = Свет в степи. – 2006. – № 3. – С. 8 – 16; Нана. – 2008. – № 7. – С. 40 – 43.
40. Хотлин В. Нехорошие слова; Как Айс бросил курить; Жизнь – штука трудная: рассказы // Под тенью чинары: сборник. – Нальчик, 2015. – Вып. 1. – С. 242 – 248.
41. Хотлин В. Осколки: повесть // Российские вести в Калмыкии. – 1995. – 16, 23 сентября. – С. 19.
42. Хотлин В. Осколки: повесть // Теегин герл = Свет в степи. – 1996. – № 4. – С. 4 – 40. – Окончание. Начало: № 2, 3.
43. Хотлин В. Просто знакомая: рассказ // Теегин герл = Свет в степи. – 1997. – № 7. – С. 44 – 49.
44. Хотлин В. Работайте, товарищи: юмореска // Комсомолец Калмыкии. – 1978. – 29 июля. – С. 4.
45. Хотлин В. Рассказы // Теегин герл = Свет в степи. – 2006. – № 3. – С. 8 – 16.
46. Хотлин В. Спецпереселенцы: День памяти и скорби // Известия Калмыкии. – 2003. – 27 декабря. – С. 3.

47. Хотлин В. Там, на войне, которую мы видели в кино // Теегин герл. – 1997. – № 4. – С. 63.
48. Хотлин В. Фестиваль; За все нужно платить: рассказы // Теегин герл. – 2015. – № 3. – С. 10 – 19.
49. Шалдунова Н. «Главное – служить театру» // Хальмг үнн. – 2009. – 25 марта. – С. 7.
50. Щеглова Л. Несколько жизней Валерия Хотлина // Время Калмыкии. – 2001. – 21 декабря. – С. 3.
51. Шкловский Е. Как брат брата // Правда. – 1988. – 29 августа.
52. Эльдышев Э. По законам добра и света // Теегин герл. – 2016. – № 3. – С. 12 – 13, 16 – 17.
53. Эльдышев Э. Светлое небо воспоминаний // Известия Калмыкии. – 1997. – 10 сентября. – С. 3.
54. Эльдышев Э. Сердечный пламень // Литературный Кавказ. – 2012. – № 6. – С. 4.
55. Эльдышев Э. Светлое небо воспоминаний // Хотлин В. «Осколки». – Элиста: АПП «Джангар», 2001. – С. 5 – 9.

Ханинова Р.М., Бочаева М.С.

**Русская народная сказка «Волшебное кольцо» и повесть О. Манджиева
«Приключения Эльзятки в мышинном государстве»
в аспекте фольклорной традиции**

Введение

Как известно, проблема литература и фольклор принадлежит всегда к одной из актуальных проблем литературоведения применительно к разным эпохам и народам.

Как писал Д.Н. Медриш, обращение к фольклору само по себе не гарантирует новаторство автора. Позиция писателя, глубина его народности определяет направленность его фольклоризма [43, с. 7].

Взаимодействие, взаимовлияние и взаимопроникновение фольклора и литературы общеизвестно. Выявление продуктивного влияния устного народного творчества на литературу – по-прежнему одна из актуальных задач современного литературоведения.

Для нас интересна фольклорная традиция русской народной сказки в повести-сказке русскоязычного калмыцкого писателя Олега Манджиева «Приключения Эльзятки в мышинном государстве» в плане волшебных помощников-животных и волшебных предметов.

Олег Лиджиевич Манджиев (г.р. 1949, Новосибирск) принадлежит к старшему поколению калмыцких литераторов. Поэт, прозаик, сценарист, член Союзов кинематографистов и писателей СССР, заслуженный деятель искусств Калмыкии, лауреат Государственной премии им. О. И. Городовикова.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве.

Пишет произведения на русском языке с 15 лет. Активно вступил в литературу в начале 1970-х годов.

Его перу принадлежат произведения 1970–2000-х годов, среди которых рассказы: «Мы ее любили», «Змея», «Скука», «Скачки», «Каникулы», «День рождения», «Волк», повести: «Мальчишка с бантиками» в соавторстве с М. Нимбуевым, «Острию копья», «В год Барса», «И вечно возвращаться» «Амуланга», «Дорога в один дун», «Приключения Эльзятки в мышинном государстве», единственный роман «Ад номер семь», несколько киносценариев, по которым поставлены фильмы на разных студиях страны: «Туркменфильм», «Казахфильм», «Мосфильм», на Рижской и Свердловской киностудиях.

Менее известен он своей лирикой. Его стихи печатались в республиканской прессе – в газетах и журналах, в сборниках («Души прекрасные порывы», 1971; «Современная калмыцкая поэзия», 1977) и антологиях («Поэзия Калмыкии», 2009). В 1982 году в Калмыцком книжном издательстве вышел стихотворный сборник поэта «Небесный родник», куда включено 45 стихотворений [34].

Несколько интервью и бесед с писателем, записанные журналистами Н. Илишкиным, Н. Араевой, Л. Петровой (Л. Щегловой), М. Ланцыновой, М. Ушановым, были опубликованы в республиканской прессе разных лет – в газетах «Советская Калмыкия», «Известия Калмыкии», «Хальмг үнн», «Приморские известия», «Комсомолец Калмыкии», в журнале «Теегин герл».

Единственная рецензия на сборник рассказов Манджиева «Скачки» (1972), напечатанная в газете «Советская Калмыкия» (1973), носит во многом критический характер: неустановленность голоса, описательность вместо проникновения в глубину явлений, нарочитая драматизация событий, рыхлость сюжета и языка [19, с. 4]. В то же время А. Малышева подкупает в рассказах молодого писателя пристальный интерес к национальному характеру, к быту и устоявшемуся укладу жизни, народному опыту, к тому средству человека и земли, которое проявляется прежде всего в труде [19, с. 4].

Большая часть заметок журналистов адресована киноэкранизациям по сценариям писателя («И вечно возвращаться», «Гаданье на бараньей лопатке», «Амуланга» и др.).

Творчество О. Манджиева не имеет широкого исследования в калмыцком литературоведении. Малая часть статей обращена к его прозе. На периферии внимания литературных критиков осталась лирика поэта.

Среди прозаических произведений писателя разных лет, ставших предметом анализа калмыцких исследователей Р.А. Джамбиновой, Т. С. Есеновой, Д.Ю. Топаловой, Р.М. Ханиновой, Г. Айдаровой, А. Поляковой, такие вещи, как повести «В год барса» (1979), «Дорога в один дун» (1987), рассказы «Змея» (1971) и «Скачки» (1972).

Р.А. Джамбинова в своей работе «Дыхание современности» (1982) обратила внимание на повесть писателя «В год барса», которая, по ее словам, представляет интерес для читателя, как произведение, обращенное к нравственным проблемам. Автор раскрывает характеры молодых людей одного поколения, которых объединяет время, но разъединяют взгляды на мир. С одной стороны, Мерген, Кема – их поступки, раздумья о своем предназначении, сомнения, представления об окружающем мире; с другой – Гиляша, Басанг, относящиеся к жизни потребительски. Автор пытается понять истоки бездуховности, жестокости, вещизма, описывая образ жизни Гиляши и ее окружения. Размышляя над природой потребителей, писатель показывает образ Мергена, молодого человека, способного противостоять злу. Но, по утверждению исследователя, его нельзя назвать социально активной личностью, в нем только пробуждается гражданская позиция. Он начинает задумываться над смыслом жизни, сущностью религии, роли национальных традиций в духовной жизни общества [11, с. 107-112; 12, с. 109-110].

В монографии «Литература Калмыкии: проблемы развития» (2003) Р.А. Джамбинова, выявляя буддийские каноны как фактор формирования художественного сознания писателя, отметила, что особенности новых аспектов осмысления и отображения ссылки калмыцкого народа в литературе, искусстве, культуре видятся в обращении к религиозным воззрениям народа. В новой трактовке эта проблема осмысливается в творчестве С. Байдыева, О. Манджиева, Т. Манджиевой [10, с. 100]. Но конкретного анализа произведений О. Манджиева ученый не дает.

В статье «Этнопедагогические идеи в повести Олега Манджиева “Дорога в один дун”» (1996) А. Полякова поставила задачу рассмотреть повесть писателя с точки зрения этнопедагогической мысли, выявить национальные традиции калмыцкого народа, нашедшие отражение в произведении, и их влияние на формирование личности, которая будет жить в условиях демократии и свободы выбора. По мнению автора статьи, основная тема творчества О. Манджиева – молодежная, затрагивающая нравственные, философские стороны становления молодых людей, а также проблемы выбора места в жизни. Повесть «Дорога в один дун» обращена к современности. Ее главная тема – тот суровый экзамен, который приходится проходить молодым на право называться настоящими людьми [45, с. 117]. Это произведение изобилует множеством жанров фольклора калмыков – легенды, предания, сказки, загадки, пословицы, поговорки, йорялы, произведения обрядовой поэзии. Калмыцкое устное народное творчество получило в повести Олега Манджиева символическое звучание. Автор показывает, утверждает А. Полякова, что законы предков сохранились до сих пор, какую роль выполняют они в жизни калмыков двадцатого столетия [45, с. 120].

Г. Айдарова рассмотрела детскую этническую среду как фактор воспитания на примере той же повести О. Манджиева. По ее словам, вся народная мысль, зафиксированная в творческом наследии калмыцких писателей, пронизана любовью к детям, желанием иметь детей, обучать и воспитывать их,

желать им счастья. Благодаря общению с внуками старого чабана Мергена Джамухой и Амулангой главные герои повести, городские ребята Наран и Бадма, на сакмане открывают для себя неизвестный для них мир степняков-кочевников. Наран слышит легенду об идолах, которые с четырех сторон стерегли родник: глаз у них нет, они как бы обращены вовнутрь, в душу смотрят, чтобы себя постигнуть. И длится это, может, сто, тысячу лет. В легенде об идолах заложено одно из положений буддизма – учение о созерцании, самоусовершенствовании человеческой личности в течение всей жизни [1, с. 122].

Д.Ю. Топалова, анализируя ту же повесть, в своей статье отметила: «В творчестве писателя О.Л. Манджиева отражаются основные черты национального мировоззрения. Выросший в Сибири, но воспитанный в семье на культурных традициях и обычаях родного народа, в своих произведениях он обращается к истокам народной мудрости, к духовному наследию и культуре этноса» [52, с. 145].

Согласно Т.С. Есеновой, рассказ О. Манджиева «Скачки» отражает как все классические особенности этого жанра литературы, так и национальную самобытность мировосприятия калмыков, поскольку в изображении героев, их манере говорить, двигаться, проявлять свои чувства, наблюдательности обнаруживается национальный почерк [8, с. 83].

В другом рассказе писателя «Змея», по утверждению Р.М. Ханиновой и М. Бочаевой, конфликт человека и природы показан в аспекте взаимоотношений молодежи со степью и ее обитателями, утратившей связь с обычаями и традициями предков, с народной культурой и верованиями [55, с. 285].

Повесть-сказка О. Манджиева «Приключения Эльзятки в мышинном государстве» еще не рассматривалась исследователями творчества писателя.

Этим определяется *актуальность* и *научная новизна* нашей работы.

Объектом нашего внимания являются русская народная сказка «Волшебное кольцо» и повесть-сказка в двух книгах Олега Манджиева «Приключения Эльзятки в мышинном государстве».

Предметом нашего исследования стал фольклорный аспект повести-сказки калмыцкого писателя в сопоставительном плане с указанной народной сказкой.

Материалом исследования послужили ранние прозаические произведения О. Манджиева, повесть-сказка, беседы, интервью с писателем.

Цель выпускной квалификационной работы – выявить фольклорные традиции в повести-сказке О. Манджиева «Приключения Эльзятки в мышинном государстве» на основе сравнения с русской народной сказкой «Волшебное кольцо» в плане волшебных помощников и предметов.

Для достижения указанной цели решаются следующие *задачи*:

1. рассмотреть поэтику ранних рассказов О. Манджиева в аспекте фольклорной традиции;
2. изучить русскую народную сказку «Волшебное кольцо» в плане функции волшебных помощников и предметов главного героя;

3. раскрыть фольклорную традицию волшебных помощников и объектов в повести О. Манджиева «Приключения Эльзятки в мышинном государстве».

Методология исследования. В работе использованы метод историко-функционального изучения литературы, а также принципы описательной поэтики, сравнительно-типологического метода.

В основу исследования положены работы В. Проппа, Д. Медриша, Э. Померанцевой, Ю. Круглова, посвященные проблемам фольклора и литературы, русской народной сказке.

В своей работе мы опирались на труды Р. Джамбиновой, Т. Есеновой, Д. Топаловой, Р. Ханиновой, Г. Айдаровой, А. Поляковой, А. Малышева, адресованные прозе О. Манджиева.

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении русской фольклорной традиции в повести русскоязычного писателя Олега Манджиева на основе сопоставления функции волшебных помощников и предметов.

Практическая значимость исследования определена возможностью использовать полученные результаты в учебно-образовательном процессе школы и вуза. Апробация ВКР состоялась в виде доклада и публикации совместной статьи с научным руководителем в материалах Международной конференции в Элисте [55, с. 283-285], в виде доклада на студенческой научной конференции КалмГУ.

Структура работы. Поставленные задачи диктуют следующее расположение материала: введение, две главы, заключение, список литературы.

Во введении определены необходимые параметры исследования.

В первой главе рассмотрена поэтика ранней прозы О. Манджиева на примерах избранных рассказов.

Во второй главе изучена фольклорная традиция на примере русской народной сказки «Волшебное кольцо» и повести-сказки О. Манджиева в сравнительно-сопоставительном ракурсе.

Заключение содержит основные итоги и выводы проделанной работы.

Глава первая.

Поэтика раннего рассказа Олега Манджиева в аспекте фольклорной традиции

1.1. Поэтика рассказа О. Манджиева «Змея» в аспекте фольклорной традиции

Как указывает Т. С. Есенова, в прозе О. Манджиева центральной темой является проблема нравственного выбора. В рассказах писателя ставятся морально-этические вопросы: человеческое достоинство («Подарок»), равнодушие, неспособность относиться бережно к людям («Скука»), бездушие, беспечность, которая может привести к гибели человека («Змея»). В рассказе «Скачки» изображается, насколько позволяют формы малого жанра, мир кочевого народа [6, с. 83].

В рецензии на первый сборник рассказов писателя А. Малышев писал о том, что молодой автор вглядывается в своих современников, в сегодняшние будни степи. В книге немало верных, зорко подмеченных подробностей этого быта, немало блесков народной мудрости. Но цель художественных произведений не исчерпывается этнографией. Рецензент отметил, что художественные образы в этих рассказах более чем традиционны в современной калмыцкой литературе. Легко в ней найти двойников чабанов Давы и Цецена из рассказа «Скачки», старика из рассказа «Змея», студента Нарана, подростков Джиргала и Церена.

Попытку найти новое в традиционном А. Малышев увидел на примере рассказа «Скачки» – полное благородства и мужества многолетнее соперничество Давы и Цецена на ежегодных конных соревнованиях.

Иногда писатель не может выйти за пределы традиционного круга, как в рассказе «Змея»: наметившийся интересный образ старого чабана тонет в излишних подробностях ревматического приступа [19, с. 4].

Для рецензента рассказ «Скука» надуман, шит белыми нитками. Молодой шофер, попавший во время бурана на глухую стоянку, снова уходит, чтобы привести скучающей девушке книгу. Он сбивается с пути, замерзает, и никто – ни сама девушка, ни старая женщина не спохватываются, куда же он пропал, хотя в действительности в таких случаях поднимаются на ноги целые села и идут на поиски пропавшего человека, и находят, и помогают ему [19, с. 4].

Единственность поколений, преемственность лучших традиций и опыта старших А. Малышев видит в рассказах писателя «Скачки» и «Змея».

Рассказ Олега Манджиева «Змея» относится к его ранней прозе, представленной на страницах журнала «Теегин герл» («Свет в степи») в 1971 году. В этом произведении конфликт человека и природы показан в аспекте взаимоотношений молодежи со степью и ее обитателями.

Три героя рассказа представляют разные поколения: это старый чабан (без имени) и юноши Джиргал и Церен, устроившиеся работать временными подпасками на лето.

Чабан, видимо, не заблуждался насчет своих помощников. «Ну и пацаны, – подумал старик, – свихнутые все, жадные до денег, а в голове пустота. Пришли сюда заработать, потом ездить по городам...» [26, с. 129].

Предыстории жизни молодых людей в рассказе нет, городские они или сельские, учились ранее или бросили учебу, неизвестно. Они друзья, верховодит, судя по всему, Джиргал. Первое описание природы в рассказе начинается с ненастья, когда после жары поднялся сильный ветер («хю-салькн»), все вокруг сразу потемнело, и надо было, по словам чабана, держать овец (чтобы они не разбегались по степи, не погибли от паники в давке).

Ребятам было страшно, тяжело останавливать овечий поток во время грома и молний, сильного дождя, а старик умело распоряжался и спасал животных, носясь верхом на коне. Потом ребята от усталости свалились под тентом. Прилег и чабан. Портрет старика автором дается постепенно: «Заго-

релое лицо старика перепахали морщины. <...> Его мучил ревматизм. Но он не привык жаловаться на свою боль, он переносил ее молча» [26, с. 129, 130]. Трудолюбие, бесстрашие, сдержанность, немногословность чабана определяют его национальный характер. С ребятами он разговаривает в основном по-русски, не надеясь, вероятно, на их знание родного языка. Вначале к Джиргалу он обращается по-калмыцки («Бос – вставай»), тут же переводя это слово, приказывает ему будить друга и бежать к стаду, объясняя причину («хю-салькн идет»). Хү салькн – по-калмыцки означает «вихрь, порывистый ветер». Но старик не говорит «вихрь», а произносит привычное для него калмыцкое слово.

Во время обеда он сердито делает замечание Джиргалу, ставшему катать шарики из липкого хлеба: «– А ну положи хлеб! – заорал он, – не хочешь есть – оставь» [26, с. 130]. Этот окрик чабана передает его отношение к еде, за которым жизненный опыт (нужда, голод, война, ссылка, несмотря на то, что об этом нет упоминания в тексте). Юноша никак не отозвался на слова старика, но вскочил и отошел в сторону. Увидев змею, он позвал друга. Подошедший чабан предупредил молодежь, объяснив свою просьбу: «– Не трогайте, после дождя она не кусается. Может, она была человеком, – старик осторожно обошел ее» [26, с. 130].

В словах и действиях взрослого человека – знание повадок животного мира (змея после дождя не кусается), вера предков (перевоспложение, переселение душ после смерти).

И если Церен ничего не понял, то Джиргал объяснил другу: «– Не перечь старику, – шепнул он, – старик верующий. По буддийским поверьям, две из шести дорог после смерти ведут на землю. Души этих мертвецов превращаются в животных...» [26, с. 130]. Церену это совсем не интересно, он не стал далее расспрашивать, ограничившись междометием («А-а-а, – протянул Церен»). Но у друга это знание национальной религии книжное, не прочувствованное, потому что он тут же заявил: «А эту, – Джиргал показал на змею, – мы ее потом убьем» [26, с. 131].

Примечательно, что Джиргал предложил соучаствовать в убийстве змеи своему другу, а тот, привыкнув к подчинению, не возразил.

«Они шли по степи. Вдруг из-под ноги взметнулась змея, укусила в ногу Джиргала и пропала» [26, с. 131]. Та ли эта была змея или другая, но укус ее мог быть смертельным, и Церен пришел на помощь другу: перетянул ногу кнутом, стал отсасывать кровь из ранки. Прискакал на взмыленной лошади, услышав призывный крик Церена, чабан, слез с коня, разорванной рубашкой Джиргала стер лошадиную пену и приложил ее к ране. «Все будет хорошо, – произнес старик, – лошадиная пена – испытанный метод» [26, с. 131].

Мотивы добра и зла определяют аксиологические и нравственные координаты рассказа калмыцкого писателя. Ночью у Церена разболелся зуб, который беспокоил его еще днем. «Он прикрыл рот руками, чтобы стоном не разбудить Джиргала. Церен заплакал» [26, с. 131]. Забота о друге заставляет Церена терпеть зубную боль, но не может удержать от слез.

При свете спички проснувшийся старик увидел, что щека юноши вздулась и посинела. «Чабан понял, в чем дело: Церен отравился змеиным ядом, когда высасывал кровь из раны Джиргала» [26, с. 131]. И отправился верхом за врачом, наказав друзьям никуда не уходить.

Растерянный Джиргал упрекнул Церена («Кто же тебя просил кровь отсасывать?»), не зная, что делать, как помочь другу («Может, воды согреть?»), схватил чугунный котел с остатками калмыцкого чая, поставил на огонь.

«Церен уже бормотал что-то неясное. Он начал терять сознание.

Джиргал тряс руку Церену и кричал ему в лицо. Но Церен не отвечал. Джиргал схватился за голову и заплакал. Слезы скатывались по его лицу» [26, с. 132].

В интервью, данном Олегом Манджиевым журналисту Майе Ланцыной, есть размышления писателя о том, что все в мире взаимосвязано: «...злые деяния, проклятия, даже мысленные, наказуемы. Просто нам дается отсрочка, чтобы мы исправились» [18, с. 35].

Финал рассказа «Змея» открытый: «Далеко-далеко, на самом краю степи, на фоне заката показалась черная точка» [26, с. 132].

Это возвращался чабан с врачом. Успеют ли спасти раненого юношу, неизвестно. Можно предположить, каким этот урок жизни будет для Джиргала: либо не пройдет бесследно, либо со временем забудется.

Автор не дает однозначного ответа, оставляя возможность соразмышления для читателя.

«Но ничто не исчезает бесследно, – считал писатель. – Мой отец учил нас с братом: не приноси зла, а будет возможность, делай добро» [18, с. 35].

Включение буддийского компонента в рассказ О. Манджиева определено уже его началом, сравнением туч: «...Над всем этим варевом, над настоящим жары, которая уже много дней оседала на степь, поплыли тучи, похожие на буддийские божества» [26, с. 129].

Прием олицетворения, использованный автором, подчеркнул взаимосвязь живого в мире человека и природы: «И стало так тихо, словно все живое набрало полную грудь воздуха и затаило дыхание» [26, с. 129].

Калмыцкая молодежь (Джиргал и Церен) в рассказе «Змея» не воспринимает народную мудрость в отношении к окружающему миру, нарушает правила жизни, бездумно, не отдавая отчет сказанному и содеянному.

Тема отцов и детей в этом произведении представлена в групповом портрете: чабан и его подпаски. Автор не дал имени старому человеку, скорее всего, потому, что хотел подчеркнуть в этом собирательном образе типичное, общее, присущее старшему поколению калмыков. Старик снисходителен к молодым людям до тех пор, пока они не вторгаются в ту область духовных и ценностных ориентиров, которая дорога ему (эпизод с хлебом, эпизод со змеей), тогда он категоричен, принципиален, суров и сердит, даже повышает голос. Но Джиргал с Цереном не прислушиваются к его наставлениям, поскольку воспринимают «свое» как «чужое», они не ощущают своей

сопричастности к этносу, к родному краю, к калмыцкому языку. Со слов старого чабана, понятно, что этих молодых калмыков ничего не привязывает к степи, кроме возможности заработать денег, чтобы иметь возможность путешествовать по стране. Это, вероятно, следует из общих разговоров, поэтому старик и считает, что в головах у ребят пустота.

Сам чабан давно сроднился со степью, с исконным занятием предков. Именно благодаря его знаниям и умениям спасена отара. «— Вожака, вожака поворачивай, — кричал старый чабан, носясь верхом.

Но разглядеть в этой темноте вожака было трудно. Огромная чабанская собака бегала в темноте, кусала овец за ноги, лаяла, сбивала их своим телом, но те кружились, падали и снова рвались в темноту. Этот поток несущихся тел обтекал с обеих сторон Церена, а парень крутил кнутом над головой, орал от страха, приседал.

Дождь был недолгий, но сильный. Овцы стали» [26, с. 129-130].

Манджиев включил в рассказ безэквивалентную лексику, акцентируя калмыцкий компонент: «бос», «хю салькн» — вихрь, «джомба» — калмыцкий чай лучшего приготовления. При этом только в одном эпизоде дается тут же перевод в прямой речи чабана («бос — вставай»).

Рассказ назван писателем «Змея». Змея в тексте — амбивалентный образ опасности и спасения. В сюжете Манджиева змея становится маркером взаимоотношений человека и природы. Неизвестно, какая змея укусила одного из молодых людей: та, которую Джиргал грозился убить, и она ему отомстила, или другая, затаившаяся поблизости. Наверное, поэтому автор не акцентирует в первом случае — ядовитая эта змея или нет, ее нельзя тревожить, тем более убивать, ведь в ней может переродиться чей-то предок.

Убийство ради убийства, которое задумал юноша, провоцируя своего друга, обернулось для них бедой. И если Джиргал спасен Цереном (перетянул ногу, высосал кровь из ранки) и чабаном (использовал лошадиную пещу), то сам Церен может умереть (у него «дупло» в больном зубе, куда мог попасть змеиный яд).

Имена молодых персонажей рассказа семантически значимые: калмыцкое имя Джиргал (Жирһл) означает «жизнь, счастье», тибетское имя Церен (Церн) — «долгая жизнь». Отдают ли юноши отчет в том, что имя обязывает ее обладателя, скорее всего, вряд ли.

А. Малышев критически считал, что этот рассказ писателя распадается на три плохо связанных сюжетных куска: встреча со смерчем, приступ ревматизма у старого чабана, эпизод со змеей. У автора явно не хватало ощущения художественного материала как единого целого, полного овладения им [19, с. 4].

На наш взгляд, три эпизода взаимосвязаны между собой, так как дают представление о характерах персонажей. Смерч показал старого чабана профессионалом своего дела: спас животных; ревматизм не помешал чабану прийти на помощь раненому Церену, случайный укус змеи мог привести к смерти одного из юношей.

Можно согласиться с некоторыми замечаниями рецензента по поводу стиля рассказов писателя – внутреннего, смыслового и выразительного наполнения, своеобразной глухоты к слову [19, с. 4].

Итак, рассказ О. Манджиева «Змея» в фольклорном аспекте передает связь человека и природы приемом психологического параллелизма, олицетворения, то есть традиционными средствами.

1.2. Поэтика рассказа О. Манджиева «Скачки» в аспекте фольклорной традиции

Д.Ю. Топалова считает, что содержательную часть повестей и рассказов Олега Манджиева определяет чувство обеспокоенности и тревоги за будущее подрастающего поколения, за выработку в нем чувства сопричастности к судьбе своего этноса, переживание за сохранение культуры народа, духовно-нравственных основ, этического и эстетического опыта предков [52, с. 145-146].

В монографии Т. Есеновой «Русский язык в Калмыкии» (2003) несколько параграфов адресовано рассказу О. Манджиева «Скачки» (1972). Исследователь рассмотрел образы и форму, систему персонажей, тему природы, языковые средства произведения.

Темой рассказа послужили скачки, указывает ученый, – важное в жизни степняков соревнование людей и лошадей, дающее возможность продемонстрировать свойства всадников, знание ими психологии животных, людей в момент накала страстей.

Участие в скачках героя рассказа формирует структуру произведения: ожидание скачки, напряженная борьба участников, победа. В центре внимания писателя два героя: Дава, пожилой калмык, житель деревни, и Наран, молодой калмык-студент, работавший у него подпаском во время каникул и участвующий в праздничных скачках. Мысль писателя в том, что село хранит народные обычаи, а город их забывает [5, с. 83-84].

Поэтому человек, отрываясь от природной народной жизни, не только перестает вести традиционный образ жизни, но нарушает ее моральные принципы, подчеркивает автор исследования [7, с. 96].

Наран нечестно побеждает в скачках, нарушая закон степи, о котором говорит ему старый калмык Дава: «Старый закон гласит: когда не скачет лучший наездник, победы не существует. Таков закон степи. Если человек упал, то дай ему возможность подняться. Ты еще этих законов не знаешь, потому что в городе живешь» [39, с. 32].

По мнению лингвиста, текст этого произведения имеет национально-территориальную окрашенность. Проявлений национальной составляющей в тексте немало. Они присутствуют в описании степи, в образных средствах, которые отражают национальный угол зрения (луна в следе от лошадиного копыта; сазаний бок луны; сон юркнул, как суслик в нору; зазвучали трубы-ганглины, словно крик рожающей кобылицы, и т.п.).

Они обнаруживаются и в описании деталей обыденной жизни калмыков, например, национальной одежды (лавшаки, терлике, бизе), украшений (токуги).

Локализации повествования способствует также лексика, называющая животный и растительный мир, в частности, верблюд, суслик, лошадь и т.п., ковыль, верблюжья колючка, перекасти-поле и т.п. А также домашняя утварь: котлы, бидоны, пиалы.

Национальное проявляется и в деталях, характеризующих поведение степняков в той или иной ситуации, портреты персонажей, кроме того, культурную память народа (исполнение песен эпоса «Джангар»).

Разговорная речь персонажей, пожилых калмыков и калмычек, отличается билингвизмом [9, с. 103-105].

Сюжет рассказа О. Манджиева, основанный на давнем соперничестве животноводов Цецена и Давы во время конных скачек, как и в рассказе «Змея», основан на сопоставлении старшего и младшего поколений. В праздничных скачках Цецен и Дава одерживают победу поочередно, но поскольку дважды Даве не удалось одержать вверх, он надеялся в этот раз взять реванш над давним соперником. Случайная победа молодого Нарана ничего не решала в этом поединке, так как во время скачек у лошади Цецена порвалось стремя, и всадник упал с коня. Дава, увидев это, тотчас повернул назад своего Аранзала и поспешил к упавшему человеку на помощь. А Наран все равно продолжил гонку, несмотря на презрительный взгляд старого чабана. Но победа теперь не радовала его, несмотря на все оказанные по традиции ему почести: подношение пиалы с кумысом, девичий танец «чичирдык» – подарок победителю, приз в виде живого барана и каракулевой шкуры. И только после разговора с Давой, объяснившим ему неподобающее для степняка поведение во время скачек, молодой человек осознал, что жажда победы ничто перед законами предков. Победа любой ценой безнравственна. И старый чабан подбодрил юношу, не знавшего степных законов, сказав, что он скачет хорошо, быть ему лучшим наездником. То есть Дава понял, что городской житель допустил оплошность, не сознавая, и теперь может исправиться, когда ему указали на ошибку. Это свидетельствует о доверии старшего поколения к младшему, потому что Дава уже проверил Нарана в чабанской работе, они вместе второй год.

Сравним в рассказе писателя «Змея», где двое юношей – Джиргал и Церен – помогают старому чабану, подрабатывая, чтобы затем отправиться путешествовать, куда захочется, и со степью их ничего не связывает, кроме возможности заработать деньги. И поэтому незнание степи и ее обитателей приводит к случайному ранению юноши, которого укусила змея.

Фольклорная традиция в рассказе «Скачки» представлена, прежде всего, олицетворением природы, приемом психологического параллелизма – сопоставлением мира природы и мира человека.

Уже в начале рассказа описание степи являет читателю живую природу с помощью олицетворения: *«Распрямляет корявые плечи верблюжья колюч-*

ка...», «Степные чайки с рисовых полей поднимаются стаями вверх, *крича и возмущаясь, словно жалуясь солнцу на беспокойную жизнь*»; «...рыжее перекати-поле *сонно ворочается* перед Нараном, потом, *будто подумав немного и решив уступить дорогу*, откатывается в сторону, *недовольно и лениво шурша*»; «...горизонт начал *медленно заглатывать* красный диск, – *медленно и жадно*» [39, с. 3, 4, 5].

Прием психологического параллелизма есть в описании вечера через сравнение и олицетворение: «Солнце садилось, узорчатые тени деревьев *переползли на стены*, и те *стали щербатыми, как лица, покрытые оспой*. И когда вечер качал листья, то *тучи черных живых существ шевелились на стене, заползали в окна и двери*» [39, с. 6]. Тот же прием использован в описании дома: «Углы комнаты окутались мраком, а *тени взгромодились до самого потолка и прыгали при каждом движении пламени*» [39, с. 15].

Противопоставление цивилизации и степи показано в восприятии Нарана через сравнение человека в каменных городах с сусликом, загнанным в маленькую норку [39, с. 10]. Для старого чабана Давы городская трава на газоне подобна овце, которую стригут, а в степной траве ни одна травинка не похожа, по его словам [39, с. 11].

Любовь Давы к своему первому коню показана в эпизоде неминуемой гибели животного, копыто которого провалилось в лисью нору, а всадник потерял сознание, получив ранения плеча и ноги. Несмотря на то, что чабан двое суток умирал от жажды, он так и не смог перерезать горло раненому животному, чтобы напиться его крови, как делали предки.

После смерти верного коня Дава нашел своего нового Аранзала, выходил его и снова стал гонять табуны по степи. Писатель передал его тоску вновь с помощью психологического параллелизма, через сравнение: «Только по вечерам, сидя у костра, он *дольше курил свою трубку и печально смотрел на небо, словно одинокий и затравленный волк в зимней голодной ночи*» [39, с. 16].

На скачку съехались люди со всей Сарпинской низменности, где происходит действие рассказа. Застывшие машины писатель сравнил со зверями перед прыжком, шумных и ловких мальчишек, сновавших между телегами, – с разноцветными кузнечиками, репродуктор – с тупой бычьей головой, токуги-украшения на концах женских чехлов-накосников – с маленькими рыбками, бухгалтер казался Нарану серым и сухим, как вяленая вобла, степь – широкой и гладкой, как ладонь [39, с. 17, 18, 19, 20, 25].

Дава в разговоре с Нараном сравнил степь с ребенком, доверчивым и отзывчивым на любовь [39, с. 26].

Животные, в свою очередь, наделены чувствами, близкими человеческим. В восприятии Нарана «верблюд *гордо* остановился и, оглядев *презрительно* все вокруг, сплюнул...» [39, с. 18].

Масштабность события подчеркнута глобальностью сравнения: «Завертелось празднество, словно огромное войско тучей туманов двинулось в поход» [39, с. 24].

Несмотря на то, что автор не обозначил название летнего праздника, по

всей вероятности, речь идет о празднике Урюс-сар (Үрс сар). Правда, обрядовые подробности праздника писатель не расписал.

Таким образом, в рассказе «Скачки» фольклорная традиция явлена также преимущественно с помощью психологического параллелизма и олицетворения, которые свидетельствуют о знании писателем устного народного творчества калмыков.

Выводы по первой главе:

Змея в одноименном рассказе О. Манджиева – амбивалентный образ опасности и спасения. В его сюжете змея становится маркером взаимоотношений человека и природы. Неизвестно, какая змея укусила одного из молодых людей: та, которую Джиргал грозился убить, и она ему отомстила, или другая, затаившаяся поблизости. Наверное, поэтому автор не акцентирует в первом случае – ядовитая эта змея или нет, ее нельзя тревожить, тем более убивать, ведь в ней может переродиться чей-то предок.

А. Малышев полагал, что не без произвола автора, не без мистификации власти степи попытка двух подростков убить змею едва не закончилась гибелью [19, с. 4].

Старые чабаны в двух указанных рассказах исповедуют буддизм. Безымянный чабан из «Змеи» предупреждал молодых людей о том, что нельзя убивать животных, в облике которых может вернуться умерший человек. А Дава из «Скачек» тоже учит Нарана: «Жизнь ценить нужно, так Будда сказал, – говорил Дава. – Обновляйся, обновляйся с каждым днем, с каждым часом, с каждым мгновением.

Присмотрись к себе, и ты познаешь суть жизни, так учат молитвы – сутры. Жизнь наша – вдох и выдох. Не успеешь научиться радоваться малому, не научишься ценить большее» [39, с. 11].

Если в первом рассказе буддийские размышления старого чабана органичны, то во втором рассказе они менее естественны: нет никаких иных свидетельств знания Давой буддизма, присутствия в его жизни религиозных атрибутов и прочего. Поэтому и Нарану становилось смешно, когда «не очень-то верящий в бога чабан начал цитировать сутры» [39, с. 11].

Калмыцкая пословица о том, что змею можно опознать по ее узору, а у человека – узор внутри, подчеркивает, что человека можно узнать по его деяниям: «Моһан эрэнһ һазанһ, / Күүнэ эрэнһ дотрнһ», то есть «Пестрота змеи снаружи, / Пестрота человека внутри».

Рассказ О. Манджиева «Змея» независимо от того, имел ли это намерение автор, проецирует в своем контексте данную народную мудрость.

Удивляет малое обращение стариков-персонажей к фольклору, к малым афористическим жанрам в двух этих произведениях.

В другом рассказе писателя «Скачки» фольклорная традиция также явлена преимущественно с помощью психологического параллелизма и олицетворения, которые демонстрирует знание писателем устного народного творчества калмыков: взаимосвязь мира природы и мира человека.

В этом аспекте, учитывая нашу интерпретацию произведений, можно говорить о влиянии некоторых приемов и художественно-выразительных средств калмыцкого фольклора на малую русскоязычную прозу Калмыкии 1970-х годов.

Вторая глава.

Поэтика повести-сказки О. Манджиева «Приключения Эльзятки в мышинном государстве» в аспекте фольклорной традиции («Волшебное кольцо»)

2.1. Поэтика повести-сказки О. Манджиева «Приключения Эльзятки в мышинном государстве»

Повесть-сказка Олега Манджиева «Приключения Эльзятки в мышинном государстве» включает две книги: «Серединный город» и «В стране Доллорадо». Первая книга вышла в Калмыцком книжном издательстве в 1984 году. В 1986 году в том же издательстве повесть увидела свет уже в двух книгах. Второе издание относится к 1991 году. Книга обращена к младшему школьному возрасту.

Рецензий на эти издания не последовало, несмотря на то, что в современной прозе Калмыкии детская тема мало разработана.

Жанровое обозначение подчеркнуто автором – это повесть-сказка, то есть сказочный элемент заявлен сразу. Общее название повести указывает на некое мышинное государство. Названия двух книг тоже имеет общее: это волшебная топонимика – Серединный город и страна Доллорадо. В сюжете повести действие происходит также в городе Элиста, в Калмыкии. Если название первой книги имеет нейтральный характер, то название второй книги указывает на тему денег, причем заграничных (доллар). Топос Элисты имеет автобиографический ракурс: писатель жил тогда со своей семьей в этом городе, теперь он живет в Санкт-Петербурге.

В типологическом плане книга стоит в одном ряду с такими отечественными произведениями, например, как «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А.Н. Толстого, «Приключения Незнайки в Солнечном городе» Н. Носова, «Волшебник Изумрудного города» А. Волкова. С «Путешествием Алисы в Страну Чудес» К. Льюиса и с «Городком в табакерке» В. Одоевского, в которых дети уменьшаются в размерах и отправляются в путешествие, претерпевая разные приключения, калмыцкую повесть объединяет волшебный мотив перевоплощения ребенка.

Главная героиня О. Манджиева – девочка Эльзята – это дочь писателя, таким образом, в повесть вводится еще один автобиографический элемент.

Книги по своему объему неравнозначны, вторая больше первой. По структуре каждая из книг имеет разное количество глав: в первой книге их семь, во второй – четырнадцать глав с эпилогом. Названия глав в своем содержании традиционно передают основные события и транслируют разви-

тие действий, знакомят с главными персонажами – девочкой и животными, переносят их в разные города и страны.

Например, в первой книге. *Глава первая*, в которой Эльзятка знакомится с мышонком Пиком; *глава вторая*, в которой Эльзятка посещает государство мышей и знакомится со старым Трюмом. История старого Трюма. Эльзятка и Пик необдуманно пускаются в путешествие в Индию; *глава третья*, в которой Эльзятка и Пик попадают в Серединный город; *глава четвертая*, в которой Пик и Эльзятка становятся миллиардерами, однако это не приносит им счастья. Знакомство с высшим обществом Серединного города; *глава пятая*, в которой будет рассказано о заговоре высшего общества Серединного города; *глава шестая*, в которой рассказывается, как планы миллионеров-грабителей терпят крах, а Эльзятка и Пик покидают Серединный город; *глава седьмая*, в которой Трюм обнаруживает, что Пик и Эльзятка исчезли. Трюм пускается по следам незадачливых путешественников.

Во второй книге названия глав построены по тому же принципу. *Глава первая*, в которой Трюм попадает в Серединный город и узнает от киоскера много интересного. Снова в Индию; *глава вторая*, в которой старый Трюм вместо Индии оказывается в Доллорадо и знакомится с нравами в этой стране. Загадочное поместье графа Дармоеда; *глава третья*, в которой мы узнаем, что же случилось с Эльзяткой и Пиком в стране рекламы Доллорадо; *глава четвертая*, в которой Эльзятка попадает в дом к адвокату Кабынебылобыхуже и нанимается на работу; *глава пятая*, в которой мышон Пик знакомится с тюрьмой города Нью-Пенса и ее обитателями. Есть ли разница между гангстерами и полицейскими в Доллорадо? Правдивая история Джима-скупердя; *глава шестая*, в которой мы видим, что мужественные и сильные духом не сдаются в тюрьме. Распорядок дня в холодной камере. Научные открытия Профессора Всяческих Наук и замысел побега; *глава седьмая*, в которой мы узнаем, что случилось с дедушкой Трюмом после того, как оголтелые сбросили его в противотанковый ров; *глава восьмая*, в которой мы снова встречаемся с Эльзяткой, тетушкой Вздох, адвокатом Кабынебылобыхуже, Тормозито и другими; *глава девятая*, в которой мы возвращаемся к Пику и его друзьям: Профессору Всяческих Наук, художнику Волшебный Хвост, Златоусту Справедливому и Лоскутку; *глава десятая*, в которой мы узнаем, какие меры приняли Обормот и Трахбах; *глава одиннадцатая*, в которой повествуется о том, как разворачивались события в Доллорадо. Ночная паника в Серединном городе; *глава двенадцатая*, в которой Пик и его друзья оказываются на свободе. Снова погоня. Неожиданная помощь солдат; *глава тринадцатая*, в которой генерал Трахбах наступает. Восстание в опасности, вся надежда на Эльзятку; *глава четырнадцатая*, в которой Трюма и его спутников настигает шторм. Положение критическое. Неожиданная развязка. Эпилог.

Нетрудно заметить, что названия глав второй книги стали еще подробнее. Кроме того, некоторые названия отсылают к роману-сказке Ю. Олеси «Три толстяка» с восстанием главных героев против правителей, с победой

народа. Названия второй книги более интригуют читателя, вводя новых персонажей в повествование, у которых тоже говорящие имена.

Бросается в глаза читателю при знакомстве с названиями глав также и то, что кроме имени главной героини нет ничего национального (калмыцкого), относящегося к приключениям девочки.

Так ли это на самом деле, читатель узнает, только прочитав обе книги.

В первой главе первой книги – знакомство с девочкой Эльзяткой, которая живет в городе Элиста в пятиэтажном доме третьего микрорайона. Она живет с родителями в двухкомнатной квартире на четвертом этаже. А ее дедушка и бабушка живут на улице Пионерской, куда родители отвозят с утра девочку, так как сами идут на работу, а вечером ее забирают. Топонимика города представлена автобиографически, судя по всему.

Автобиографизм повести проявляется и в указании на то, что отец девочки – писатель. «Эльзяткин папа был писателем, а мама говорил про него: “Это большой ребенок. У меня двое детей: Эльзятка и ее папа”» [36, с. 5].

Родители девочки не обозначены в тексте именами, а бабушка с дедушкой имеют калмыцкое обозначение (ээж – бабушка, аав – дедушка), получается тавтология: бабушка Эджя и дедушка Ава. «Бабушка Эджя рассказывала Эльзятке сказки и читала книжки» [36, с. 6]. «Пошла уже вторая неделя, как дедушка Ава и бабушка Эджя уехали в санаторий на лечение» [36, с. 8].

Имя главной героини несет особый смысл: по-калмыцки Элзэт означает «счастье».

Познакомив поближе читателей с главной героиней, автор предупредил, что это обыкновенная девочка, с которой недавно случилась невероятная история, поскольку удивительное путешествие в государство мышей совершила именно она [36, с. 10].

Началось все с того, что на кухне мама увидела мышь и приказала папе, чтобы он ее изловил. Девочка видела мышей на картинках и по телевизору, но ни разу не видела живой мыши. Когда мышонок попался в ловушку – трехлитровую банку с кусочком сала, шестилетняя девочка захотела с ним пообщаться, выпустила на волю. По законам волшебной сказки мышонок не может говорить на человеческом языке, но при этом понимал, что говорит ему Эльзятка. Поэтому после желания девочки знать мыший язык для общения мышонок предложил ей съесть кофейное зернышко.

После этого и начались приключения героини: она стала понимать язык животных, уменьшилась в размерах, как известная Алиса из сказки Льюиса Кэрролла.

Мышонок предложил Эльзятке остановить здесь время, а самой спуститься с ним вниз, в мышиный город, познакомить ее со своим дедушкой-моряком Трюмом. Тот даст ей такое же зернышко, она снова вырастет. Самого же мышонка зовут Пик, он из рода путешественников-моряков. Таким образом, имена мышей семантически обозначают у одного место обитания во время путешествий, у другого – неясно что.

Включение калмыцкого фольклорного компонента в повесть начинается с первой главы, в которой бабушка рассказала внучке историю, как появились луна и звезды [36, с. 7-8]. В отличие от калмыцких народных легенд и преданий о луне и звездах («О сотворении Земли, Солнца, Луны и человека», «О сотворении небесных светил», «Злой Араха», «Луна и Солнце», «Бог-звезды и Араха», «Звезды-пуговицы») [51, с. 35-44] калмыцкий писатель ввел в свою повесть авторскую легенду о появлении этих небесных светил, трансформировал известный сказочный сюжет о четырех братьях и стрелах. Если в первом случае есть калмыцкая составляющая, то во втором – нет никакого калмыцкого следа.

Интересно, как автор ввел эти вставные истории в свой текст. Любопытная и любознательная девочка спросила у отца, почему днем светло, а ночью темно, и получила ответ, что солнце – это раскаленный шар, поэтому светится, а земля тоже шар, который вертится вокруг своей оси. Поэтому одна половина ее освещена (день), другая – нет (ночь).

Сравнение отца (земля – это мячик) было непонятно дочери, и она обратилась за разъяснениями к бабушке. Та и рассказала, что когда-то в начале времен жили на земле злые духи, богатыри и волшебники. В огромной степи жили калмыки, среди них красавица Булгун.

Был у нее волшебный шар-солнце, которым она игралась с друзьями. И злой волшебник Орез-хан решил похитить шар-солнце у калмыков, превратился в юношу, дождался, когда девушка с друзьями выйдет из кибитки и начнет играть, присоединился к ним. Схватил он шар-солнце и бросился бежать от погони. Чтобы скрыться от друзей девушки, он снял свой плащ и накинул на небо – стало темно. При этом Орез-хан споткнулся о кочку, выронил солнце, и оно улетело на небо, прожгло там дыру на плаще злого волшебника. Так и гоняется Орез-хан за солнцем, а оно, как мячик, прыгает. На одном конце земли ударится и летит целый день до другого конца, там опустится на землю, отскочит и снова летит до утра. Так и стало время на земле делиться на день и ночь.

Там, где солнце прожгло дыру в плаще волшебника, осталось светлое пятно, стали его называть луной. Да только мало светит луна. Решил богатырь Темир помочь народу. Сплел он из тонкой паутины сети и разбросал в зарослях камыша. А когда появилось солнце, поймал богатырь в свои сети солнечные лучи и принес к кузнецу Кеке, попросив сделать из них стрелы к ночи. Выковал к вечеру кузнец сто тысяч стрел. А богатырь поймал в степи быстрых сайгаков и из их рогов сделал себе лук, взял огненные стрелы и стал стрелять в темное небо. Прожгли стрелы плащ злого волшебника, появились маленькие дырки, которые стали называть звездами. Так появились луна и звезды, по словам бабушки Эльзятки [36, с. 7-8].

В третьей главе девочка пересказала мышонку Пику сказку о четырех братьях, которую рассказала ей бабушка. Обратим внимание на то, что автором подчеркивается, видимо, универсальный сюжет, известный многим народам, потому что здесь действуют обезличенные персонажи – мать, че-

тыре братья, нет никаких имен, топографических деталей, определяющих ментальность действующих лиц.

Жили четыре брата дружно и никогда не ссорились, пока не появился человек, решивший рассорить братьев. Стал он одного брата хвалить, а других ругать, наговаривать на братьев каждому из них. И стали братья ссориться между собой, прислушиваясь к словам вредного человека.

Узнала мать, что четверо ее сыновей ссорятся, собрала их вместе, дала им по стреле и попросила каждого сломать свою стрелу. Каждый легко справился с этой задачей. И мать ее усложнила: сложила четыре стрелы вместе и попросила старшего сына сломать их разом. Ничего у него не получилось, как и у других братьев, пробовавших тоже справиться с этой задачей. И тогда мать сказала сыновьям, что по одной стреле каждый из них легко может сломать, а все четыре стрелы сломать не удалось никому. Так каждого из братьев любой может победить, но если братья будут дружны, помогать друг другу, то никто не сможет их одолеть [36, с. 58].

Так, передается калмыцкими персонажами повести-сказки устная традиция народного творчества.

Во второй главе девочка мчится на мышонке, как на коне Аранзале, ей вспомнились строки из эпоса «Джангар», который ей читала бабушка: «Аранзал, что ветер, летуч, поскакал он пониже туч. Повыше коленчатого ковыля. Всем бы такого в пути коня!» [36, с. 24-25]. Так, транслятором народной культуры в повести выступает старшее поколение.

Оказавшись в подземном городе, девочка удивлена: все ей знакомо здесь. Выяснилось, что мыши скопировали город Элисту и создали все такое же внизу. Это авторское новшество, которое отличает сказочные города из произведений других писателей, например: Цветочный город у Н. Носова, Изумрудный город у А. Волкова. Мыши создали себе условия жизни по человеческому образцу с университетами, больницами, милицией, техникой и прочим. Особенностью же подземного города является то, что у всех его гостей возраст увеличивается в два раза, и теперь Эльзятке не шесть, а двенадцать лет.

Дедушка Трюм, как и папа девочки, тоже писал книги, мемуары – воспоминания о своих путешествиях, в том числе в Индию.

Из вставного рассказа старика Эльзятка узнала, что в Индии растут необыкновенные деревья, плоды которого делают людей молодыми и здоровыми. Есть и кофейный куст, от плодов которого можно уменьшаться или, наоборот, вырасти. Кроме того, кофейное зернышко обладает еще несколькими волшебными свойствами, о которых старый моряк пообещал девочке сообщить позже [36, с. 38-39]. Таким образом, включение волшебных плодов и зерен (например, молодильные яблоки), характерных для сказочных произведений, у Манджиева мотивируется путешествиями дедушки мышонка. Из рассказа Старого Трюма девочка узнала, что после кораблекрушения тот попал в Индию, нашел старинную рукопись о чудесах, где говорилось о волшебном цветке лотосе, который удлиняет жизнь, возвращает молодость и красоту. Когда Трюм нашел необыкновенный сад с лотосом,

обратился за помощью к летучим мышам, род которых берет начало от царя птиц орла и царицы мышей, по его словам. Получив от них лепесток цветка и горсть семян с кофейного куста, моряк, убегая от хранителей сада Филина и Совы, от страха проглотил волшебный лепесток. Поэтому получил долголетие: теперь ему триста шестьдесят пять лет и три дня.

Так, в повесть помимо мышей-помощников автор ввел еще летучих мышей-помощников. Все эти мыши – хтонические животные, относятся к подземному миру.

В русской народной сказке «Волшебное кольцо» мышонок помог друзьям Мартынки вернуть украденное кольцо их хозяину после того, как Васька стал давить обитателей мышиного царства.

У Андрея Платонова в литературной сказке по мотивам «Волшебного кольца» кошка поймала мышку, надкусила ей ухо, научила, что должна она сделать – хвостиком свербить в носу царевны, та чихнула и выронила изо рта кольцо [44, с. 162].

Старый моряк рассказал девочке, что среди волшебных свойств кофейного зернышка – выполнение заветных мечтаний, в том числе увидеть себя в будущем. Но зернышко войдет снова в силу тогда, когда Эльзятка совершит столько же добрых поступков, сколько сделала плохих за всю свою жизнь на земле. И ее совесть станет поводом на пути [36, с. 45-46]. Мораль сказочной повести очевидна и поэтому традиционна.

Конечно, здесь есть и тайна, которую открывает девочке мышонок: в центре Земли есть Серединный город, куда можно попасть на лифте, приходящем в подземный город Пика раз в полгода. Но только оказаться в лифте можно с охранной грамотой, которая выдается только ученым и знаменитостям. Поэтому Пик предлагает Эльзятке взять у дедушки Трюма его охранную грамоту, чтобы через Серединный город попасть в Индию и добыть там волшебный лепесток лотоса.

Девочка и мышонок дали клятву помогать друг другу и не бросать в беде. При этом Пик собирается позвать на помощь и летучих мышей, своих братьев. Здесь та же сказочная формула: обоюдная помощь представителей мира людей и мира природы [36, с. 48-49].

Пик захватил в долгое путешествие еще одно кофейное зернышко Трюма на всякий случай. Эльзятка решила, что один лепесток лотоса она отдаст своим дедушке и бабушке, чтобы они помолодели [36, с. 50].

Еще один вставной рассказ мышонка Пика о том, как старуха Жадюга рассорила людей и зверей, и птиц, живших до нее дружно и мирно. Старуха отправила мышей под землю, птиц на небо, а человека оставила на земле, без помощи прежних друзей. И не оставляет Жадюга человека, нашептывает ему про друзей его, вот почему человек снова не подружился с рыбой, орлом и мышью [36, с. 56].

В свою очередь Эльзятка рассказывает мышонку похожую сказку о четырех братьях. Автор трансформировал известный сказочный сюжет, введя подобного Жадюге человека, который ссорил братьев друг с другом.

И тогда мать дала сыновьям совет с помощью стрел, которые легко переломить по одной, а трудно – пучком, наказав не ссориться братьям, помогать друг другу, и тогда никто их не одолеет [36, с. 58].

В конце третьей главы рассказ о прибытии путешественников в Серединный город приобретает социально-политический, идеологический характер, поскольку включает разделение его жителей-мышей на богатых и бедных. Особенно этот аспект усиливается во второй книге повести о стране Доллорадо.

Кофейное зернышко становится спасительным для арестованных путешественников в Бриллиантовом отеле, когда их поймали и стали обвинять в ограблении банка, шпионаже, организации диверсии против богатых постояльцев отеля. Из письма миллионера Хвата Пик и Эльзятка узнали о том, что «владелец волшебного зернышка может превратиться в крысу, откусив от зернышка малюсенький кусочек. Крысы в нашем мире обладают неограниченной властью, а занчит и богатством» [36, с. 75]. В иерархии мышей крысы занимают господствующее положение. Поэтому Хват предложил путешественникам основать предприятие, которое будет выпускать волшебный эликсир под названием «крысин»: для этого надо часть зернышка растворить в озере, чтобы получить эликсир. И все они тогда втроем разбогатеют [36, с. 75-76].

Таким образом, к известным уже волшебным свойствам кофейного зерна добавляется еще новое – перерождение из мышей в крыс.

Путешественники получают письма с разными предложениями от богатых мышей – выкупить их улыбки для производства на фабрике, не дать откупиться Клопингу, хозяину отеля, чтобы потом вместе с Акулингсоном прибрать в руки его собственность, и прочее.

Эльзятка решила поделить кофейное зернышко между бедными мышами, доверившись мышонку Хрусту, работающему в отеле, несмотря на угрозы Пика не делать этого, так как тогда девочка останется маленькой и не станет вновь большой. Но она настаивала на том, что не может быть счастлива, когда кругом столько несчастных мышей [36, с. 106].

Шестая глава заканчивается рассказом о том, как несколько миллионеров-грабителей не смогли обмануть Эльзятку и Пика, решив подменить их кофейное зернышко на фальшивое, как путешественники с помощью мышонка Хруста нашли в отеле тайный подземный лифт, по которому смогли убежать из Серединного города. Раньше в этом городе все мыши были равны и счастливы, но после того как жители Доллорадо прибрали все к своим рукам в их городе, появились бедняки и нищие, со слов мышонка Хруста.

Заключительная, седьмая, глава возвращает читателя к началу истории. Старый Трюм обнаружил пропажу охранной грамоты и одного кофейного зернышка, исчезновение внука и девочки, отправился по следам незадачливых путешественников. Он не успел предупредить внука, что лифта в Индию не существует. Кроме того, «Старый Трюм еще опасался того, что в неумелых руках зернышко может принести большие несчастья. Ведь волшебными предметами тоже нужно пользоваться умело» [36, с. 117].

Для того чтобы попасть в Серединный город, Старому Трюму можно было прибегнуть к помощи кофейного зернышка. Здесь автор раскрывает еще одну тайну: «волшебное кофейное зернышко обладает еще одним свойством, о котором не знал Пик. Кофейное зернышко один раз, всего лишь один раз, если сильно захотеть, исполнит любое желание» [36, с. 117]. Но старый моряк решил приберечь это свойство для своего путешествия, для безвыходных моментов. Поэтому с помощью воздушных шаров в самодельной корзине он спустился на таком самодельном лифте в Серединный город, но не узнал его.

На такой интригующей ноте закончил писатель первую книгу.

История Эльзятки и Пика, рассказанная газетой «Вечерние байки», с добавлением истории продавца газет в первой главе второй книги «В стране Доллорадо», интересна новыми подробностями. После того как девочка отдала кофейное зернышко простым мышам, те заразились вирусом сомнения и потребовали, чтобы деньги в Серединном городе разделили поровну между всеми.

Несмотря на то, что из столицы Доллорадо Нью-Пенса сюда доставили баллоны со смирительными газами и подключили к трубам с воздухом и порядок был восстановлен, мыши, успевшие проглотить кусочек зернышка, были неисправимы, поэтому сидели в тюрьмах [36, с. 122-127].

После суда над мышонком Хрустом, который не выдал Пика и Эльзятку, после его освобождения с помощью Старого Трюма (заплатил за него золотую монету), старый моряк отправился на тайном лифте в Индию, но оказался в стране Доллорадо. Дальнейшие его приключения связаны с поисками внука и девочки. Исторические аллюзии указывают на историю фашизма в Европе: генерал Трахбах, глава страны Доллорадо, призвал мышей идти в бой, обещая превратить их в покорителей мира – крыс, началась милитаризация общества [36, с. 128-134].

В третьей главе выясняется, что Пик и Эльзятка вместо Индии попали в Доллорадо, в столицу Нью-Пенс. Здесь их обвинили в том, что они хотели взорвать памятник основателю города – Джиму-скупердю, так как путешественники заступились за нищего мышонка Лоскутка. Эльзятке удалось убежать из полиции, а Пик с Лоскутком оказались в тюрьме, где услышали историю о Джиме-скупердье, разбогатевшем благодаря украденному им в свое время у Старого Трюма кофейному зернышку. Тогда Джим был моряком на том корабле, где плавал Старый Трюм; когда он разбогател, бывшие пираты и бандиты, нанятые им для охраны, вскоре превратились в крыс [36, с. 134-144, с. 154-160]. Эти «жулики и бандиты создали свою огромную шайку и назвали ее “Козьи ноздри”» [36, с. 158-159]. Автором иронически обыгрывается название известной международной преступной организации, в русском произношении «Коза ностра» (ср. сицилийская мафия «Cosa Nostra» = «Наше дело») Таким образом, многогранная функция кофейного зернышка в повести-сказке движет фабульные события.

К прежним средствам усмирения жителей страны и Серединного города

добавились новые – дурман, с помощью которого одни мыши теряли память, а другие становились послушными: для этого работал целый институт НИИГАД – научно-исследовательский институт гангрены и дурмана [36, с. 165-186].

Но благодаря поддержке свободных мышей со Скалистого острова бедные мыши страны Доллорадо подняли восстание против своих богачей. И с ними был Старый Трюм. В восьмой главе встретились старый моряк и Эльзятка [36, с. 188-202]. В девятой главе находящиеся с Пиком и Лоскутком в тюрьме Профессор Всяческих наук, художник Волшебный Хвост, Златоуст Справедливый составили законы свободного мышинного государства, веря в освобождение поработанных собратьев [36, с. 203-208].

В заключительных главах второй книги автор показал, как находившиеся с Пиком и Лоскутком мыши через подкоп вырвались на волю, соединились с восставшими мышами, как Эльзятка со Старым Трюмом добрались на лодке до Скалистого острова, чтобы сообщить, что восставшие мыши ждут подкрепления, как дурман в стране рассеялся, армия во главе с генералом Трахбахом разбежалась, а Серединный город вновь стал вольным городом [36, с. 221-239].

Как и положено, в «Эпилоге» друзья расстаются: Эльзятка должна разгрызть кофейное зернышко, чтобы вернуться в Элисту, мыши сообщают ей, что решено страну Доллорадо переименовать в Страну Пяти Лучей, столицу – в город Утренней Росы. Профессор Всяческих наук просит Эльзятку запомнить великую истину: настоящие чудеса совершает тот, кто надеется на себя, на свои силы, на свой ум, на свое мужество. На вопрос девочки, разве волшебное зернышко не сделало чуда, профессор пояснил, что оно может помочь один раз, а если надеяться на себя и постоянно трудиться, то будешь совершать чудеса всю жизнь.

Оказавшись дома, девочка сразу не поняла, что с ней случилось: она лежала на полу в кухне рядом с банкой, в которой белел кусочек сала. Вернувшиеся тем временем домой родители не приняли всерьез рассказы дочки о мышинном царстве, решив, что она заболела. Папа сказал, что это влияние телевизора на современного ребенка.

Но, как полагается, связь с прежними приключениями осталась в виде картины, которую Волшебный Хвост подарил на прощание девочке.

Картина эта висит в комнате Эльзятки, напоминая о ее друзьях из мышинного государства [36, с. 240-243].

Так, повесть-сказка писателя в форме необычных приключений обычной девочки показала влияние фольклорных традиций на современную прозу: волшебные объекты (кофейное зернышко, лепестки лотоса) и помощники (мыши, летучие мыши), знание языка представителей животного мира, превращения (уменьшение и увеличение в росте, увеличение и уменьшение возраста, остановка времени), подземные города и страны с их жителями, мышами и крысами, кольцевая композиция и др.

2.2. О функции волшебных помощников и предметов в русской народной сказке «Волшебное кольцо» и ее традиции в повести-сказке О. Манджиева

Согласно классификации Э.В. Померанцевой, есть четыре основные группы сказок: о животных, волшебные, авантурные и бытовые [46, с. 24].

Ю. Круглов добавляет к ним еще другую группу – докучные сказки: шуточные, веселые истории [16, с. 26].

Сказка о волшебном кольце – это всемирный сюжет, встречающийся в волшебных сказках народов мира. Истоки этого сюжета восходят к древнеиндийским «Двадцати пяти рассказам Веталы». Насчитывается пятьдесят пять вариантов русской народной сказки на эту тему. Среди них «Волшебное кольцо» в записи известного фольклориста А.Н. Афанасьева.

Есть литературный вариант А. Платонова, отличающийся именами персонажей (вместо Мартынки Семен, вместо собаки Журки и кота Васьки безымянные животные), статусом героев (вместо королевны царевна), сокращением действий (вместо мышиноного государства мышонок), введением нового героя – приемного сына змеиноного царя Аспида и т.д. [44, с. 145-166].

Ядро этого универсального сказочного сюжета – дружба и взаимопомощь человека и животных.

Бедняцкий сын Мартынка на последние деньги, оставшиеся от умершего отца, выкупил у мясников охотничьего пса, у злого мальчишки – кота, у попа за трехлетние труды взял не мешок серебра, а мешок с песком. Этим песком в лесу засыпал он огонь, в котором горела красавица, обернувшаяся потом змеей, дочерью змеиноного царя. Посоветовала она просить у ее отца кольцо с его мизинца, потому что оно волшебное: двенадцать молодцев явятся и все, что прикажут, за ночь сделают. А когда женился Мартынка на королевне, та вскоре, обманом выведав тайну волшебного кольца, повелела, чтобы муж остался в бедности, а ее перенесли в тридесятое царство, в мышье государство [4, с. 106-107]. Посадили Мартына из-за пропажи дочери короля в каменный столб, чтобы он умер от голода, оставили только маленькое окно для света. Вначале Журка с Васькой разыскали хозяина, накормили-напоили его, вздумали идти в мышье государство – вернуть чудесное кольцо.

Добрались они до этого государства, и собака Журка говорит коту Ваське, чтобы он принимался за охоту – душил-давил мышей, а она будет их в кучу складывать. За неделю собрали большую скирду из мышей. Видит мышинный царь, что гибнут его подданные, обратился с мольбой к собаке и кошке, обещав сделать, что им угодно. Услышав, что нужно добыть им из дворца королевны чудесное кольцо, не то придет гибель царю мышиному и его государству, повелел царь собрать своих подданных, спросить у них, кто возьмется выполнить это задание. Вызвался мышонок, сообщив, что часто бывает в том дворце, видел, как королевна носит кольцо на мизинце днем, а ночью прячет его во рту. Дождался мышонок ночи, пробрался во дворец, в

спальню королевы, залез на постель, стал щекотать своим хвостиком в ее ноздрах. А когда та чихнула, выскочило кольцо и упало на ковер, то мышонок схватил это кольцо и отнес царю [4, с. 108].

Сравним этот эпизод в литературной сказке А. Платонова. Там кошка забралась в спальню царевны, увидела, что она прячет кольцо во рту, меж зубов блестело. Просто поймала кошка мышку, надкусила ей ухо и научила ее, что делать, чтобы получить украденную вещь [44, с. 162].

Так друзья – собака и кот – получили заветную добычу. В народной сказке с разными приключениями (уронил кот кольцо в море из-за ворона, вновь добыли кольцо, став душить раков и рачьего царя, выпотрошив рыбу-белугу), вернулись к хозяину, отдали ему кольцо. Вернул вдовый сын себе дворец да хрустальный мост с золотыми и серебряными яблоками, встретил короля у себя в палатах, рассказал, как все приключилось. Король и велел казнить его неверную жену, и зажил Мартынка со своими верными друзьями.

В сказке Платонова соблазнителем царевны стал приемный сын змеиного царя Аспид. С ним она и осталась, а Семен посватался к девушке-сироте из соседней деревни [44, с. 166].

Как пишет современный фольклорист Ю. Круглов, волшебные сказки утверждают: тот выйдет победителем в борьбе с врагом, кто любит свой народ, почитает родителей, уважает старших, хранит верность любимому человеку, кто добр и справедлив, скромн и честен. Только таким героям служат волшебные помощники, только они становятся обладателями волшебных предметов. Ивана-царевича выручает из беды серый волк; герою сказки «Сивка-бурка» приходит на помощь чудесный конь; Мартынке, герою сказки «Волшебное кольцо», служат преданно собака Журка и кот Васька [16, с. 18].

В.Я. Пропп в книге «Исторические корни волшебной сказки» (глава «Волшебные дары») выделяет группу помощников главного героя сказки, среди которых всяческие искусники, в том числе хозяева стихий, благодарные животные [48, с. 166-201].

В сказке «Волшебное кольцо» волшебными помощниками Мартынки стали дочь змеиного царя, кольцо, двенадцать молодцев из кольца.

По мнению В. Проппа, между волшебными помощниками и волшебными предметами существует тесное родство [48, с. 191].

Так, за свое спасение дочь змеиного царя научила Мартынку просить у змея его волшебное кольцо: двенадцать колодцев из кольца выполняют любые приказания владельца.

В этой связи фольклорист говорит о дарителях-помощниках – благодарных животных. Это комбинированный персонаж [48, с. 154]. Благодарные животные выступают как дарители, когда герой оказывает им услугу – спасает, например, от смерти.

В сказке «Волшебное кольцо» – это змеиный царь, дочь змеиного царя, собака и кошка. Благодарное животное есть предок, который сохраняет связь с человеком (тотемизм). Связь с тотемными предками доказывается и

тем, что благодарное животное оказывается царем (змей, мышей, раков и т.д.) [48, с. 156]. Эти союзно-договорные отношения благодарных животных с человеком помогают герою сказки Мартынке победить в борьбе со злом.

Исходя из фольклорной функции волшебных помощников-дарителей, прежде всего благодарных животных, в повести-сказке О. Манджиева «Приключения Эльзятки в мышинном государстве» мы наблюдаем те же традиции. Мышонок Пик в благодарность за свое спасение из трехлитровой банки-ловушки дарит девочке волшебное средство: «И тогда мышонок выкатил на стол маленькое коричневое кофейное зернышко. <...> Ты же хотела научиться понимать язык мышей, вот я тебе и помог. Я не должен был этого делать, но в благодарность за то, что ты освободила меня, я дал тебе волшебное зернышко» [36, с. 20, 21]. Так Эльзятка с мышонком отправилась путешествовать в подземный мир.

Сравним в известной повести-сказке А. Погорельского, когда Алеша спас черную курицу и попал к жителям подземного государства. Но там Чернушка превращается в маленького человечка, а мышонок Пик в повести Манджиева остается в своем облики. Алеша съел волшебное семечко, которое помогало ему знать уроки, не уча их. Но мальчик не сумел быть верным Чернушке, выдав ее волшебный секрет, и сожалел потом об этом.

Эльзятка, пожалев бедных мышей в Серединном городе, жертвует своей возможностью вернуться домой в прежнем виде (она уменьшилась и повзрослела на шесть лет, теперь ей двенадцать лет) и дарит им кофейное зернышко. «Вас много в этом городе, честных и бедных. А я одна. Понимаешь? Я одна, а вас много. Это зернышко может сделать счастливым одного и может сделать сильными очень многих. <...> Раздели его поровну между всеми» [36, с. 106].

Помогает она мышам победить в восстании против богатых мышей и крыс в стране Доллорадо вместе с друзьями – Старым Трюмом, Пиком, Лоскутком и другими.

В своих долгих приключениях под землей девочка вступает в борьбу со злыми богачами мышиного государства, вновь спасая своих друзей. И эта дружба закреплена их общей победой над врагами и созданием нового, свободного государства мышей.

«Ну вот, – сказал Трюм, протягивая Эльзятке зернышко. – Пора прощаться. Сейчас ты разгрызешь зернышко и очутишься дома. Не забывай нас» [36, с. 241].

На вопрос девочки, разве кофейное зернышко не сделало чудо, Профессор пояснил, что кофейное зернышко «может помочь только один раз, а если будешь надеяться на себя и постоянно трудиться, ты будешь совершать чудеса всю жизнь. Такова истина.

– Спасибо вам, Профессор, за совет, – поблагодарила Эльзятка, вдруг вспомнив, сколько пришлось ей пережить с того момента, когда она воспользовалась кофейным зернышком. – Я никогда не забуду эту истину» [36, с. 241].

Таким образом, общее в русской народной сказке «Волшебное кольцо» и повести-сказке калмыцкого писателя – прежде всего фольклорный мотив волшебных помощников и волшебных предметов от дарителей, мотив благодарных своему спасителю животных, дружба между человеком и животными, а также мотивы тридесятого государства, мышиногo царства-государства.

Выводы по второй главе:

Группа волшебных помощников главного героя сказки, среди которых всяческие искусники, благодарные животные, выделена фольклористами.

В сказке «Волшебное кольцо» волшебными помощниками Мартынки стали дочь змеиногo царя, кольцо, двенадцать молодцев из кольца.

По мнению В. Проппа, между волшебными помощниками и волшебными предметами существует тесное родство [48, с. 191]. Так, за свое спасение дочь змеиногo царя научила Мартынку просить у змея его волшебное кольцо: двенадцать колodцев из кольца выполняют любые приказания владельца. В этой связи фольклорист говорит о дарителях-помощниках – благодарных животных. Это комбинированный персонаж [48, с. 154]. Благодарные животные выступают как дарители, когда герой оказывает им услугу – спасает, например, от смерти.

В сказке «Волшебное кольцо» – это змеиный царь, дочь змеиногo царя, собака и кошка. Благодарное животное есть предок, который сохраняет связь с человеком (тотемизм). Связь с тотемными предками доказывается и тем, что благодарное животное оказывается царем (змей, мышей, раков и т.д.) [48, с. 156]. Эти союзно-договорные отношения благодарных животных с человеком помогают герою сказки Мартынке победить в борьбе со злом.

Исходя из фольклорной функции волшебных помощников-дарителей, прежде всего благодарных животных, в повести-сказке О. Манджиева «Приключения Эльзятки в мышином государстве» мы наблюдаем те же традиции. Мышонок Пик в благодарность за свое спасение из трехлитровой банки-ловушки дарит девочке кофейное зернышко, и она совершает с ним путешествие в подземный мир. Эльзятка, пожалев бедных мышей в Середином городе, жертвует своей возможностью вернуться домой в прежнем виде (она уменьшилась и повзрослела на шесть лет) и дарит им кофейное зернышко. Помогает она мышам победить в восстании против богатых мышей и крыс в стране Доллорадо вместе с друзьями – Старым Трюмом, Пиком, Лоскутком и другими. В своих долгих приключениях под землей девочка вступает в борьбу со злыми богачами мышиногo государства, вновь спасая своих друзей. И эта дружба закреплена их общей победой над врагами и созданием нового, свободного государства мышей.

Таким образом, общее в русской народной сказке «Волшебное кольцо» и повести-сказке калмыцкого писателя – прежде всего фольклорный мотив волшебных помощников и волшебных предметов от дарителей, мотив благодарных своему спасителю животных, дружба между человеком и животными, а также мотивы тридесятого государства, мышиногo царства.

Заключение

В 1993 году в беседе «Мечтаю целый мир детства» с корреспондентом газеты «Советская Калмыкия» Олегу Манджиеву был задан вопрос, имеет ли продолжение детская тема после двух книжек «Приключений Эльзятки». Писатель ответил, что ему хотелось бы написать продолжение этих книг, потому что он считает тему детства главной в своем творчестве. Но сейчас это все трудно напечатать, хотя ему и хотелось бы создать целый мир детства, свой мир детства. На вопрос о героине книжки Эльзятке отец сообщил, что она учится в шестом классе, в английской школе Москвы, любит рисовать, декламировать стихи [31, с. 3].

Сейчас героиня книжки выросла, стала киносценаристом, как отец. По ее сценарию был снят художественный кинофильм «Белый верблюжонок».

Олег Манджиев – явление сугубо национальное, отметила журналист М. Ланцынова в статье 1993 года, несмотря на его русский язык и современную тематику произведений за исключением основанных на воспоминаниях детства. Несмотря на европейскость его мышления и интернационализм сознания. Ведь национальное совсем не обязательно должно означать фольклорность, архаичность, этнографичность. Ментальность, в данном случае национальную, можно уловить и опознать в метафоричности мышления, в образности восприятия, передаваемых чаще всего посредством художественного языка [17, с. 3].

Мы рассмотрели раннюю прозу О. Манджиева в жанре рассказа, обозначив фольклорный аспект его произведений – «Змея» (1971), «Скачки» (1972). Со стороны содержания это проявляется в знании национальных обрядов, праздников, языческих верований, со стороны формы – в приемах олицетворения, психологического параллелизма в описании мира человека и мира природы.

В повести-сказке писателя «Приключения Эльзятки в мышином государстве» наблюдается синтез европейских, русских и калмыцких влияний литературы и фольклора. Это жанр повести-сказки, сюжет приключений ребенка в фантастических государствах и городах, волшебные превращения (уменьшение, увеличение, взросление, остановка времени, перемещение в пространстве земли и подземелья), волшебные объекты (кофейное зернышко, лепестки лотоса), волшебные помощники (мыши – Старый Трюм, мышата Пик и Лоскуток, летучие мыши), волшебные противники (богатые мыши и крысы).

В этом топонимическом плане можно вспомнить, например, «Щелкунчика и мышиного короля» Э.Т.А. Гофмана (мышиное царство), «Приключения Алисы в Стране Чудес» Л. Кэролла (подземное государство), «Черную курицу, или Подземных жителей» А. Погорельского (подземная страна), «Городок в табакерке» В. Одоевского (музыкальная шкатулка), «Приключения Незнайки» Н. Носова (Солнечный город), «Волшебника Изумрудного города» А. Волкова (Изумрудный город), русскую народную сказку «Волшебное кольцо» (мышиное царство) и ее литературную обработку А. Пла-

тоновым. Мотив уменьшения и увеличения героя/героини также есть, например, в сказке Л. Кэролла, А. Погорельского, В. Одоевского.

В отличие от известных калмыцких легенд и преданий о луне и звездах [51, с. 35-44] калмыцкий писатель ввел в свою повесть авторскую легенду о появлении этих небесных светил, трансформировал известный сказочный сюжет о четырех братьях и стрелах. Если в первом случае есть калмыцкая составляющая, то во втором – нет никакого калмыцкого следа.

Интересно, как автор ввел эти истории в свой текст. Любопытная и любопытная девочка спросила у отца, почему днем светло, а ночью темно, и получила ответ, что солнце – это раскаленный шар, поэтому светится, а земля тоже шар, который вертится вокруг своей оси. Поэтому одна половина ее освещена (день), другая – нет (ночь).

Сравнение отца (земля – это мячик) было непонятно дочери, и она обратилась за разъяснениями к бабушке. Та и рассказала, что когда-то, в начале времен, жили на земле злые духи, богатыри и волшебники.

В огромной степи жили калмыки, среди них красавица Булгун. Был у нее волшебный шар-солнце, которым она игралась с друзьями. И злой волшебник Орез-хан решил похитить шар-солнце у калмыков, превратился в юношу, дождался, когда девушка с друзьями выйдет из кибитки и начнет играть, присоединился к ним. Схватил он шар-солнце и бросился бежать от погони. Чтобы скрыться от друзей девушки, он снял свой плащ и накинул на небо – стало темно. При этом Орез-хан споткнулся о кочку, выронил солнце, и оно улетело на небо, прожгло там дыру на плаще злого волшебника. Так и гоняется Орез-хан за солнцем, а оно, как мячик, прыгает. На одном конце земли ударится и летит целый день до другого конца, там опустится на землю, отскочит и снова летит до утра. Так и стало время на земле делиться на день и ночь.

Там, где солнце прожгло дыру в плаще волшебника, осталось светлое пятно, стали его называть луной. Да только мало светит луна. Решил богатырь Темир помочь народу. Сплел он из тонкой паутины сети и разбросал в зарослях камыша. А когда появилось солнце, поймал богатырь в свои сети солнечные лучи и принес к кузнецу Кеке, попросив сделать из них стрелы к ночи. Выковал к вечеру кузнец сто тысяч стрел. А богатырь поймал в степи сайгаков и из их рогов сделал себе лук, взял огненные стрелы и стал стрелять в темное небо. Прожгли стрелы плащ злого волшебника, появились маленькие дырки, которые стали называть звездами. Так появились луна и звезды, по словам бабушки Эльзятки [36, с. 7-8].

Во втором случае девочка пересказывает мышонку Пику сказку о четырех братьях, которую рассказала ей бабушка. Обратим внимание на то, что автором подчеркивается, видимо, универсальный сюжет, известный многим народам, потому что здесь действуют обезличенные персонажи – мать, четыре брата, нет никаких имен, топографических деталей, определяющих ментальность действующих лиц.

Жили четыре брата дружно и никогда не ссорились, пока не появился

человек, решивший рассорить братьев. Стал он одного брата хвалить, а других ругать, наговаривать на братьев каждому из них. И стали братья ссориться между собой, прислушиваясь к словам вредного человека.

Узнала мать, что четверо ее сыновей ссорятся, собрала их вместе, дала им по стреле и попросила каждого сломать свою стрелу. Каждый легко справился с этой задачей. И мать ее усложнила: сложила четыре стрелы вместе и попросила старшего сына сломать их разом. Ничего у него не получилось, как и у других братьев, пробовавших тоже справиться с этой задачей. И тогда мать сказала сыновьям, что по одной стреле каждый из них может сломать, а все четыре стрелы не удалось никому. Так каждого из братьев любой может победить, но если братья будут дружны, помогать друг другу, то никто не сможет их одолеть [36, с. 58].

Так, передается персонажами повести-сказки калмыцкого автора устная традиция народного творчества.

Автобиографизм повести-сказки состоит в прототипах персонажей, начиная с главной героини Эльзятки – дочери писателя, его семьи, в топонимике (город Элиста, третий микрорайон, улица Пионерская).

В сказке «Волшебное кольцо» волшебными помощниками Мартынки стали дочь змеиноного царя, кольцо, двенадцать молодцев из кольца. Между волшебными помощниками и волшебными предметами существует тесное родство. Так, за свое спасение дочь змеиноного царя научила Мартынку просить у змея его волшебное кольцо: двенадцать молодцев из кольца выполняют любые приказания владельца. В этой связи можно говорить о дарителях-помощниках – благодарных животных. Это комбинированный персонаж. Благодарные животные выступают как дарители, когда герой оказывает им услугу – спасает, например, от смерти.

В сказке «Волшебное кольцо» – это змеиный царь, дочь змеиноного царя, собака и кошка. Благодарное животное есть предок, который сохраняет связь с человеком (тотемизм). Связь с тотемными предками доказывается и тем, что благодарное животное оказывается царем (змей, мышей, раков и т.д.). Эти союзно-договорные отношения благодарных животных с человеком помогают герою сказки Мартынке победить в борьбе со злом.

Исходя из фольклорной функции волшебных помощников-дарителей, прежде всего благодарных животных, в повести-сказке О. Манджиева «Приключения Эльзятки в мышинном государстве» мы наблюдаем те же традиции. Мышонок Пик в благодарность за свое спасение из трехлитровой банки-ловушки дарит девочке кофейное зернышко, и она совершает с ним путешествие в подземный мир.

Сравним в известной повести-сказке А. Погорельского, когда Алеша спас черную курицу и попал к жителям подземного государства. Но там Чернушка превращается в маленького человечка, а мышонок Пик в повести Манджиева остается в своем облики. Алеша съел волшебное семечко, которое помогало ему знать уроки, не учась. Но не сумел быть верным Чернушке, выдав ее волшебный секрет, о чем сожалел потом.

Эльзятка, пожалев бедных мышей в Серединном городе, жертвует своей возможностью вернуться домой в прежнем виде (она уменьшилась и повзрослела на шесть лет) и дарит им кофейное зернышко. Помогает она мышам победить в восстании против богатых мышей и крыс в стране Доллорадо вместе с друзьями – Старым Трюмом, Пиком, Лоскутком и другими. В своих долгих приключениях под землей девочка вступает в борьбу со злыми богачами мышиного государства, вновь спасая своих друзей. И эта дружба закреплена их общей победой над врагами и созданием нового, свободного государства мышей.

Таким образом, общее в русской народной сказке «Волшебное кольцо» и повести-сказке калмыцкого писателя – прежде всего фольклорный мотив волшебных помощников и волшебных предметов от дарителей, мотив благодарных своему спасителю животных, дружба между человеком и животными, а также мотивы тридесятого государства, мышиного царства-государства.

Выявление на примере творчества О. Манджиева связи калмыцкой литературы и фольклора представляется перспективным и продуктивным.

Список литературы

1. Айдарова Г. П. Детская этническая среда как фактор воспитания (на примере повести О. Манджиева «Дорога в один дун») // Современные проблемы семьи и детства: психолого-педагогический аспект: материалы межд. научно-практич. конф. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2006. – С. 120 – 123.
2. Араева Н. «...Важно, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями» // Комсомолец Калмыкии. – 2002. – 31 июля – 6 августа. – С. 5.
3. Библиография по О. Манджиеву // Калмыцкие писатели – детям: библиографический указатель. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. – С. 8, 15, 28.
4. Волшебное кольцо. Народные русские сказки. Из собрания А. Н. Афанасьева. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 1999.
5. Есенова Т. С. Люди в рассказе О. Манджиева «Скачки» // Есенова Т. С. Русский язык в Калмыкии. – Элиста: Калм. гос. ун-т, 2003. – С. 83 – 93.
6. Есенова Т. С. О. Манджиев в калмыцкой прозе // Есенова Т. С. Русский язык в Калмыкии. – Элиста: Калм. гос. ун-т, 2003. – С. 82 – 83.
7. Есенова Т. С. Природа в рассказе О. Манджиева «Скачки» // Есенова Т. С. Русский язык в Калмыкии. – Элиста: Калм. гос. ун-т, 2003. – С. 93 – 97.
8. Есенова Т. С. Рассказ О. Манджиева «Скачки»: образы и форма // Есенова Т. С. Русский язык в Калмыкии. – Элиста: Калм. гос. ун-т, 2003. – С. 83.
9. Есенова Т. С. Языковые средства рассказа О. Манджиева «Скачки» // Есенова Т. С. Русский язык в Калмыкии. – Элиста: Калм. гос. ун-т, 2003. – С. 97–105.
10. Джамбинова Р.А. Литература Калмыкии: проблемы развития. – Элиста: Джангар, 2003.
11. Джамбинова Р. О творчестве Олега Манджиева // Джамбинова Р. Дыхание современности. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. – С. 107 – 112.

12. Джамбинова Р. А. О творчестве Олега Манджиева // Джамбинова Р. А. Калмыцкая художественная проза XX века. В трех книгах. Книга первая. – Элиста: Джангар, 2006. – С. 109 – 110.
13. Илишкин Н. Растет талант // Советская Калмыкия. – 1986. – 10 июля. – С. 3.
14. Илишкин Н. Слышать друг друга // Приморские известия. – 1989. – 23 сентября. – С. 4.
15. Королькова А. Н. Русские народные сказки. – М., 1969.
16. Круглов Ю. Русские народные сказки // Сказки: Кн. I / Сост., вступ. ст. подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова. – М.: Сов. Россия, 1988. – С. 5-50.
17. Ланцынова М. И снова возвращаясь к теме творчества О. Манджиева // Известия Калмыкии. – 1993. – 15 мая. – С. 2.
18. Ланцынова М. Поиски истины Олега Манджиева // Теегин герл. – 2000. – № 4. – С. 27-35.
19. Малышев А. Автора представляет книга // Советская Калмыкия. – 1973. – 15 февраля. – С. 4.
20. Манджиев О. Ад номер семь: роман. – Элиста: Джангар, 2003.
21. Манджиев О. Амуланга: повесть. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987.
22. Манджиев О. В год барса: повесть. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979.
23. Манджиев О. Волк: рассказ // Ноорус (Таллин). – 1983. – № 7. – С. 22 – 23.
24. Манджиев О. День рождения: рассказ // Теегин герл = Свет в степи. – 1979. – № 3. – С. 131 – 135.
25. Манджиев О. Дорога в один дун: повесть. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988.
26. Манджиев О.Л. Змея // Теегин герл = Свет в степи. – 1971. – № 2. – С. 129-132.
27. Манджиев О. И вечно возвращаться: повесть. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983.
28. Манджиев О. Каникулы: рассказ // Теегин герл = Свет в степи. – 1973. – № 4. – С. 130 – 132.
29. Манджиев О. Л.: краткая биография // Поэзия Калмыкии: антология. – Элиста, 2009. – С. 337 – 338.
30. Манджиев О. Мальчишка с бантиками: повесть. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975.
31. Манджиев О. «Мечтаю целый мир детства...» // Советская Калмыкия. – 1993. – 15 апреля. – С. 3.
32. Манджиев О. Мы любили ее: рассказ // Теегин герл = Свет в степи. – 1970. – № 4. – С. 99 – 103.
33. Манджиев О. На земле, где ровесник погиб...: стихи // Теегин герл = Свет в степи. – 1972. – № 4. – С. 143.
34. Манджиев О. Небесный родник: стихи. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982.

35. Манджиев О. Острию копья: повесть и рассказ. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976.
36. Манджиев О.Л. Приключения Эльзятки в мышинном государстве: повесть-сказка в двух книгах. Книга 1-я: Серединный город. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984.
37. Манджиев О.Л. Приключения Эльзятки в мышинном государстве: повесть-сказка в двух книгах. Изд. 2. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991.
38. Манджиев О. Рождение стиха; Ночной разговор; Рае; Письмо: стихи // Комсомолец Калмыкии. – 1981. – 6 октября. – С. 3.
39. Манджиев О. Скачки: рассказы. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972.
40. Манджиев О. Скука: рассказ // Теегин герл = Свет в степи. – 1971. – № 4. – С. 99 – 105.
41. Манджиев О. «Я весь в предвкушении праздника...» [с писателем О. Манджиевым беседовала Л. Щеглова] // Советская Калмыкия. – 1990. – 26 августа. – С. 3.
42. Манджиев О. Я не могу рассеять в сердце смуту...; Со мной чабан сидел...; Сцена в городе: стихи // Теегин герл = Свет в степи. – 1980. – № 2. – С. 59 – 60.
43. Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980.
44. Платонов А. Волшебное кольцо // Волшебное кольцо. Сказки русских писателей. – М.: Стрекоза-пресс, 2002. – С. 145-166.
45. Полякова А. Этнопедагогические идеи в повести Олега Манджиева «Дорога в один дун» // Теегин герл = Свет в степи. – 1996. – № 2. – С. 116-120.
46. Померанцева Э.В. Русская народная сказка. – М., 1963.
47. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / Сост., пер. Б.Х. Тодаевой. – Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2007.
48. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
49. Пропп В.Я. Морфология сказки. – М., 1969.
50. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М., 1976.
51. Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / Сост., пер., вступ. ст., коммент. Д.Э. Басаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004.
52. Топалова Д.Ю. Проблема нравственной памяти в повести Олега Манджиева «Дорога в один дун» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. – 2011. – № 2. – С. 145-149.
53. Топалова Д.Ю. Развитие русскоязычной литературы Калмыкии в конце 1960-х – 1980-е гг. // Топалова Д.Ю. Русскоязычная поэзия Калмыкии: лирика Д. Насунова и Р. Ханиновой: монография. – Элиста: КИГИ РАН, 2014. – С. 29-31.
54. Ушанов М. Сценарист Олег Манджиев: «Жизнь не укладывается в девиз»: блиц-контент // Хальмг үнн. – 2013. – 31 января. – С. 13.
55. Ханинова Р.М., Бочаева М.С. Поэтика рассказа Олега Манджиева

«Змея» // «Сетевое востоковедение: образование, наука, культура», международная науч. конф. (2017; Элиста). Международная научная конференция «Сетевое востоковедение: образование, наука, культура», 7-10 декабря 2017 г. [Текст]: материалы. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. – С. 283-285.

III. РАССКАЗЫ РИММЫ ХАНИНОВОЙ

Из цикла «Военная быль»

Материнский хлеб

– Я не знаю, с чем это можно связать. И как это понять. Думаю об этом до сих пор. Но объяснений не нахожу. Уже и мамы моей нет, а память возвращается к тому дню. К 22 июня 1941 года. Началась война, – сказал он, – та самая, Великая Отечественная.

Объявили мобилизацию. Я тоже был призван в армию. Сборы были недолгие.

Мы жили с мамой вдвоем.

Она не плакала. Обняла на прощание и подала мне кусок ржаного хлеба.

Я отказался:

– Зачем, мама? Там все дадут. Да и куда я его сейчас дену?

– Возьми, сынок, – сказала мама. – Положи в карман гимнастерки.

Я вновь возразил ей:

– Не надо, мама.

Она настойчиво повторила:

– Положи в карман гимнастерки, но сразу не ешь. Там съешь.

Чтобы не огорчать маму перед отъездом, я согласился.

Тогда она сама положила этот кусок хлеба в карман моей гимнастерки.

И я уехал на ленинградский призывной пункт.

Не сразу вспомнил о материнском наказе.

По дороге на войну случайно нащупал в кармане съестное.

Покачал головой, но съел ржаной подарок.

На войне я стал связистом. Всякое бывало – под пулями, под снарядами надо было выполнять свою работу.

Всю войну прошел без единой царапины.

Вернулся к маме, пережившей блокаду.

О том хлебе мы с ней не вспоминали.

А когда мамы не стало, каждый раз, 22 июня и 9 мая, я вспоминаю о том ржаном куске хлеба, который дала она мне на войну.

Что меня хранило тогда?

Этот хлеб?

Мамино благословение?

И то, и другое?

Я не могу понять.

А вы?..

8.03.2015 г.

Пуля

Под Смоленском в сентябре 1943 года его батальон трое суток не мог взять высоту. Враг сопротивлялся, ведя огонь из тяжелых орудий с разных позиций. Несколько наших танков было подбито, и в бинокль были видны развороченные снарядами, почерневшие от копоти машины, на башне – не успевшие спастись танкисты в обгоревших шлемах и комбинезонах. Пехота полегла уже на подступах к высоте.

Дмитрий Горбов командовал пулеметным расчетом. И, когда батальон пошел ночью на штурм высоты, он вскоре заменил погибшего наводчика. После короткой очереди ужас охватил его: пулеметная лента оказалась с трассирующими пулями, выдавшими противнику его расположение. Сразу рядом стали ложиться немецкие пули. Но Дмитрий продолжал стрелять, решив вызвать огонь на себя, чтобы помочь продвижению атакующей пехоты. Не успев вскрикнуть, погиб и помощник наводчика.

Вражеские пули уже стучали по щитку пулемета. Одна из них, найдя смотровую щель, пролетела и ударила Дмитрию в лицо. Он тут же лишился сознания. Когда пришел в себя, ничего не увидел и не услышал – кругом тьма и тишина. Не сразу понял, что случилось. Подумал: ночь, наверное, оглох от канонады, да и отстал от своих, которые ушли вперед. Нащупал рядом автомат: горячий, будто нагрелся на солнце.

На самом деле, прошло более суток после боя. Санитары, собирая раненых, приняли его за мертвого: все лицо залито кровью, тело недвижно. Пуля же, попав в правый глаз раненого, прошла дальше в голову, застряв в двух миллиметрах от мозга.

Дмитрия настигла боль – он прикоснулся к глазам: сплошная рана. Он ничего не видел!

Озираясь, услышав близкий стон, осторожно спросил:

– Кто тут?

– Свой. Рядовой Савельев. Ранен в ногу.

– Что сейчас – ночь?

– Полдень, товарищ сержант.

– Полдень?.. – помолчал. Значит, почти ослеп. Сколько времени прошло после боя?..

Потом позвал:

– Идти можешь, хлопец?

– Сам не смогу.

– Ползи сюда. У меня с глазами беда: ничего не вижу, темень сплошная, як в подполе.

– Тут я уже, товарищ сержант, – отозвался чужой голос.

– Сержант Горбов, запомни на всякий случай. С Ростовской области.

– Есть запомнить, товарищ сержант.

– Ну, вот и ладно. Давай выбираться, боец. Слепому безногий – поводырь, а безногую слепой – что костыль. Что ж тебя санитары не подобрали?

– Мимо прошли, наверное, товарищ сержант. Да я их и сам не заметил. Наверное, сознание потерял на время... Кое-как позже себе перевязку сделал. Может, вам тоже перевязку, товарищ сержант?

– Не надо. Кровь давно остановилась, аж корка на лице, не сколупнешь. Лучше не трогать лиха, пока оно тихо, как у нас говорят в сальских степях.

Так с трудом и пошли, помогая друг другу, по пути останавливаясь передохнуть. Разговорились на привалах.

– Товарищ сержант, а вы воевали раньше?

– Досталось, боец.

– Видать, вы человек бывалый. А я со школьной скамьи. Из Ельни я.

– На финской был, ранило меня, в госпитале лежал. Летом сорок первого пришел домой. Думаю, все, отвоевался. Двадцать пять годков как-никак. Жена у меня, Аня, двое сынишек. Решил дом строить. Из самана. Знаешь, что это такое? Слышал? Ну, так в субботу, 21 июня, кончили делать этот саман, полсела подмогнуло. А в воскресенье, 22 июня значит, начали всем миром строиться. Днем пошел я в магазин за водкой, чтобы отметить, как полагается, стройку. И там узнал новости. Прибежал домой с пустыми руками, кричу: «Война с немцами, хлопцы!». А никто еще не знал, сразу даже не поверили. Как же, договор ведь с Германией этой заключили.

– Да, кто мог подумать, товарищ сержант.

– Через день ушел на войну германца бить.

– А меня недавно призвали, товарищ сержант. Я все пороги военкомата оббил, пока добился своего. Одноклассники на фронте тоже.

– Всем миром, как с Наполеоном. Страна наша большая, народу много, сдюжим, хлопец.

– Одолеем, товарищ сержант. Как же иначе?

– Да, боец, никак иначе нельзя. Вот только дойдем с тобой до наших, отремонтируемся малость, и в строй. Я до войны, видишь ли, на тракторе трудился. Не понаслышке знаю, коли механизм в порядке, то и работа всякая спорится.

Так и дошли до своих. «Битый битого ведет», как пошутил сержант Горбов.

Осмотрели его как следует и отправили самолетом в Москву в госпиталь. Уж очень необычный случай. Удивились те врачи такому пациенту, принялись за лечение. А пуля в голове сержанта оказалась блуждающей. И доставляла ему мучения.

– Братцы, хоть башку себе отрывай и выковыривай эту гулену оттуда, – говорил он, преодолевая боли.

Однажды в палате Дмитрий стал задыхаться. Раненые соседи послали за доктором. А один из них, могучий сибиряк, чтобы прекратить его страдания, не выдержав, вздумал помочь народным средством: несколько раз стукнул со всей силы здоровенным своим кулаком Горбова по спине.

И вдруг что-то металлическое цокнуло во рту по сцепкам, которыми раненому укрепили раздробленные зубы. Сразу стало легче, дыхание выровнялось, сержант повеселел.

А тут и доктор прибежал.

– Ну, вот, кричали, что Горбов умирает, а он улыбается, – говорит.

Разжали сержанту зубы, вытащили ту самую пулю, что тогда в правый глаз залетела, – позеленела она уже за это время.

– Зеленая какая, – только и выговорил Дмитрий.

– От злости, наверное, – пошутил сибиряк. – Загостилась, негодяйка.

– Подальше бы от таких непрошенных гостей, – поддакнул другой раненый сосед.

– Доктор, а скажите, какая уникальная операция – без скальпеля. Удар кулаком – и вот она, пуля-то, – недоуменно вымолвил сибиряк.

– Да от твоего кулака и снаряд выскочит, – не то, что пуля, – радостно отозвался сосед.

А Дмитрий молча смотрел на пулю, которую дал ему в ладонь доктор, и только задумчиво качал головой.

– Пуля дура, а штык молодец, недаром говаривал Суворов, – заметил сибиряк, заключив свой диагноз.

– Если хочешь, оставь себе на память, сержант, – сказал доктор, наблюдая за Горбовым.

– Наверде оберега? – уточнил Дмитрий.

– Что-то вроде этого, – ответил тот.

– А я бы выбросил, – сказал сибиряк.

– Оставлю, – решил Дмитрий.

– Ну, и хорошо, – согласился доктор. – А левый глаз мы тебе подлечим.

– Будешь бить фрица одним глазом, – подхватил сибиряк. – Кутузов разбил же француза.

Горбову врачи вернули зрение на левом глазе.

И после выписки он снова ушел на фронт. А за тот бой наградили его орденом Славы третьей степени.

Воевал до самого конца войны.

И всюду с ним во время войны в завязанном платочке кочевала та пуля. Время от времени он вынимал ее из кармана гимнастерки, рассказывал эту необыкновенную историю по просьбе любопытных людей, сам удивляясь своему везению.

Привез ее и домой, когда в 1948 году переехали на новое место, в бывшую Калмыкию, взял с собой. Лежала она теперь в комоде на дне металлической коробки из-под леденцов, откуда хозяин изредка ее вынимал, сопровождая свой рассказ.

Жена при этом снова начинала плакать, никак не привыкнув к пуле.

Дети осторожно дотрагивались, переспрашивали, гордились отцом.

– Батя, ты, как Кутузов!

– Ну уж Кутузов! – неловко отмахивался отец, но самому было приятно, что дети чтят память о войне.

– Ты бы написал об этом, – посоветовал ему сосед-инвалид. – Как все было. Пусть внуки и правнуки знают, как нам досталась эта победа.
– Запишу как-нибудь, – согласился Горбов.

16 августа 2015 г.

САН САНЫЧ

– Уважаемые телезрители, к нам на передачу приходят письма от ветеранов войны, – сказал ведущий. – Вот с одним из таких писем я хотел бы вас познакомить. Оно пришло из Белоруссии. На конверте подпись неразборчива, в письме тоже.

Я хотел бы вам его зачитать.

«Уважаемый товарищ писатель!

Пишет вам бывший партизан. Знаю, что вы тоже воевали, а после войны собираете рассказы ветеранов, чтобы написать еще одну книжку. Не знаю, понадобится вам моя история, которую хочу рассказать, или нет, но все же поделюсь, так как не дает она мне покоя до сих пор. Прошло уже с той поры немало лет, а, кажется, что недавно случилось это.

Думаю, получаете вы писем много, но прошу дочитать и мое послание до конца.

Не буду сообщать о себе подробности, как и где воевал, дело не во мне. А в мальчишке. Встретил я его в июле 1944 года, когда освобождали Минск. Дали нам тогда задание – взорвать мост через одну реку, чтобы не дать немцам пополнить свои боеприпасы, которые они подвозили по железной дороге. Вышли мы к нужному месту двумя группами: одна ушла на другой берег, а мы остались на этом берегу. Залегли надолго. Мост усиленно охранялся, поезда шли друг за другом. Не подобраться нам никак.

Так вот, когда переходили линию фронта, с нами был один мальчишка, лет десяти-двенадцати. Ничем не примечательный, белобрысый, разве что держался независимо. С нами в разговоры не вступал, да и мы его не донимали, понимали: раз ему разрешили с нами пойти, значит, тоже свое задание имеет. Вроде разведчика. С собой у него были какие-то наволочки, на продукты поменять, что ли. Маскировка, наверное. Это потом я уже узнал, что такие наволочки наверх деревьев развешивали для наших самолетов-разведчиков, указывали квадрат бомбежки.

Как только перешли нейтралку, наш сосед исчез. Да нам не до него было, все голову ломали, как задание выполнить.

На третий день мальчишка обнаружил нас. Вроде и спрятались, а глядишь ты – нашел. Лег за кустами с нами, за охраной наблюдает, как будто и ему надо. Не спрашивает ничего, смотрит и смотрит.

А в это время на станцию пришел один поезд под охраной и остановился. На соседний путь сразу же за ним подошел санитарный эшелон. Открылись двери, стали кого-то выгружать, кого-то подгружать, беготня,

одним словом. Охрана отвлеклась, подошла к санитарным вагонам, стала расспрашивать, как водится.

Мальчишка наш вдруг говорит: «Дайте ВВ».

ВВ, сами знаете, товарищ писатель, сокращенно – взрывчатое вещество. Мы растерялись, сразу не нашли даже, что сказать. Я ему сунул ВВ, не думая, как оно ему понадобится.

А мальчишка погода вышел на перрон, прошелся не спеша, и вдруг – нырнул под поезд. В это время раздался свисток, и поезд этот стал трогаться. Ну, думаем, всё – раздавили! Нет! Увидели, как постреленок успел перебраться в ящик под вагоном, где уголь возят.

Поезд стал набирать ход. А впереди него – мост, тот самый, который нам надо взорвать. И вот поезд уже на мосту. И где-то на середине моста послышались взрывы, вагоны стали друг на друга наезжать, грохот, крики.

«Подорвал себя!» – поняли мы, застыв на время. Но надо было быстро уходить. И мы снялись с места, пока нас не обнаружили.

Через полчаса догнал нас связной группы, что была на другом берегу. Она тоже стала отходить к лесу. Связной рассказал нам, что они видели, как перед взрывом с моста в реку бросился человек. Его заметила охрана, послали туда катер, чтобы выловить беглеца. Втащили его на катер и куда-то повезли.

Мы решили отбить пленного, соединившись с другой группой. Немцы привезли его в соседнюю караульную сторожку. Их было немного – человек шесть-семь. Мы их уложили сразу, когда ворвались в комнату. Они не успели даже ответить, не ожидали.

А мы все равно опоздали. Немцы прибили мальчишку к двери, а один из них бил молотком по его пальцам, все руки были в крови.

Мы осторожно сняли его с двери, кое-как перевязали, завернули в плащ-палатку и стали отходить. Нас вскоре обнаружили. Началась перестрелка. Потеряли шестерых, но сумели уйти от погони на время.

Мальчик все время бредил, просил вызвать какого-то Восьмого. Видимо, начальство свое. Называл неотчетливо свой московский адрес, говорил, что мать работает в Наркомфине, все ее знают там, что он сбежал на войну из третьего класса. Потом затих.

Нас загнали к реке. Мы нашли в камышах подтопленную лодку без весел, кое-как погрузили раненого вместе с двумя партизанами. А сами стали прикрывать их отход, боеприпасы уже кончались.

Через какое-то время немцы потеряли нас из виду.

Мы устало шли к партизанской базе и думали, каждый про себя, как там наши товарищи? Удалось ли оторваться от погони? Что с мальчиком? Выживет ли с такими ранами?

По прибытии доложили, что да как. Сообщили и о маленьком разведчике человеку из штаба. Тот молча выслушал, кое-что уточнил, потом сурово помолчал, махнул рукой и уехал.

А товарищей тех мы не дождались. Так и не знаем, какова их судьба. Что с ними случилось. И с мальчиком тоже.

Когда наши войска взяли Минск, я ходил по улицам, как будто что-то потерял. Случайно набрел на фотостудию. Решил сфотографироваться на память. И вдруг увидел в витрине фотографию нашего мальчишки. Не поверите! И я тоже не поверил вначале, когда увидел ее. Вбежал, схватил старого фотографа за руку и потащил на улицу к витрине. Тычу пальцем в снимок и спрашиваю, кто это? А тот ничего не поймет, растерялся, смотрит на меня, как на сумасшедшего. А я чуть с ума не сошел от радости: все, думаю, сейчас узнаю, что за мальчишка, как зовут его, адрес домашний. Говорю, где квитанция, что там написано. А старик отвечает, нет квитанции, мальчик сам забрал свою фотографию, а эта – на витрине – для клиентов. Приходил с танкистами, с ними и ушел после съемки. Сведения на квитанции не помнит, конечно, – много людей снимается для документов, для себя, для друзей.

Я спросил, как к мальчику танкисты обращались, по имени, наверно. И тут фотограф стукнул себя по лбу, сказав, что вспомнил, да, называли они его Сан Санычем.

Значит, Александр Александрович. В десять-двенадцать лет по имени-отчеству.

После войны хотел я поехать в Москву, товарищ писатель, попробовать найти Сан Саныча или его мать, как придется. Но так и не получилось. Женился, дети, работа. Нет-нет да вспоминаю тот июль сорок четвертого года, белорусскую станцию, взрыв поезда, караульную сторожку, мальчика в плащ-палатке.

Товарищ писатель, может, вам доведется в своей Москве узнать, где теперь Сан Саныч? Жив ли он?

Хотелось бы верить, что не зря мои товарищи погибли, вызволяя из плена мальчишку тогда.

Письмо помогла написать мне старшая дочка-студентка. Она читала ваши книжки про войну. Теперь читаю их я. Тяжело вспоминать войну, но не вспоминать еще тяжелей.

Подпись моя, конечно, неразборчивая, потому что двух пальцев на правой руке нет после одной нашей вылазки на железке. Да подпись и ни к чему. Речь-то не обо мне».

– Вот такое письмо, – сказал писатель, положив бумагу на стол. – Мы нашли этого мальчика, как просил ветеран войны. Правда, как вы видите, это уже взрослый человек. Это Александр Александрович Сергеев.

Расскажите нам, Александр Александрович, как сложилась ваша судьба после того, как вы отправились с партизанами на лодке? Что случилось? Как удалось спастись?

Сергеев в телестудии был впервые. Смутился и соседства со знаменитым писателем-фронтовиком, который вел передачу о героях войны, собирая материалы о боях-сражениях, знакомя с неизвестными их участниками.

У гостя простое, славное лицо. Он одет в костюм с галстуком: все-таки всесоюзное телевидение. Глаза у Сергеева светлые: не то серые, не то голубые, эфир-то черно-белый – не различить.

– Как удалось спастись? – задумчиво повторил он и помолчал, как бы собираясь с мыслями. – Непросто, – сдержанно и неторопливо продолжил Александр Александрович. – Когда я с двумя партизанами переправлялся на лодке через реку, уже на берегу в одного из них попала пуля. Там мы его и оставили. Надо было уходить, а я не мог сам передвигаться: меня нес на руках или тащил по земле на плащ-палатке Иван. Так звали другого партизана. Он был молод, быстро уставал, да и я ничем не мог ему помочь.

Уже темнело. На пути нам попалась деревня. Иван пошел на разведку, узнать, есть ли там немцы. Вернулся вскоре и сообщил, что никого нет – ни своих, ни чужих. Видно, заброшенная деревня. Добрались мы до ближайшей хаты, вошли, осмотрелись. Что было съестного, поели-попили. Еды было мало, но немного подкрепились и спрятались в устье печи: вдруг появятся немцы.

Но никого не было ни в этот день, ни на второй день. И на третий Иван пошел раздобыть какой-нибудь еды. Может, в соседних хатах. Ушел с утра. Я ждал до вечера. Думал, придет ночью. Но он так и не вернулся. Не знаю, почему. Да на войне как на войне. Наверное, кто-то выдал или встретил немцев. Не мог он меня бросить...

На следующий день я услышал, как в деревню въехали танки. Они прошли мимо окон хаты, где я лежал. Но я не видел, чьи они: наши или нет. Подняться не было сил, кричать тоже. Да и кто услышит, когда такой грохот стоял?

А на завтра появились солдаты. Наши! Они ходили по хатам, смотрели, есть ли живой кто из местных. Так и нашли меня в печи.

Привезли в санчасть, стали лечить. Потом отправили в госпиталь в Москву самолетом. Вылечили. Вернулся на фронт, в свою часть. Там не хотели меня брать, после ранения, предлагали учиться. Но я остался. Так всю войну и прошел.

– Я заметил, – сказал писатель, – что настоящие герои всегда скромные. Как наш гость. А на вашем заводе знают, с кем они вместе работают?..

– Я не один был на войне, – просто ответил Сергеев.

– Вот такая история, с которой мы сегодня познакомились. Я рад, что ответил на письмо ветерана. Думаю, что мы еще не раз встретимся в этой студии и услышим новые рассказы о войне.

До свидания, товарищи.

26 сентября 2015 – 28 марта 2016 г.

СОБАКА

Он стал известным актером после войны. Снимался в разных кинофильмах, в том числе и про войну. Но о ней не любил рассказывать. Даже когда мы с ним выпивали.

Во время войны ему было мало лет. Он любил море и хотел стать моряком. И неизвестно, окончил ли Жора школу юнг или краткосрочные курсы.

Он это не уточнял, да и мало кто спрашивал, поскольку не все знали, что он воевал на флоте.

Ходил Жора в море на катере. Сменил их за войну несколько. Не по своей воле. Так получилось, что в его катер во время боев попадали снаряды или он наткнулся на бомбу. Экипаж поэтому время от времени менялся, а Жора оставался. В морской рубашке, наверное, родился, изредка говорил он.

Тельняшку он любил, как и бескозырку. Конечно, как все моряки. Наверное, при случае рвал тельняшку на груди, как водится. Характер у Жоры был с морской солью, жгучий, острый. Мог сказать что покруче, а то и ударить. Кулак у него был тяжелый, хотя ростом он не вышел, так, где-то среднего. Сам не любил серединку на половинку во всем. Это и мешало порой.

Однажды он выпил, не так чтоб уж сильно, но, видно, хотелось поговорить. И рассказал мне коротко, как спас собаку. Там, на войне. А она потом спасла его. Бывает же такое, не поверишь.

Так вот, когда стоял их катер, ждали какого-то проверяющего из начальства. Жора как-то особенно не уточнял, где это было, в каком порту. Да и не в этом суть. А в том, что Жора привел на катер собаку, дворняжку обычную, подобрал где-то. А на катере военном, сам понимаешь, дисциплина. Какая там собака! Но моряки привыкли к ней, да и капитан не стал решительно возражать. Посмотрел на собаку, помолчал и ушел. Так она и осталась. Хотели кличку дать, да кто ее знает, как ее раньше звали. И Жора не настаивал. Так и звали Собакой. Вроде как имя.

И вот пришел на катер проверяющий, на беду увидел эту Собаку. Ну и, понятное дело, сразу в крик: развели на военном объекте всякую живность! Так вас раз так! Ну не успели опомниться, как он схватил дворняжку и выбросил за борт! А Жора – за ней! Схватил ее в воде, подплыл к катеру. А там уже моряки помогли подняться им. А проверяющий даже не взглянул, живы ли человек и собака. Развернулся и уехал на машине. Правда, распоряжений своих не повторил. Капитан и оставил все, как есть.

А потом катер снова вышел в море. Жора не сказал, через какое время это случилось. Может, сразу после случая с Собакой, а может, и нет. Так вот, вышли в море, наскочили на вражеский корабль. Начался бой. И вдруг Собака, испугавшись, хотя ей было не впервой попадать в такой переплет, бросилась в воду. А Жора? Что Жора? Хоть и бой, он за ней в море. Утонет ведь дворняжка. И что ты думаешь? Только успел он отплыть за Собакой, как в катер попал снаряд. Народу полегло на палубе. А Жора с Собакой уцелели.

Тут и немцы ушли на корабле, решили, что катер все равно пойдет ко дну. А наши моряки кое-как починили, что надо, и вернулись на базу. И Жора с Собакой тоже. А ты говоришь, дворняжка! Что потом с этой собакой случилось? Жора не говорил, а мы и не спрашивали. Он такой, если хочет, то скажет. А нет – не лезь к нему.

Ну, вот, как я говорил, Жора стал актером, когда война кончилась. Сни-

мался и в фильмах про моряков. Наверное, мог и сравнить, что и как. Но в подробности не вдавался.

Женился, как водится. Завел со временем и собаку. Не знаю, как звали. Долго она у них жила. Потом от старости померла. Надо похоронить. Схоронил он ее в ближайшем от дома парке. А дальше что-то непонятное. Вернулись помянуть собаку, то ли с соседом, то с приятелем случайным. Выпили, конечно, за помин души...

Ты-то веришь, есть у животного душа?.. Не знаешь?.. Вот и я не знаю.

А Жора, наверное, верил.

Может, тот, который с ним был, что-то ляпнул по пьяни, да кончилось это худо. Жора и так переживал, а тут еще добавилось. Не стерпел – ударил обидчика. Нож на столе лежал. Получилось – насмерть.

Суд был. Дали Жоре срок за убийство по неосторожности, кажется. В общем, непредумышленное. Потому что толком трудно было разобраться. Жора не особенно разговорчив, а тут, говорят, переживал. Человека убил. Да что говорить, друзья пытались заступиться. А то, может, и другое наказание было бы. Хотя, правды ради, говорю, что слышал. А болтали разное. Как же! Артист-то известный!.. Жалко всех.

Что потом?.. Отсидел Жора, вышел. Приглашали его в кино сниматься, наверное. Не знаю. А может, и не звали. Времена-то, сам понимаешь, какие были. Перестройка. Перестроились, значит. Такая, помнится, была после съезда, в пятьдесят шестом. Слышал об этом?..

Да только Жоре от этого не легче было.

А ты говоришь, собачья история.

Собаку-то твою как зовут?.. Прямо, как человека.

Ну, гуляйте, гуляйте. А я еще на лавочке посижу. Что-то к вечеру ноги разболелись. И то сказать, старость...

28 марта 2016 г.

ПЕЧНИК

– Дедушка, нам задали прочитать стихотворение Твардовского «Ленин и печник», – сказал Миша, присаживаясь рядом с дедом, листавшим газету.

– Твардовского? – Макар Трифонович повернулся к внуку. – Того, который про Теркина написал? На фронте мы читали. Как придет номер газеты с отрывком из поэмы, так сразу читаем, обсуждаем. Особенно запомнилось, как Васька в самолет стрелял из винтовки...

– Да разве попадешь в самолет из винтовки? Самолет высоко летает. Что-то ты, дедушка, путаешь.

– Ничего не путаю, говорю, как читал. Когда самолет низко летит, можно попасть умеючи. Да и вообще все получится, если стараться. Читай, внучек, этот стишок про печника.

– Да там и про Ленина. Владимира Ильича.

– И что же?

– Да вот Маргарита Петровна, учительница наша по литературе, говорит, что надо советскую классику читать по-новому.

– Это как – по-новому? – заинтересовался Макар Трифонович.

– Между строк.

– Как «между строк»? – не понял дедушка.

– Ну вот встретился Ленин, когда жил в Горках, с местным печником, а тот, не зная, кто перед ним, обругал его за то, что он топчет покосы. А когда узнал, что это сам Ленин, «так и сел старик».

– И что?

– Испугался, значит. «Сел» – он и в прямом смысле мог сесть в тюрьму.

– За что? – удивился Макар Трифонович.

– За то, что начальство обругал, самого главного человека в стране.

– А Ленин что же? Что в стихотворении говорится? – спросил дедушка.

– А тут написано: «Хорошо ругаться можешь, – только это и сказал».

– Вот. А ты говоришь – тюрьма.

– Да, это и называется «между строк», – пояснил Миша. – Потому что время прошло, лето, осень, и зима наступила. А печник все тот случай помнит, тревожится. И не зря. Приехали все-таки за ним два военных седока.

– И что же?

– Дедушка, ты не читал, что ли, этого стихотворения? – нетерпеливо спросил внук. – В Советском Союзе все по школьной программе его читали, даже наизусть учили. Сейчас хоть не требуют, чтобы выучили. Правда, стих-то легкий, запоминается.

– Внучек, когда я в школе учился-то. До второй мировой войны еще. Всего не упомнишь. Вот про Теркина помню, даже кое-что могу и рассказать. Но это же на фронте было. Это свое.

– Приехали военные, зашли в избушку, спросили, как зовут старика.

– Понятно, чтоб ошибка не вышла, – поддакнул Макар Трифонович.

– Что они не знают, куда ехали, дедушка? Это же особый отдел. Раз с Лениным. Знали, к кому едут и зачем едут. А печник тоже все понял: «Свесил руки: – Вот он я». Так и написано, «свесил руки», ждет, когда наручники наденут.

– Виноватый, выходит. Ну и посмотрелся ты, Мишутка, фильмов!

– Да при чем тут ругался или нет он с Лениным! Дедушка, это же о репрессиях против крестьян говорится. Иносказательно, между строк.

– И дальше что?

– Старик засуетился, никак в рукав шубы не попадет, а жена сразу ему сказала, что за грубые слова его забирают. Он же ей сразу тогда рассказал, с кем встретился на покосе. Ну и плакать, конечно, старуха стала. Не увидятся. А один из военных приказал ему взять с собой инструмент.

– Какой такой инструмент?

– Дедушка, он же печник! Ящик какой-нибудь с инструментами. Мастерок, совок, веревку. Что там у них еще бывает, у печников.

– Ну, а ты говорил, в тюрьму. Кто ж с инструментом своим туда пойдет?

Там, все, что нужно, и дадут. Значит, поработать взяли, – высказал догадку Макар Трофимович.

– Какой ты догадливый, дедушка. Так и есть. Привезли его в Горки, вышел к нему этот лысый человек, которого печник обругал, и попросил помочь. Не греет печка, дымится.

– Значит, хороший мастер, – сказал дедушка, – раз к Ленину привезли.

– А Ленька из нашего класса сказал, что это использование служебного положения.

– Как так?

– А так. Не будет же печник у Ленина деньги просить за свою работу. Рад, что легко отделался. Печку отремонтировал. Домой вернулся.

– Разве нельзя сделать доброе дело человеку? – удивился дедушка.

– А почему Ленин ему не заплатил за работу? Ты об этом подумал, дедушка? Мог бы заплатить. Раз похвалил еще за работу. Вот, слушай: «Хорошо работать можешь, очень хорошо, старик».

– А, может, Владимир Ильич подумал, что обидит этим печника, когда даст ему деньги? – подсказал Макар Трифонович.

– Кого же деньгами можно обидеть, дедушка? – удивился Миша. – Если он их заработал. Печку ведь наладил, а раньше дымилась. И вот Иришка на обсуждении в классе заметила, что раньше таких хороших слов якобы печник ни от кого не слышал, даже чуть не заплакал, зачесались у него глаза, а руки в глине. Выходит, раньше плохо работал? Такого не может быть, раз за ним послали военных. Это что-то автор напутал. Или хотел подчеркнуть, что именно от Ленина эта похвала печнику важна, раз он его тогда обругал. Да вот, слушай, сели они пить чай, про то, про се говорят, а печник все думает, как бы извиниться перед хозяином. «Приступил старик с тревогой к разговору об ином». Видишь, все тревожится, боится, что в тюрьму или в лагерь попадет.

– Раз чай сели пить, не в тюрьму же садить, – усмехнулся дедушка.

– А печник все равно просит прощения, признает свою ошибку на лугу, – продолжал Миша.

– А Ильич?

– Я тебе прочитаю:

«Только Ленин перебил:

– Вот ты что, – сказал с улыбкой,

– Я про то давно забыл...»

– А-а, – протянул довольный Макар Трифонович, – я тебе что говорил?

– А ты бы забыл? – вопросом на вопрос полюбопытствовал Миша.

– Я-то? Наверное. Потом у Ленина только и дел, что помнить, как его старик обругал. За дело ведь. Не топчи покос, правильно. Ленин-то – городской житель, пошел лугом. Задумался, наверное. Хотя ругаться, конечно, нельзя.

– Дедушка, что же остается тогда между строк? Вот печник чай попил с Лениным, угощение еще доброе было, потом домой засобирался. Оглянулся

не спеша еще на трубу, правильно ли идет дым. «Не спеша», значит, уже не боится, что посадят. И пошел пешком. Счастливый и свободный. Хотя, думаю, за такую работу военные могли бы и подбросить его к дому. Он же там садом, полем добирался. И жена ведь не спала, говорит, что душа горит. Боялась, что не вернется старик. А тот еще ей и похвастался, что чай пил с самим Лениным.

– Вот как хорошо кончилось. Помог делом, сделал добро. Вот что между строк, как ты говоришь. Посуди сам. Там Твардовский пишет, как печник работал в Горках? – спросил Макар Трифонович.

– Пишет.

– Дай-ка книжку, Мишук, посмотрю сам, что пишет твой автор, – дедушка взял книжку, пробежал глазами по строчкам, помогая себе пальцем, потом поднял его вверх назидательно. – Вот сказано: старик, как доктор, голландскую печку обстучал, понял, в чем беда, и принялся за работу. «Кирпичи по струнке ровно. Мастерит легко, любовно, Словно песенку поет...». Так прямо и написано. Вот так и понимай: не ищи то, чего нет, не придумывай.

Жизнь сама тебе придумает, только успевай записывать. Да вот хотя бы про печника тебе расскажу. Про другого. Не из книжки. Из жизни. Давно как-то прочитал я, Миша, в «Красной звезде» одну заметку. Уж не помню, как называлась. Даже вырезал я ее из газеты. Где-то в бумагах моих лежит, желтая стала от старости. Как-никак, это 1963 год. Сколько уж лет прошло с тех пор? Много. То-то и оно, не один десяток лет. Двадцать первый век уже. Конечно, кое-что запомнил я, но главное все же помню.

– Да что там можно про печника забыть? – удивился внук.

– Не скажи-и, – протянул дедушка. – Жизнь-то у него длинная была.

– И что там интересного? Всю жизнь с печами провозился. А теперь печи такие, может, в деревнях остались, да и то вряд ли. Газ везде и электричество. В общем, пещерный век.

– Сам ты пещерный век, – слегка обиделся Макар Трифонович. – Мастер – он всегда мастер. Хоть в какой век. Ну не хочешь – не слушай.

Миша тронул дедушку за рукав:

– Дед, ладно, не обижайся. Рассказывай, может, что и пригодится мне для урока на завтра. Про печника.

Макар Трифонович немного помолчал, вспоминая, наверное.

– Звали его Тихон.

– О, как мужа Катерины из «Грозы» Островского, – встрепенулся Миша.

– А фамилия у него была то ли Горшков, то ли Гончар, – продолжал Макар Трифонович, не обратив внимания на слова внука. – Попал он на войне в окружение.

– На какой войне? – уточнил внук. – На афганской?

– На какой? Известно, на Отечественной, которая в сорок первом году началась. Так вот, взяли Тихона в плен фрицы. Не только его одного, многих наших солдатиков. Сам знаешь, как война началась, как не готовы были. Много тогда в плен попало – сотни тысяч наших солдат и офицеров. Уда-

лось Тихону бежать из плена во время конвоирования в лагерь. Не одному, с товарищами, такими же пленными. Осталось их шестеро. Организовали они свою диверсионную группу, к ним еще двое красноармейцев прибилась. Раздобыли с боем оружие, запаслись боеприпасами, подбили как-то автомашину, стали готовить диверсию на железной дороге, да наскочили на немецкий патруль. В живых остался Тихон со своим земляком из Воронежской области, с Ильей Зиминим. Утром встретились в лесу с орловскими партизанами. Раненого Зимина отправили в ближайшее село, а Гончар остался в отряде. До войны он работал печником, ремесло тут сгодилося: так закладывал фугасы в мосты, что фрицам незаметно было, и взрывались составы с постоянным успехом.

А потом свалил Гончара тиф. Оставили его в одном селе, которое не занято было фрицами, там и Зимин долечивался.

— А что и такие были в тылу врага?

— Да, внучек, и такие были. Бывало, переходили из рук в руки не единожды. Вот в это Пугачево и нагрянули фашисты после одной диверсии партизан. Зимин успел спрятаться, а Гончар — нет. Доставили его в деревню Хитровку, где был немецкий гарнизон, стали допрашивать, пытали, изуродовали обе кисти — разбили прикладами и молотками. Не добившись своего, отвели на расстрел. Вот и запомнил печник этот день — 7 января 1942 года. День своего рождения.

— Что и вправду у него был день рождения тогда? — спросил Миша. — Ничего себе.

— Можно сказать и так, — ответил Макар Трифонович. — Поставили его на краю обрыва, повернули чуть влево, чтобы двоим конвоирам было удобнее стрелять одновременно. Одна пуля попала в голову, вторая — в верхнюю левую часть груди...

— Да, — вздохнул Миша, — насмерть.

— Не скажи-и, — опять протянул дедушка. — Очнулся Тихон ночью, холодно, январь на дворе. Язык как деревянный, левую половину тела не чувствует совсем. Оказалось, что первая пуля вошла чуть пониже затылка, ударила по коренным зубам, выбила передние и вышла в рот. Вторая пуля пробила грудь выше сердца. Выбрался еле-еле из оврага, немцы не закопали его, не захотели возиться. Иначе точно смерть. Посуди, Мишук, какие ранения тяжелые, да еще кисти рук разбиты. И ползти-то тяжело. Не помнил, как добрался он до крайнего дома в деревне, дополз до порога, пробовал скрести дверь, да кто услышит. Лег тогда на спину и стал стучать ногами.

— Догадался, — выдохнул внук.

— Догадался, — подтвердил Макар Трифонович. — Услышали его, открыли дверь, втащила какая-то женщина в свою избу. Посмотрел он на стенные часы, а уже полночь: пять часов был на морозе. Понял, что отморозил руки-ноги, не чувствовал их.

Утром повезли его от села к селу, до Пугачева, которое снова стало свободным. По дороге в одном селе посмотрел Гончара один врач, обработал,

как мог, раны, предупредил, что нужна ампутация пальцев на руках и ногах, иначе гангрена. А у него инструментов нет, да и немцы контролируют округу.

Спас Гончара Никита Иванович Прошкин, который до войны работал в военкомате, потом во время войны заболел, спасался от фрицев, как мог. Он-то сначала дал наркоз самогоном, а потом обычным кухонным ножом отсек Тихону почерневшие пальцы. Помогали «хирургу» Зимин и сестра Прошкина.

– Прямо-таки «Повесть о настоящем человеке», о Маресьеве-летчике, – сказал Миша. – Только тому, как ты помнишь, дедушка, ноги ампутировали. А он не сдался, научился не только ходить на протезах, но и летать на самолетах в войну. Кажется, таких случаев в мировой практике немного.

– А что ты думаешь? – кивнул головой Макар Трифонович. – И Гончар встал на ноги, тоже научился ходить после операции. И вернулся к партизанам.

– Да как же он без рук воевал?

– Почему без рук? Без пальцев. Приноровился. Он же минером был на войне. Да и товарищи рядом. Короче, однажды в Пугачево снова ночью налетели каратели, взяли врасплох шестерых партизан, среди них Зимины и Гончара.

– Какая-то заколдованная деревня, дедушка, – пробормотал внук.

– Да никакая не заколдованная. Обычное дело в тылу врага. Кто отбил, кто напал. Повели их железнодорожной насыпью в гестапо. По дороге конвоиры развлекались, ставили над обрывом, фотографировали, как расстреливают пленных, позировали, одним словом. Ну и понятно, один из них полоснул не поверх голов, а понизу. Осталось пленных четверо. В полдень привели их в гестапо, часть из них допросили, потом закрыли в избе до расстрела. Вначале расстреляли пятерых, из тех, кто уже сидел до прибывших. Потом вызвали на допрос Зимины с Гончаром. Они приготовились уже к худшему.

– Дедушка, а говорят, снаряд не падает дважды в одну воронку, – напомнил Миша.

– Много чего говорят, Мишук, – отмахнулся Макар Трифонович. – Повезло им в этот раз, Зимины и Гончару. Староста из Пугачева, видно, был связан с партизанами, признал в пленных своих односельчан. А тут еще и Тихон сказал, что не служил в Красной Армии, заболел тогда тифом, затем на лесозаготовках обморозился, так что лишился пальцев на руках и ногах. Какой из него вояка? Поверили фрицы, отпустили их.

Стали они в селе своими людьми, напарниками по печному ремеслу. Вначале Тихон показывал, а Зимин клал печи, ремонтировал, чистил дымоходы, так и жили.

А тут фронт стал приближаться. Вернулся, наконец, Гончар на родину. А тогда проверяли всех, кто был под немцем, не сотрудничал ли, не изменник ли. И Тихону тоже выразили недоверие в райвоенкомате. Обидело его это,

сам понимаешь, Мишук. Запил. Может, так и пропал человек. Да один бывший двадцатипятилетний...

– А, это те, которые коллективизацию в деревне проводили, – вспомнил внук. – Ленинский призыв, так сказать.

– Вот этот Андрей Иванович и помог Тихону, стали они вместе работать, как когда-то с Зиминим. Не все получалось, понимаешь, сразу. И кирпичи из рук падали на ноги, лопаточка не держалась, молоток скользил. И печки получались не сразу. Но ведь под лежащий камень вода не течет, поговорку знаешь. Сложили они не одну печь с Андреем Ивановичем.

А спустя много лет приехала к Гончару неожиданная гостья, дочка сестры Никиты Ивановича Прошкина. Угнали ее вместе с матерью в Германию. Выросла уже, конечно, не сравнить. Раньше ее Тихон на коленях нянчил, а теперь...

– В общем, телепередача «Жди меня», – сказал Миша.

– «Жди меня, и я вернусь...». Это Симонов написал, знаешь?

– Знаю, четырнадцать раз «Жди меня» на тридцать шесть строк.

– Да хоть все тридцать шесть «Жди меня», – укорил Мишу дед. – Не понять вам, молодым...

– Не сердись, дед. Каждому свое. У вас свои войны и воспоминания, у других свои войны и воспоминания. Но я согласен, твой печник – супер. А что, дедушка, была у Гончара семья? Ничего об этом не сказал. Женился он? Дети?

– Ничего в газетной заметке об этом не написано. Не могу сказать.

– Ну и память у тебя, дед. Сколько десятков лет назад прочитал историю, а рассказал, как вчера услышал. Болезнь Альцгеймера тебе не грозит.

– Дай бог. Еще Александр Сергеевич писал...

– Это который?

– Пушкин. «Не дай мне бог сойти с ума...»

– Не дал же.

– Не дал, – подтвердил Макар Трифонович. – Вот тебе, Мишук, смысл и в строках и между строк, по-новому и по-старому, как хочешь. Печник раньше был главным человеком на селе. Нет печки – нет жизни. Печка тебе на все случаи жизни: и накормит, и напоит, и спать уложит, и вылечит от всякой хвори. Как-нибудь поедем в дальнюю деревню, к знакомому печнику, я с ним тебя познакомлю, печь настоящую посмотришь.

– Не с Гончаром ли?

– Нет, другой печник. Но не хуже Гончара, я тебе ручаюсь. Ладно, иди спать. Я все-таки свою газету дочитаю, Мишук...

28 марта 2016 г.

ПАРТИЗАНСКАЯ МАДОННА

В белорусском Музее Великой Отечественной войны есть такая фотография: улыбающийся мальчик лет двенадцати в военной форме – пилотка, гимнастерка, ботинки. Сын полка Ваня Станкевич.

А ее фотографии нет. Партизанской мадонны. Потому что она не вернулась с задания – погибла.

Могли бы запомнить ее по Ваниным рисункам, но их в музее нет.

...Ваня рисовал с детства. Как только улучит свободную минуту, схватит карандаш и что-то в тетрадке чертит. Показывать не любил. Говорил, что пока не получается: самоучка. Но вот когда выучится на художника, тогда смотрите, сколько хотите. Может, даже в галерее или музее, на выставке. Домашние посмеивались, но не настаивали. А вдруг и вправду что-то получится.

В школе Ваня помогал старшим ребятам делать стенгазету. Рисовал черепаху, зайца, велосипед, машину – это октябрятские звенья соревновались, кто лучше учится. Лучше получались зверюшки, остальное, особенно машина, не особенно. Велосипеда в семье не было. Полуторок в колхозе две, и то приходилось часто ремонтировать. Старушки, одним словом. Должны были получить новый грузовик.

Деревня была небольшая, но ребят хватало. Играли в казака-разбойника, в «ножичек», в «пятнашки». Ваня играть любил, но больше – рисовать. Хотя бумаги не хватало, да и карандаш быстро тупился, приходилось его осторожно точить, чтобы не сломался грифель. Таких тетрадок с рисунками у Вани набралось несколько. Он хранил их в укромном месте, думая, что никто до них не доберется, особенно два старших брата и сестренка. Мама тетрадки нашла случайно, открыла на минутку одну из них и быстро закрыла. Вроде как подглядывает – нехорошо.

А тут война началась. Взрослых забрали на фронт. Ушел и Ванин отец.

Остались в деревне старики, женщины и малые дети.

Скоро немцы дошли и до Ваниной деревни, забрали всех жителей куда-то. Ваня был в это время в лесу – рисовал сосны. Вернулся домой, а там никого нет. Бросился искать по деревне, но никого не нашел.

А утром в деревню зашли партизанские разведчики. Куда мальчонке деться? Взяли с собой. Так Ваня оказался в партизанском отряде. Выдали ему обмундирование, подогнав по росту. Стал он ходить в разведку.

В свободное время Ваня продолжал рисовать. Командир партизанского отряда Мишин подарил бумагу, карандаши. Не для баловства. Нужно писать лозунги, помогать в выпуске стенной газеты, да ему и не привыкать: в школе научился. Еще он рисовал портреты боевых товарищей. Получалось поразному, но никто не корил; радовались, разглядывая себя, иногда указывая, где промахи: нос картошкой, уши торчком, глаз косит.

Однажды Ваня заболел, простудился на задании: нужно было переплыть речушку, а вода уже холодная, сентябрь. Вернулся, дрожит, как лист осиновый, температура, слег надолго. Ухаживала за ним Женя, медсестра в отряде. Давала лекарства, делала уколы, кормила-поила. Руки ее, когда она меняла компрессы на горячем лбу больного, были прохладные, но заботливые. Ване она казалась Царевной-лягушкой из сказки: все у нее получалось,

быстро и ловко. И красивая была. Или она ему такой виделась, потому что они подружились.

У нее были светлые глаза и светлые волосы. Они на рисунках трудно передавались. Чего-то постоянно не хватало, а что именно – маленький художник не мог понять. Потому и прятал рисунки от всех, и от Жени в том числе. Хотя иногда хотелось ей показать – что она скажет? – но стеснялся. А вдруг ей не понравится.

Нечаянно рисунки эти увидел командир отряда, долго разглядывал, потом сказал:

– Похоже. Но можно и лучше. Старайся, Ванюшка. Рисуй. Потом отдашь мне, ладно? Какой-нибудь один, на память.

Ваня не удивился просьбе командира. Женя была в то время единственной женщиной в отряде. До нее тоже женщины были, одни погибли, другие ушли в соседний отряд по разным причинам.

Ваня потом отдал рисунки командиру, все, где была Женя. У него они будут в сохранности в штабной землянке.

Вскоре отряд попал в блокаду, немцы окружили лес, стянули войска. В день партизаны отражали несколько атак. Кончались боеприпасы, продукты. Надо было думать о прорыве. А для этого – послать людей в разведку, чтобы найти слабое место в фашистском кольце. Кругом болота. Пытались вслепую пробиться в нескольких направлениях, но встретили сильный огонь.

Ваня потом случайно услышал разговор в штабной землянке. Женя хотела пойти в разведку с ребятами, а командир не разрешал: опасно. Раньше она ходила на такие задания, выдавая себя за беженку или крестьянку. А тут командир почему-то запретил. Даже накричал на медсестру. Если уйдет, что будет с ранеными, о них она подумала? А Женя обещала скоро вернуться.

И не вернулась. Как объяснили разведчики, они напоролась на засаду. Еле ушли. Пришлось Женю оставить там: пули попали ей в живот. Ребята только прикрыли ее ветками, чтобы немцы не наткнулись, даже на мертвую. Надо было выполнять задание. Они нашли место для прорыва.

Отряд вышел из окружения. С потерями.

Ваня освобождал Варшаву, штурмовал Берлин.

После войны поступил в Суриковский институт, учиться на художника. Для дипломной работы решил написать картину из военной жизни. Вспомнил Женю. А рисунки свои он оставил тогда у командира отряда. Приехал он на каникулы в Минск, разыскал своего командира. Михаил Иванович обрадовался встрече, тому, что Иван теперь станет настоящим художником.

– Это здорово, Ваня! Ты же наш партизанский художник. Немного было таких в войну. Помню-помню твои карикатуры. И на Гитлера тоже. Ты его на сосну, как на кол, посадил. Я в тебя верил. Но кто знал, выживем или нет в той войне. Бог дал, свиделись.

Вспомнили прошлое.

– А я к вам, Михаил Иванович, за своими рисунками. Выхожу на диплом. Надо картину написать. На какую тему? Конечно, на партизанскую.

Хозяин оглянулся на соседнюю дверь, провел гостя на кухню. Видно, он завтракал, когда пришел Ваня. На столе чугунная сковорода с остывшей уже жареной картошкой с луком, рядом надкусанный кусок черного хлеба, алюминиевая вилка на клетчатой клеенке. Чайник на плите. Фартук на спинке стула. На подоконнике герань цветет. Старый холодильник с поцарапанной дверцей.

– Ты садись, садись, Ваня. С дороги же. Давай чайку, сейчас нагреем воду. Картошку будешь? Ты ешь, не стесняйся. Обед еще не ставили. Хозяйка приболела.

– Спасибо, Михаил Иванович. Сыт я. На железнодорожном вокзале в буфете перекусил.

– Ну так чаю тогда. Как же без чаю. Помнишь, наши партизанские чаи? На листьях, на травах, на ягоде. Пахучий чай был тогда, не то что теперешний. Труха одна. Вот тебе чашка, сахар клади. Тебе сколько кусков?

– Да нисколько. Я чай без сахара пью. С тех пор. Привык уже. Не хлопочите, Михаил Иванович. Так что с рисунками? Далеко ли? Тут у вас, дома?

Михаил Иванович повернулся к плите, выключил газовую конфорку, поднял полотенцем чайник, снова поставил. Потом развернулся к столу, сел, помолчал, опустив глаза. Смахнул со стола хлебные крошки в рот.

– Вань... ты прости меня, старого, – медленно сказал командир. – Не сберег я твои рисунки. Война, сам понимаешь. Поначалу хранил. В несколько газет завернул. На дне чемодана лежали. Потом во время переезда из коммуналки в эту квартиру недоглядел: хватились того чемодана, а нет его. Довоенный был чемодан. Много в него вмещалось вещей... Я, видишь ли, время от времени доставал твои рисунки, смотрел, вспоминал. Там же не только с Женей были...

Он помолчал.

– Что уж говорить... Давно это было. Любовь у нас Женей вышла. Любил я ее. Я ведь холостой до войны был, не успел жениться.

Михаил Иванович встал, отвернулся к окну, сказал приглушено:

– Помнишь, окружение в октябре сорок второго близ Стожар? Когда ребята с разведки вернулись, без Жени? Рассказали, куда она ранена насмерть была. В живот. А у нее ребеночек зародился тогда. Призналась сама. Потому и не хотел я ее в разведку пускать. А она говорила, что срок маленький, ничего, а те места хорошо знает, ребятам поможет. Сколько раз в разведку ходила...

Вот говорят: время лечит, – повернулся ветеран к гостю. – Да не лечит, Ванюш. Только калечит. Столько лет прошло, голос ее помню, песни ее помню, волосы мягкие у нее были, светлые такие. А вот лица уже не вспомнить. Как в дымке, тумане каком. Поначалу там, на войне, снилась. С ромашкой. Любила гадать: любит – не любит. А чего гадать? И так ясно. Помню, как-то венок сплела из ромашек этих. На голову надела. Жаль, говорит, что зеркала большого нет, красиво, наверно. Да, красиво, говорю я. Да и как иначе?

– А имя Евгения переводится как благородная, – зачем-то сказал Иван.

– Да? – рассеянно отозвался Михаил Иванович. – Из простых она была, из деревенских кровей.

Потом сказал, положив руку на плечо Ивану:

– А ты напиши, Ваня, картину по памяти. У тебя память-то молодая, не сравнить. Опять же художник. Цепкий, значит, взгляд. Не забудь показать потом. Если жив буду. Сердце пошаливать стало. Детей у нас с женой нет, не случилось. Так друг дружку и поддерживаем. Как картину назовешь? Или не придумал еще?

– Партизанская мадонна, – ответил Иван.

– Мадонна, говоришь? – переспросил Михаил Иванович. – Матерь, значит.

– В телогрейке, – уточнил художник. – А рядом ребята.

– Это хорошо, – подтвердил Михаил Иванович, – с ребятами. Все не одна на картине будет.

13-14 апреля 2016 г.

Теегин герл. – 2016. – № 2. – С. 21-40.

КАРТИНА

*Памяти художника
Ивана Никифоровича Стасевича*

В белорусском музее истории Великой Отечественной войны есть такая фотография: мальчик лет двенадцати в военной форме – пилотка, гимнастерка – с автоматом на груди. Сын партизанского отряда Ваня Станкевич.

А её фотографии нет. Потому что она не вернулась с задания – погибла.

Могли бы запомнить ее по Ваниным рисункам, но их в музее нет.

...Ваня рисовал с детства. Как только улучит свободную минуту, схватит карандаш и что-то в тетрадке чертит. Показывать не любил. Говорил, что пока не получается: самоучка. Но вот когда выучится на художника, тогда смотрите, сколько хотите. Может, даже в галерее или музее, на выставке. Домашние посмеивались, но не настаивали. А вдруг и вправду что-то получится.

В школе Ваня помогал старшим ребятам делать стенгазету. Рисовал черепаху, зайца, велосипед, машину. Это октябратские «звёздочки» соревновались, кто лучше учится, ведь октябраты – прилежные ребята, любят школу, уважают старших. Лучше всего у Вани получались зверюшки, остальное, особенно машина, не особенно. Велосипеда в семье не было. Полуторок в колхозе две, и то приходилось часто ремонтировать. Старушки, одним словом. Должны были получить новый грузовик.

Деревня Медведкино была небольшая, но ребят хватало. Играли в казака-разбойника, в «ножичек», в «пятнашки». Ваня играть любил, но больше –

рисовать. Хотя бумаги не хватало, да и карандаш быстро тупился, приходилось его осторожно точить, чтобы не сломался грифель. Таких заветных тетрадок с рисунками у Вани набралось несколько. Он хранил их в укромном месте, думая, что никто до них не доберется, особенно два старших брата и сестренка. Мама тетрадки нашла случайно, открыла на минутку одну из них и быстро закрыла. Вроде как подглядывает – нехорошо.

А тут война началась. Взрослых забрали на фронт. Ушел и Ванин отец.

Остались в деревне старики, женщины да малые дети.

Скоро немцы дошли и до Ваниной деревни, забрали всех жителей. Ваня был в это время в лесу – рисовал сосны. Вернулся домой, а там никого нет. Бросился искать по деревне, но никого не нашел.

А утром в деревню зашли партизанские разведчики. Куда ему деться? Взяли с собой. Так Ваня оказался в партизанском отряде. Зачислили бойцом, выдали ему обмундирование, подогнав по росту. Стал он ходить в разведку.

В свободное время Ваня продолжал рисовать. Командир партизанского отряда Мишин подарил бумагу, карандаши. Не для баловства. Нужно писать лозунги, оформлять листовки, помогать в выпуске стенной газеты, да ему и не привыкать: в школе научился. Еще он рисовал портреты боевых товарищей. Получалось по-разному, но никто не корил; радовались, разглядывая себя, иногда указывая, где промахи: нос картошкой, уши торчком, глаз косит.

Однажды Ваня заболел, простудился на задании: нужно было переплыть речушку, а вода уже холодная, сентябрь. Вернулся, дрожит, как лист осиновый, температура, слег надолго. Ухаживала за ним Женя, медсестра в отряде. Давала лекарства, кормила-поила. Руки ее, когда она меняла компрессы на горячем лбу больного, были прохладные, но заботливые. Ване она казалась Царевной-лягушкой из сказки: всё у нее получалось, быстро и ловко. И красивая была. Или она ему такой виделась, потому что они подружились.

У нее были светлые глаза и светлые волосы. Они на рисунках трудно передавались. Чего-то постоянно не хватало, а что именно – маленький художник не мог понять. Потому и прятал рисунки от всех, и от Жени в том числе. Хотя иногда хотелось ей показать – что она скажет? – но стеснялся. А вдруг ей не понравится.

Нечаянно рисунки эти увидел командир отряда, долго разглядывал, потом сказал:

– Похоже. Но можно и лучше. Старайся, Ванюшка. Рисуй. Потом отдашь мне, ладно? Какой-нибудь один, на память.

Ваня не удивился просьбе командира. Женя была в то время единственной женщиной в отряде. До нее тоже женщины были, погибли.

Ваня потом отдал рисунки командиру, все, где была Женя. У него они будут в сохранности в штабной землянке.

Вскоре отряд попал в блокаду, немцы окружили лес, стянули войска. В день партизаны отражали несколько атак. Кончались боеприпасы, продукты. Надо было думать о прорыве. А для этого – послать людей в разведку, чтобы

найти слабое место в фашистском кольце. Кругом болота. Пытались вслепую пробиться в нескольких направлениях, но встретили сильный огонь.

Ваня потом случайно услышал разговор в штабной землянке. Женя хотела пойти в разведку с ребятами, а командир не разрешал: опасно. Раньше она ходила на такие задания, выдавая себя за беженку или крестьянку. А тут командир почему-то запретил. Даже накричал на медсестру. Если уйдет, что будет с ранеными, о них она подумала? А Женя обещала скоро вернуться.

И не вернулась.

Как объяснили разведчики, они напоролись на засаду. Еле ушли. Пришлось Женю оставить там: пули попали ей в живот. Ребята только прикрыли ее ветками, чтобы немцы не наткнулись, даже на мертвую. Надо было выполнять задание.

Они нашли место для прорыва.

Отряд вышел из окружения. С потерями...

Ваня освобождал Варшаву, штурмовал Берлин, расписался на стенах рейхстага.

После войны окончил Минское художественное училище, поступил в Московский художественный институт имени В. Сурикова. Для дипломной работы решил написать картину из партизанской жизни. Вспомнил Женю. А рисунки свои он оставил тогда у командира отряда.

В 1958 году приехал на каникулы в Минск, разыскал своего командира. Михаил Иванович обрадовался встрече, тому, что Иван теперь станет настоящим художником.

— Это здорово, Ваня! Ты же наш партизанский художник. Немного было таких в войну. Помню-помню твои карикатуры. И на Гитлера тоже. Ты его на сосну, как на кол, посадил. Я в тебя верил. Но кто знал, выживем или нет в той войне. Бог дал, свиделись.

Вспомнили прошлое.

— А я к вам, Михаил Иванович, за своими рисунками. Выхожу на диплом. Надо картину написать. На какую тему? Конечно, на партизанскую.

Хозяин оглянулся на соседнюю дверь, провел гостя на кухню. Видно, он завтракал, когда пришел Ваня. На столе чугунная сковорода с остывшей уже жареной картошкой с луком, рядом надкусанный кусок черного хлеба, алюминиевая вилка на клетчатой клеенке. Чайник на плите. Фартук на спинке стула. На подоконнике герань цветет. Старый холодильник с поцарапанной дверцей.

— Ты садись, садись, Ваня. С дороги же. Давай чайку, сейчас нагреем воду. Картошку будешь? Ты ешь, не стесняйся. Обед еще не ставили. Хозяйка приболела.

— Спасибо, Михаил Иванович. Сыт я. На железнодорожном вокзале в буфете перекусил.

— Ну так чаю тогда. Как же без чаю. Помнишь, наши партизанские чаи? На листьях, на травах, на ягоде. Пахучий чай был тогда, не то что теперешний. Труха одна. Вот тебе чашка, сахар клади. Тебе сколько кусков?

– Да нисколько. Я чай без сахара пью. С тех пор. Привык уже. Не хлопочите, Михаил Иванович. Так что с рисунками? Далеко ли? Тут у вас, дома?

Михаил Иванович повернулся к плите, выключил газовую конфорку, поднял полотенцем чайник, снова поставил. Потом развернулся к столу, сел, помолчал, опустив глаза. Смахнул со стола хлебные крошки в рот.

– Вань... ты прости меня, старого, – медленно сказал командир. – Не сберёг я твои рисунки. Поначалу хранил. В несколько газет завернул. На дне чемодана лежали. Потом во время переезда из коммуналки в эту квартиру недоглядел: хватились того чемодана, а нет его. Довоенный был чемодан. Много в него вмещалось вещей... Я, видишь ли, время от времени доставал твои рисунки, смотрел, вспоминал. Там же не только с Женей были...

Он помолчал.

– Что уж говорить... Давно это было. Любовь у нас Женей вышла. Любил я ее. Я ведь холостой до войны был, не успел жениться.

Михаил Иванович встал, отвернулся к окну, сказал приглушено:

– Помнишь, окружение в октябре сорок второго близ Стожар? Когда ребята с разведки вернулись, без Жени? Рассказали, куда она ранена насмерть была. В живот. А у нее ребеночек зародился тогда. Призналась сама. Потому и не хотел я ее в разведку пускать. А она говорила, что срок маленький, ничего, а те места хорошо знает, ребятам поможет. Сколько раз в разведку ходила...

Вот говорят: время лечит, – повернулся ветеран к гостю. – Да не лечит, Ванюш. Только калечит. Столько лет прошло, голос ее помню, песни ее помню, волосы мягкие у нее были, светлые такие. А вот лица уже не вспомнить. Как в дымке, тумане каком. Поначалу там, на войне, снилась. С ромашкой. Любила гадать: любит – не любит. А чего гадать? И так ясно. Помню, как-то венок сплела из ромашек этих. На голову надела. Жаль, говорит, что зеркала большого нет, красиво, наверно. Да, красиво, говорю я. Да и как иначе?

– А имя Евгения переводится как благородная, – зачем-то сказал Иван.

– Да? – рассеянно отозвался Михаил Иванович. – Из простых она была, деревенских кровей.

Потом сказал, положив руку на плечо Ивану:

– А ты напиши, Ваня, картину по памяти. У тебя память-то молодая, не сравнить. Опять же художник. Цепкий, значит, взгляд. Не забудь показать потом. Если жив буду. Сердце пошаливать стало. Детей у нас с женой нет, не случилось. Так друг дружку и поддерживаем. Как картину назовешь? Или не придумал еще?

– В белорусских болотах, – ответил Иван.

– В болотах, говоришь? – переспросил Михаил Иванович. – Да, сколько их было на нашей памяти. Такое не забывается... Хорошее название, Ваня. Не крикливое.

– И Женя там будет, – уточнил художник. – А рядом дети маленькие, наши партизаны.

– Это хорошо, – подтвердил Михаил Иванович, – что с ребятами. Всё не одна на картине будет.

...В белорусском музее истории Великой Отечественной войны есть на стенде теперь такая фотография: мальчик лет двенадцати в военной форме учится с колен стрелять из автомата, рядом присел инструктор, видимо, командир, всматривается в «мишень». Сын партизанского отряда Ваня Станкевич, ставший художником, автором той картины «В белорусских болотах».

13-14 апреля 2016 г. – 21. 02. 2017 г.

Элиста – Минск – Элиста.

ЗНАМЯ

Дедушка стоял перед очередной стеклянной витриной в музее истории Великой Отечественной войны и пристально смотрел на какую-то вещь, над чем-то задумавшись.

Десятилетний внук нетерпеливо потянул его за рукав. Дедушка не обернулся. Тогда мальчик позвал его:

– Дедушка, пойдем дальше. Это мы уже посмотрели.

Тут только дедушка спохватился:

– Подожди, внучек. Знаешь, что это такое?

Он показал на красное знамя, в развороте прикрепленное к стенду.

– Знаю, знамя, – ответил мальчик. – Мы их уже видели в соседних залах.

– Это не простые знамена, а боевые, – объяснил ветеран войны. – За каждым из них своя славная история, раз они в музее находятся. За них люди жизнь свою отдавали, кровь проливали, но врагу не отдали. Потеря знамени – позор и бесчестье для войска. Присягу принимали перед знаменем.

– Да, слышал, – спокойно отозвался внук.

– Слышал да не понял, – почему-то недовольно сказал дедушка. – Что ты видишь на этом знамени?

– Слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», герб Советского Союза, звезду с серпом и молотом, номер полка.

– Но ты не знаешь, как это знамя появилось в музее. А спасли его твой прадедушка Петр Матвеевич и его сестра Евдокия Матвеевна. И наградили их за это боевыми орденами. Правда, ты с ними не знаком, они уже в лучшем из миров.

– Они тоже воевали, как ты, дедушка? – удивился внук.

– Нет, не воевали, как я. Хотя как посмотреть... Пойдем-ка, Алесь, домой, я тебе по дороге расскажу, как это было, а потом кое-что и покажу.

В это время в зал вошла очередная группа с экскурсоводом. Экскурсовод начала свой обзор, подошла и к витрине, возле которой стояли дедушка с внуком. Они потеснились, уступая место.

– А это вы видите знамя 84-го артиллерийского полка, которое было вы-

несено из окружения под городом Шауляй в июне 1941 года лейтенантом Романом Петровичем Месником с группой бойцов. Затем оно было спрячено в родной деревне лейтенанта, а после освобождения Беларуси передано в Лепельский районный комитет коммунистической партии его отцом и тетей.

– А сам лейтенант погиб? – спросил кто-то из слушателей.

– Роман Петрович прошел всю войну, брал Берлин, награжден орденами и медалями. Через 39 лет увидел это знамя в нашем музее. В нашем фонде есть автобиография и воспоминания ветерана войны. Пройдемте в следующий зал.

Дедушка и внук посторонились, пропуская группу.

– Дедушка, так это ты сам знамя спас? – удивился мальчик, когда пошли к выходу.

– Не обошлось, как слышал, и без меня, – согласился тот.

– А что же ты промолчал? Надо было сказать, вот я рядом. Почему тебя экскурсовод не узнала?

– Не хотел ее перебивать. Она же на работе. Да и молодая, всех не упоминай, о ком говоришь, – объяснил старик.

– Зря, дедушка. Людям было бы интересно посмотреть на тебя, – заметил внук.

Подожли к остановке, сели в трамвай, мальчик, как всегда, у окна.

– А что, дедушка, всегда под знаменами люди воевали? – поинтересовался внук.

– Всегда не всегда, а у нас со времен древних славян. Сначала были шесты со знаком наверху, например, птицы какой-нибудь: орел там или сова. Они указывали на место сбора войска, на командный пункт, а во время боя использовались, как сигнал. И называли их вначале стягом. Потом уже так не древко именовали, а само полотнище на нем.

– Как это стяг стал знаменем?

– От слова «знамение», то есть знаменовать, означать. Раньше на стягах был лик Христа, молились на стяги, как на иконы. Вот в старинных рукописях знаменем называли стяг Дмитрий Донского, когда он на Куликовом поле разбил монголо-татар. Было это в 1380 году. Так это знамя сохранилось до нашего времени, представь себе. А вообще несколько веков еще по-разному называли – то стяг, то знамя, а суть одна: береги знамя пуще ока своего.

– Пуще чего?

– Пуще глаза своего, значит. Еще в присяге во времена Петра Первого говорилось, что тот, кто знамя свое не берегает, тот не достоин называться солдатом. За его утерю полагалось самое тяжелое наказание. Поэтому одна из первых почетных наград уже в Красной Армии – орден Красного знамени.

– У тебя есть такой орден, дедушка, раз ты знамя спас? – спросил Алесь.

– У меня другие – орден Красной звезды и орден Отечественной войны 2-й степени, – уточнил дедушка.

– Покажешь, дедушка, когда приедем домой, – попросил внук.

– Покажу, Алесь. Давай выйдем с тобой, пройдемся немного.

Они вышли из трамвая и пошли не спеша к дому. Погода была весенняя, начало мая. Дедушка оглядел знакомую улицу, невысокие дома, деревья, на которых уже появилась зеленая листва.

– А эти дома строили немцы, военнопленные, – показал он, – поэтому у центра нашего города такой вид.

– Мне больше высоченные дома нравятся. Есть в Минске и такие.

– Да, а в войну город в руинах лежал, – сказал дедушка.

Зашли в свой подъезд, поднялись на третий этаж, позвонили в дверь.

Бабушка засуетилась:

– Обед еще не готов. Все на работе. Что-то вы рано управились...

Дедушка прошел в свою комнату, сказав по дороге:

– Устал немного. Не хлопочи, Алена. Мы с Алесем кое-что посмотрим пока.

Она успокоилась, скрылась на кухне, загремела кастрюлями.

Старик взял из шкафа небольшую бумажную папку с тесемками, сел за стол, открыл папку, вынул бумаги.

– Сядь рядышком, Алесь. Вот написал кое-что по памяти, как это было. Но сначала прочитаю тебе один документ. Это из Указа Президиума Верховного Совета СССР: «Боевое Знамя всегда находится со своей частью, а на поле боя – в районе боевых действий части. Весь личный состав части обязан самоотверженно и мужественно защищать Боевое Знамя в бою и не допустить захвата его противником. При утрате Боевого Знамени командир части и военнослужащие, непосредственно виновные в таком позоре, подлежат суду военного трибунала, а воинская часть – расформированию».

– Даже так? – удивился внук.

– А как же, – подтвердил дедушка. – У меня долгая история получилась. До войны работал я мастером-строителем, да и после войны тоже. В 1937 году призвали меня в армию. Она тогда называлась Рабоче-Крестьянская Красная Армия. В 1939 году окончил школу младшего командирского состава, присвоили мне звание техника-интенданта 2-го ранга.

– Это ты техникой, дедушка, занимался, что ли? А по-современному это какое звание?

– Лейтенант. Работал я начальником секретной части в своем полку.

– Вот это да! – восхитился Алесь. – Так ты секреты охранял? От шпионов?

– И от шпионов тоже, – согласился дедушка. – Когда двадцать второго июня сорок первого года началась война с фашистской Германией, мы находились в районе одного литовского города. Шауляй называется. Ты слышал, экскурсовод в музее говорила об этом. Воевали до 29 июня, пока не попали в окружение. У нас уже не было боеприпасов, да и продовольствие кончилось. Командир полка приказал уничтожить оставшиеся орудия, технику, выходить отдельными группами из окружения. А мне лично надо было по приказу тоже кое-что уничтожить: личные дела состава полка, секрет-

ную переписку, некоторые документы, чтобы это не попало к врагу. Но главное – вынести воинское знамя.

– Как же ты один это смог?

– Да нет, внучек, не один, конечно. Были со мной штабные работники и бойцы. Уложил я знамя и печати в полевую сумку, обернул оставшиеся документы в брезент, и пошли мы в направлении реки Неман. Она там тоже течет. Надо признаться, я плохо плавал, а переправляться надо было. На чем? Придумали вот что: сняли баллон со штабной разбитой машины, принесли к реке и начали переправляться на другой берег.

– И вас никто не заметил? – обеспокоенно спросил Алесь.

– Заметили. Попали под огонь пехоты. Да еще все время немецкие самолеты бомбили с воздуха, не подпускали наших к реке. После засады осталось из моей группы четверо. Шли в основном ночью, везде были немцы, местного языка мы не знали, карты не было. Посуди сам, каково пришлось нам. Боялись, что местные жители выдадут нас, поэтому в деревни не заходили, было опасно. Питались, чем попало. Одним словом, «чужбіна не родная матка: хлеба не дасць». Ели рожь, сырую бульбу.

– Почему сырую? – удивился мальчик.

– Костер нельзя было разводить, могли увидеть. Так и шли около пяти или семи дней. А однажды утром проснулся, никого нет. Остальные сбежали.

– Куда?

– Кто его знает, куда. Может, к немцам, может, к литовцам, может, сами решили без меня идти. Струсили. Со мною ведь опасно было: если знамя найдут, всех расстреляют или повесят. А так, может, спасутся. Бог им судья. Не знаю, что с ними стало. Мне тоже надо было решать, что делать. В одиночку и легче, и труднее. Но это если без знамени. Я же за него отвечал.

– Да, дедушка, задача трудная, – согласился внук. – И до чего же ты додумался тогда?

– А как у нас в народе говорят? «У сваёй хаце і вуглы дапамагаюць». То есть в своем доме и стены помогают. Что и говорить: «Родная зямля – маці, чужая старонка – мачаха».

– Так ты к своей маме шел? – высказал догадку Алесь.

– Мама моя до войны умерла еще. Отец был жив, тетка. Погоди, вот посмотри.

Дедушка достал из папки почтовые конверты, вынул оттуда две пожелтевшие фотографии с надорванными краями:

– Это твой прадедушка Петр Матвеевич, а это его сестра Евдокия Матвеевна.

– Похожи, – сказал Алесь, внимательно разглядывая незнакомые прежде лица.

– Родня, как же, – согласился дедушка. – Так решил я идти к родным. Жили они в разных деревнях, тетка ближе. Сначала к ней отправился. Дошел-таки 27 июля. «У сваім краю, як у раю», – правильная поговорка наша. Хотя в деревне и были немцы. Ночью пробрался к теткиной хате, стукнул в

окошко. Дала она мне одежду, надел я ее поверх своего обмундирования и пошел за знаменем в лес. Я там полевую сумку припрятал на всякий случай. Принес знамя, переложили его мы с теткой в корзину, прикрыли травой, подождали до ночи, потом пошли в отцовскую деревню, через речку на лодке переправились, а тетка домой вернулась. Лесом добрался до деревни, ночью так же к своей хате прокрался. Стали с отцом думать, куда спрятать важный груз. Отец достал из погреба большую стеклянную бутылку, мы отбили ей горло, свернули знамя, засунули его аккуратно туда с тремя печатями, потом пробкой закрыли. Секретный формуляр полка завернули в клеенку, чтобы не подмок. И все это на сеновале, где выкопали яму, спрятали, навалив сверху сено с навозом для надежности. Там, в сарае, и я спрятался. Да донес все-таки кто-то: пришли эти фашисты, стали отца допрашивать, где сын, все в хате перевернули, сарай обыскали, сено вилами пропороли.

— Ой, а как же ты, дедушка, спасся? — вскрикнул взволнованно Алесь, хотя тот сидел рядом с ним, живой, невредимый.

— Бог, видно, уберег. Правда, один раз царапнули вилами: задели плечо, но не сильно, вытерпел. Отец потом перевязал, полечил, поэтому двое суток еще побыл дома, пока не зажило. Отца попросил сохранить знамя и отдать нашим, если они придут и освободят до моего возвращения.

— Так он и сделал!

— Да не один, с сестрою. Под немцами же три года были, оккупация. Это подвиг твоей родни.

— Дедушка, а что с тобой потом было? Если ты до Берлина дошел.

Алесь потрогал медаль «За взятие Берлина», ордена: дедушка вынул из ящика стола коробочки, раскрыл их одну за другой. Мальчик, внимательно разглядывая награды, приложил поочередно их к дедушкиному пиджаку.

— Далеко до Берлина было, Алесь, — вздохнул дедушка. — Сначала я до линии фронта дошел, тоже ночью, не заходя никуда. Должен был доложить, что выполнил приказ, знамя спрятано в надежном месте. Должен был встать в строй, ведь до победы еще сколько надо было пройти с боями. Вышел из окружения в районе станции Ханино, воевал вместе с частями Красной Армии. А 13 ноября того же года был тяжело ранен, лечился семь месяцев в московском госпитале. Потом снова фронт.

— Досталось же тебе, дедушка, — сочувственно вздохнул внук. — Что же ты раньше мне об этом не рассказывал?

— Раньше ты был маленьким... Досталось всем. Недаром война Отечественная называется. Всем миром навалились, а врагу свою землю не отдали. Как и знамена свои.

— Девятого мая снова наденешь свои награды, дедушка? — не то спросил, не то утвердительно отозвался Алесь.

— Это же святой праздник, конечно, надену.

— Может, и в школу к нам придешь, дедушка? Расскажешь, как воевал, — предложил внук, раскладывая награды по коробочкам. — Вон у тебя сколько наград!

– Позовете – приду, – сказал дедушка, вернув коробочки в ящик стола. – А главная моя награда – это то, что войны больше нет. Да, пожалуй, и боевое знамя нашего полка, которое ты видел сегодня в музее.

Бабушка отворила дверь и спросила:

– О чем вы это тут секретничаете? Не пора ли обедать?

Дедушка с внуком переглянулись.

– Да, бабушка, оказывается, наш дедушка умеет беречь секреты, – сказал Алесь. – Но мне он свои секреты рассказал, теперь уже можно: я же большой, все понимаю...

23-24. 02. 2017 г.

Минск – Москва – Элиста.

Из цикла «Сибирская быль». Мамины рассказы о сибирском детстве

Моей маме Буге Босхомджиевне

1. Как нас в Сибирь высылали

Подняли нас в пять утра, провели обыск в доме, потом велели собраться в дорогу, взять самое необходимое. Папа хотел взять калмыцкую скрипку: мама играла на скрипке и домбре, а солдат отобрал. Почему? Ничего не сказал.

Нам, маленьким детям, было непонятно, что случилось. Пришедший офицер зачитал какую-то бумагу, отдал приказ солдатам и вышел.

«Как может калмыцкий народ быть предателем? – не выдержав, тихо сказал папа маме. – У нас все, кто мог держать ружье, ушли защищать родину».

Мама оглянулась на солдат в другой комнате, на нас, четверых детей, столпившихся вокруг нее, и, чего-то боясь, попросила папу больше ничего не говорить.

Взяли мы с собой кое-какие вещи, одежду.

Мы до войны хорошо жили. В сорок первом году, перед войной, деревянный дом построили.

Приехал как-то из Ханаты человек, купил у нас одну лошадь. Как раз эти деньги в ссылке игодились. Когда в сорок пятом году государство оказало помощь спецпоселенцам, мы добавили деньги и купили корову. Не все могли себе это позволить. Некоторые семьи так все тринадцать лет ссылки и прожили без коровы...

А забрать тогда калмыкам в дорогу с собой почти ничего не дали. Няня, мы так звали старшую сестру мою, Ноган, как раз 27 декабря приехала из Цаган-Нура, где окончила пятый класс. Она забежала домой, в комнату, стеганые одеяла через окно вытащила, чтобы солдаты не заметили. Верх одеяла был красный, а низ – синий. Наша мама сама эти одеяла стегала. Когда ее там, в Сибири, в сорок четвертом году хоронили, то одно из одеял расшили

и в синюю материю ее завернули. Мама умерла, по-видимому, от гипертонии. У нее все время из носа кровь шла...

Нас отправили в ссылку, под конец декабря сорок третьего года, наша семья попала в Рубцовский район Алтайского края. Ехали в теплушках со станции Абганерово Сталинградской области. Вывозили нас к этой станции на больших грузовиках с полотняным верхом, а у выхода сидели два конвоира с винтовками.

В вагоне было два яруса, вверху и внизу. Кого раньше привезли к поезду, те заняли нары. А нас привезли поздно, лучшие места были заняты. Мы разместились у дверей, а там двери были с двух сторон товарного вагона. Мы выжили в дороге, хотя у дверей было холодно, сквозняк. Посреди вагона была установлена печка-буржуйка, круглая такая. Топить надо было сначала дровами, а потом сыпать уголь-«семечку», который лежал рядом. Иногда на остановках-разъездах конвоиры разрешали взять что-нибудь в вагон из деревянного: к примеру, части штакетника, который задерживал снег около рельсов.

На разъездах молодежь шла брать паек. Однажды принесли рисовую кашу, хлеб. Конвоиры из этих пайков всегда оставляли себе две буханки. А кто бы жаловался? В мешке приносили иногда колбасу, все делили между семьями.

На одной половине вагона было маленькое окно, через которое шел дневной свет. Вагоны были красного цвета.

В полу вагона прорубили дыру, чтобы справлять нужду.

Везли в ссылку в основном женщин, стариков, детей: подростков и малышей.

Из нашего вагона умерла только одна старая женщина, Байчха. Я была маленькая, восемь лет мне было. Покойников никогда раньше не видела. А бабушку эту завернули в какое-то покрывало, поэтому я заметила только сверток. Так ее и оставили на перроне. Это было днем.

После отправки эшелона на перронах станций оставались штабеля из умерших по дороге калмыков. Помню, наверху лежит такая женщина, а к ней привязан умерший маленький ребенок...

Пока доехали из дому, из колхоза имени Димитрова, до места ссылки прошло шестнадцать суток, уже январь сорок четвертого года наступил. Приехали, а морозы за пятьдесят градусов, кругом сугробы.

Привезли нас в город Рубцовск. Всех, которые ехали с нами в одном эшелоне, разместили в Рубцовском драматическом театре. Многие из нас впервые видели театр, никогда в нем не бывали...

Это потом мы в том театре уже зрителями смотрели спектакли. Я помню, например, «Позднюю любовь». Тогда после спектакля буран начался, с трудом, пешком, добрались до дяди Санджи, который, в отличие от нас, жил в городе: купил он там небольшой домик, работал в литейном цехе на Алтайском сельхозмаше. До войны дядя служил в Красной Армии, в Монголии, был переводчиком...

Так вот приехали за нами из совхозов и колхозов на санях. Вы такие сани не видели – большие такие, широкие. Погрузили на сани, накрыли тулупами, и кто куда попал – в совхоз или колхоз. Была разнарядка: сколько человек можно принять, на какие работы направить.

Мы приехали в овцеплемсовхоз, от Рубцовска километров сорок пять. Нас разместили в большом доме, он был уже натоппен. А оттуда уже распределяли по фермам, кого-то оставили в совхозе. Так что нам повезло, если так можно сказать, в условиях ссылки.

Папа, Босхомджи Шакуевич, стал работать в механических мастерских, на кузне. Тяжелый был труд. Работы хватало: в совхозе всякая техника была: то трактор надо отремонтировать, то сеялку. Утром я ему завтрак носила, а в обед их кормили бесплатно в столовой. Какая там еда во время войны? Баланда, можно сказать.

Папу на войну два раза призывали, но он возвращался, потому что нашли у него порок сердца, комиссовали, дали «белый билет» – освобождение от воинской обязанности.

Молоко мы покупали у местных жителей. Двадцать рублей литр стоил. Обменивали часто молоко на разные вещи, которые удалось привезти с собой. И с одной женщиной, Шурой Низяковой, мы договорились взять двадцать литров в обмен на одежду. У Шуры было несколько детей. И она пожалела это молоко: вещи наши взяла, а нас решила отравить, чтобы все не отдавать. И в первую часть молока подсыпала какую-то отраву. Утром я отнесла папе завтрак (папа уходил на работу в 6 часов утра), а домой пришла – все лежат: уже отравились. Эджя у печки сидит, ничего не помнит. Я побежала на другую улицу, где жили наши родственники, сказала, что случилась беда. А потом сама свалилась без сознания. Отца сразу отвезли в больницу из мехмастерских, когда он сознание потерял. Положили в больницу взрослых; нас, детей, дома выхаживали: мы меньшую дозу получили. Все молча лежали, а я «горела»: температура большая, вскакивала с постели, бежала к двери, чтобы на улицу выйти, мне было жарко. Зимой это было. А наши дверь на крючок закрыли, чтобы я не могла открыть, и меня опять на кровать укладывали. А я вырывалась и говорила сестре Джиргал: «Яһжахмч? Яһад намаг бәржәнэч? Чи кемби? Сталин болхич?» («Ты что это делаешь? Яһад намаг бәржәнэч? Чи кемби? Сталин болхич?» («Ты что это делаешь? Почему меня не пускаешь? Кто ты такая? Сталин, что ли?»)). Языкастая я была...

Взяли пробы с нашей еды, чтобы выяснить, чем семьей отравили. А тогда собранное зерно химически обрабатывали от вредителей, грызунов всяких. Наверное, Шура там яд и взяла.

Следствие было, но ничем не закончилось: у той женщины муж на фронте был, опять же дети у нее маленькие.

Мы уцелели, потому что отравы была в утреннем молоке, а если бы в вечернем, так ночью все бы и умерли, думаю. Кто бы узнал и на помощь пришел ночью-то...

Мама, Амула Болдыревна, с нашей старшей сестрой Ноган работали на

складах: с августа-сентября зерно, семечки сортировали, с начала марта перебирали в подвалах овощи: картошку, морковь, свеклу, лук.

Эдзя, Булгун Болдаевна, смотрела за младшей нашей сестренкой, Буйнтой, ей два года тогда было. Мы с Джиргал постарше: Джиргал – десять лет.

Хлеб отпускали тогда по талонам. На каждый месяц. Отрезали талон каждый день. Давали пайковый хлеб. Папе и маме доставалось по пятьсот граммов, иждивенцам – по сто пятьдесят граммов... Что это за хлеб был? Чего туда только не мешали: картошку, отруби, жмых. Потому хлеб был черный и тяжелый.

2. Как нас суслики спасли

Люди голодали. С лета до осени в 1945 и 1946 году ходили сусликов ловить. Далеко от совхоза, километров двенадцать-пятнадцать, за второй фермой, туда, где пашня. Эти грызуны селятся у полей. А кому ходить? Взрослые на работе. Приходилось идти детям маленьким со старухами. У нас ходила Джиргал. Соберутся несколько человек. Рано уходили, в четыре часа утра. С собой брали несколько капканов, маленькую лопатку, чтобы у норки капкан поставить. Придут в степь, надо еще норки найти, где суслик живет. А норки разные – старые и новые. Надо различать, где старые норки: там уже паутина у входа, значит, суслика там нет. А суслик – животное чисто-плотное. Есть у него норка, где гадит, уборная такая. А есть норка, откуда он выходит и заходит, она почти вертикальная. Вот там и ставили капкан. И не один. Столько, сколько с собой взяли. Поставят капканы, а потом ходят по степи и смотрят, попался или нет суслик.

Если попался, его капканом прищемит, не выскочить уже, тогда из капкана снимали. Летом жарко, поэтому чтобы суслик не протух, его в землю зарывали на время, до вечера, потом вынимали и в сумку полотняную складывали или в мешок.

Соберут за день, сколько получится, и из степи домой. Принесут, а сусликов надо разделывать. Свет тогда до двенадцати часов ночи давали. А утром без пятнадцати шесть включали, когда по радио гимн страны играли. Генератор был в совхозе. Когда света не было, пользовались коптилкой или керосиновой лампой, у кого что было.

Поэтому надо было, пока свет не выключат, сусликов разделать, шкурку снять, от жира очистить, потом посушить. Шкурки сдавали. Приезжали заготовители из «Пушнины», из Рубцовска. Часто вместо денег давали промтовары. Однажды получили сатин, красно-бардовый, с цветами. Ноган всем нам красивые платья сшила, мастерица.

Мясо сусликов жарили, варили – ели. Кто много зверьков ловил, сдавал сусличий жир для аптеки – так туберкулезников лечили.

Однажды, помню, меня взяли сусликов ловить. Джиргал и другие дети капканы ставят, а я норки ищу. А как узнать, где суслик живет? У него всегда рядом с цоонг (так по-калмыцки сусличья нора) – земляной бугорок такой есть. Зверек из норки вылезет, на бугорок встанет, чтобы видно ему бы-

ло, что и как, лапки передние сложит перед собой, как будто молится. Вот так. Стоит и смотрит. Как вспугнет его кто-нибудь или что-нибудь – сразу в норку. Пугливый очень, осторожный.

А я как найду, кричу: «Наар, наар! Энд цоонг бээнэ. Шулуһар!» Значит: «Иди, иди сюда! Здесь нора есть. Быстрей!».

Придет Джиргал, посмотрит и говорит:

– Смотри, там паутина. Никого нет.

Ну ладно. Ищу. Найду, опять кричу: «Наар, наар! Энд цоонг бээнэ. Шулуһар!»

А сестра подойдет, посмотрит и говорит:

– Смотри, какашки старые. Суслика здесь нет.

И я опять по степи ищу, где тут эти суслики, как сквозь землю провалились. И пить мне давно уже хочется, а жаловаться нельзя.

Наконец, попался мне один суслик в капкан. Я уже не стала звать сестру. Решила, что сама справлюсь. Вытащила зверька из капкана, а он как укусит меня за большой палец. Я испугалась от неожиданности, сразу стряхнула его, он и убежал. Наверно, больше меня испугался...

Какая ранка у меня была? Маленькая. У суслика зубы мелкие, как у мыши: чуть прокусил.

На том кончились мои походы. Потом меня с собой не брали: далеко, я маленькая, быстро уставала, больше сусликов пугала, чем ловила. И толку от меня не было.

Как сусликов тогда в Сибири ловили, лучше у нашего родственника Монка спросить. Он знает лучше меня. А я что? Слышала от других, сама всего-то день-два на ловле была.

И вообще не везде ссыльные калмыки сусликов ловили. В каких-то местах этих зверьков не было.

Вот суслики тоже от смерти спасли нас, я думаю.

3. Как нас картошка спасла

Дядя наш по материнской линии работал, где придется: на «Сольпроме», когда трудились в воде, вывозили соль на тачках; потом в каменном карьере, выпиливали там вручную ракушечник; на шахте; в конце концов, болезнь прихватил, силикоз называется: всю жизнь кашлял, а курить не бросил.

Да, всем тяжело приходилось...

Мама с няней Ноган уходили на работу на склады рано, возвращались поздно. Зимой и осенью зерно перебирали, чтобы не испортилось, сортировали: мелкое, среднее, крупное. Какое куда, например, для посева. Мама с няней приносили с собой понемногу зерна: насыпали украдкой в карманы, чтобы не особенно видно было со стороны, что у человека в одежде. С собой ничего нельзя было взять, а голод, война. Что делать? У кого были дети маленькие, старики, которые не могли работать. А кормить всех надо было.

Заведующим складами – там было три больших склада – работал Никита

Комаристов, хромой, поэтому его на фронт не взяли. Хороший человек был, добрый, женатый, не старый. Зерна не отбирал у людей, жалел их. Потом заведовал другим складом его брат – Федя, когда пришел с войны. Хорошие были люди...

Ну, так принесут мама с няней с работы немного зерна, мелют на ручной мельнице. За килограмм украденного зерна тогда, во время войны, пять лет давали тюрьмы. Такие мельницы были самодельными, их прятали, чтобы милиция не нашла. Мельницы разные были, делали их, как придется, из чего-нибудь. В основном, железные.

Из наших родственников одного посадили где-то в сорок седьмом или в сорок восьмом году: нашли у него немного зерна. Звали его Такá, он работал в бригаде водовозом, возил воду в бочках. Приехали судьи из города, судили в большом совхозном клубе, дали ему срок. Молодой парень был. Вышел из тюрьмы он уже больной туберкулезом. Решил жениться, а врачи не советовали. Все равно он женился. Потом жена заразилась от мужа, тоже умерла от этой болезни. Осталась у них маленькая дочка...

А в сорок четвертом году осенью мы собирали колоски в поле. Совхоз урожай снимет, а на поле кое-где колоски оставались. Далеко было от нас, километров десять. Пшеница не рассыпается в колоске, она, как в шубе, зиму пролежит. А ячмень за зиму рассыпается, но кое-что в колоске оставалось.

Ходили в поле старики и дети. Брали с собой полотняные мешочки с веревочными лямками, жить-то надо было. За колоски, надо сказать, тоже в тюрьму сажали.

Мы искали колоски, собирали в мешочек. Старики, чтобы не тащить, там, на поле, лутили колосок. А мы, дети, не умели или не знали, несли, что нашли. Да и много ли мы могли собрать? Дома зёрна доставали из колосков, мололи на ручной мельнице, хлеб пекли, пышки жарили на сковороде.

На складах, где мама с няней перебирали овощи, было очень холодно. Мама надевала папину кожаную куртку бордового цвета. И тепло, и карманов много – целых четыре, снаружи и внутри, куда можно было положить какие-нибудь овощи.

Когда мамы не стало, эту куртку папа носил. Она импортная была, крепкая. Ноган, после ухода папы в 1953 году, перелицевала куртку и сделала жилет, стал, как замшевый, няня и носила его долго.

Работа на складах тяжелая была, но и туда не всех брали. Мама надорвалась. Умерла в конце лета, в сорок четвертом году. Она рано от нас ушла: ей было тридцать восемь лет. Нас, детей, четверо осталось у отца. Все девочки. Няня нам за маму была, хотя сама еще девчонка. А до няни двое мальчиков было, и после меня был один сын, Санджи. За ним следом родилась девочка, Булгун. Она умерла от болезни зубов. Все они умерли маленькими, до ссылки, в голодные годы. Так что родила наша мама семь детей.

Все она успевала, на калмыцкой скрипке и домбре хорошо играла. Я в нее пошла, наверное. Хотя у нас и няня на домбре до сих пор играет.

После работы мама с няней приносили немного овощей. Разрешали им брать с собой порченное, резаное, иногда по полведра, даже ведро выходило. Картошку, морковку, свеклу, лук. Целое редко доставалось, только то, что в кармане проносили. Целую картошку в свой погреб складывали. Потом пригодилась.

Папе как работнику мехмастерских предложили взять двадцать соток земли. А папа решил подумать. Тогда калмыки надеялись, что как только война закончится, тогда и они домой, в степь, вернутся, хотя было сказано, что сосланы навсегда. Зачем папе эти двадцать соток земли? Зачем что-то там сажать?

А местные люди, которые с ним работали, посоветовали ему: «Бери землю. Картошку посадишь – семью прокормишь. А если домой вернетесь, землю эту продадите. Не уедете – пользоваться будете».

Не знаю, можно ли было эти сотки продавать, но папа послушался совета.

Родители картошку и посадили после работы. Весной. Из каждой крупной картофелины вырезали части с «глазками», чтобы вырастить, экономно получалось.

Первый раз делают прополку, второй раз картошку окучивают. Выросла она хорошая. Теперь надо было ее домой перетаскать. Двадцать мешков постепенно выкопали.

А кому ее таскать? Взрослые на работе. Мы с Джиргал понемногу и перетаскали.

Наберем картошки в маленький мешок, а поднять сразу не можем: силенок нет. Помогаем друг другу поднять мешочек на спину. Идем, устанем, отдыхаем. А когда подниматься надо, тогда присядем на корточки, поднимаясь, держась, бывало, одной рукой за низкий кустарник, тарнач по-народному. Он в Сибири рос.

Так и шли до дому. А расстояние было, если сравнить с автобусной остановкой, то три-четыре остановки, не меньше, если и не больше...

Была у нас одно время собака. Папа ее почему-то «Боднцг» звал, картошка, значит. То ли, чтобы язык не забывали, говорили по-калмыцки в семье, то ли собака цветом шерсти была похожа на картошку, то ли это папина шутка была – он у нас с юмором дружил. А мы, дети, звали собаку попросту Бодынцашка.

4. Папа

За зиму сорок четвертого года девяносто восемь калмыков умерло в совхозе. Похоронили их в одной братской могиле. Папу вызвал в контору заместитель директора совхоза, поручил организовать захоронение. Папа отказался, сказал, что не может заставить стариков и детей отправиться на такое дело. Тогда его заперли в соседней комнате конторы, а там был рассыпан на полу лук. Посадили под арест, чтобы передумал и согласился.

Был конец февраля – начало марта. Надо было быстрее хоронить. Иначе звери растаскают. И когда теплее станет, еще хуже будет, понятно.

Мама с дядей пошли в контору просить за папу, тогда его на время отпустили. Вечером дома стали совещаться. Что делать? Тогда что прикажут, то и делали. Да хоронить-то, конечно, надо было.

Собрал папа стариков, детей – ломami долбили мерзлую землю, яму одну большую кое-как вырыли. Потом собирали на телегах покойников там, где они лежали, еще в больших сугробах, позади бараков. Среди них была наша молодая замужняя тетка, Эльзые. Умерла она в совхозной больнице от брюшного тифа. Была она большая, белокожая, косы у нее были рыжего цвета, длинные. И ее опознали, когда хоронили в общей могиле, по этим рыжим косам.

Муж ее, дядя Одя, папин третий брат, на фронте воевал. Двое маленьких детей у него было, они вскоре тоже умерли. Дядя наш вернулся с войны в сорок пятом, раненый в правую руку, инвалид. Три года в госпиталях лежал. Приехал в одной шинели, с солдатским котелком. А из его семьи никого не осталось. Потом он женился вторично, взял женщину с двумя детьми...

Умирали калмыки от брюшного тифа, когда приехали в Сибирь. Заражались друг от друга, семьями погибали. В дороге долгой голодные-холодные ехали, сопротивляемости никакой у организма уже не было.

Папа ушел от нас, когда ему было пятьдесят три года.

А до этого, еще несколько лет назад, когда чуть не убили нашего зятя Санджи и его дочку маленькую, он очень расстроился. Был у него тогда микроинсульт. Речь его была немного нарушена, потом восстановилась. А последствия, выходит, остались.

А история, с чего все началось, такая. Случалось, что из-за нужды калмыки воровали скот, резали и тайно продавали. У нас тогда средняя сестра Джиргал замуж выходила, свадьбу в мае пятидесятого года играли. Как же без угощения?.. Предложили и нам купить мяса. Потом оказалось, что вол или бык краденый. Следователи понаехали, стали расспрашивать, кто что слышал, кто что знает, кто покупал, у кого брали. Долго разбирались. Папу тоже вызывали. Но никто «продавца» не назвал. А тот приходился нам дальним родственником, женат был на нашей родственнице, двое детей. Бедовый был парень, Пюрвя, черт ему братом был, ничего и никого не боялся. Солому на бричке возил к фермам. Его чаще других на допрос вызывали. Подумал он, что муж нашей няни, которая уже замуж вышла, его выдал, донос написал: тот партийный был, конюхом работал. Подкараулил: сидел Санджи с маленькой дочкой на завалинке в обед. Стукнул Пюрвя их сгоряча по голове чем-то, испугался, что убил родню, и убежал.

Проходил мимо Степан-фронтовик, шел он с работы, увидел: на заднем дворе лежат люди, поднял тревогу. Оказали раненым помощь, врач голову им забинтовал, домой отпустил.

Посадить за краденое горе-родственника не посадили, не смогли доказать.

Погодя он пришел к нам – просить прощения за все.

Простили, конечно. Калмыки говорят: «элгн ацан болдг уга, элсн ацан болдг», то есть «родня не в тягость а песок – в тягость». Но он потом повесился, уже вернувшись на родину, по какой-то причине. Развелся перед этим с женой, оставил ее с малышами.

После ухода из жизни нашей мамы папе трудно было: семья большая, дети маленькие, всех кормить-поить, поднимать на ноги надо. Папа у нас грамотный был, обходительный со всеми, аккуратный, одежда у него хорошая была, чистая, со вкусом. Никогда в жизни ни на кого голос не повысил, не ссорился ни с кем, нас не наказывал...

Ночью стало ему плохо. Позвали целительницу-калмычку. Она была на чужой свадьбе, задержалась, вернулась поздно. Когда увидела папу, сказала после осмотра: «Если до утра доживет, будет жить. Если до утра не доживет, значит, уже жизненный срок закончился».

А лучше не становится. Тогда послали меня за доктором на нашей улице, на окраине, в девятый дом. Она пришла, осмотрела папу, сказала: «Обширный инфаркт. Уже ничего нельзя сделать...».

Так мы стали сиротами. Калмыки считают: если отец уходит из жизни, то дети полусироты, а если мать уходит, то дети – сироты, даже если и отец есть. Остались в Сибири папа с мамой.

Только несколько фотографий сохранилось, где мы все еще вместе – родители и дети.

26-27 мая 2016 г. Москва.

ЗАЯЦ НА СЧАСТЬЕ

*Народному поэту Калмыкии
Владимиру Нурову*

Мы сидели вдвоем за обеденным столом в уютной кухне и пили горячий калмыцкий чай, беседуя о писательских делах. Я только что подарила свою новую книгу об отце старшему товарищу, куда вошли и его заметки, рецензии на калмыцком языке.

Хозяин, неспешно отпивая из пиалы, на мой вопрос, над чем он сейчас работает, ответил:

– Пишу повесть о своем детстве в сибирской ссылке. Мне было тогда шесть лет, когда в январе 1944 года мы попали в Омскую область.

– И вы помните это время? – спросила я, соотнося возраст собеседника с народной бедой.

– Помню, – сказал писатель. – Поэтому трудно пишется. Тяжело вновь переживать, вспоминая прошлое.

– Вы уже заканчиваете повесть?

– Нет, пока на середине пути. Пишу понемногу, несколько страниц в день. Жена печатает рукопись.

– А планируете русский перевод?

– Кто же теперь переведет? – сокрушенно вздохнул собеседник. – На стихи переводчиков давно уже нет. Что тут о прозе говорить. Да и платить переводчику надо. Предыдущая повесть, тоже на сибирскую тему, не переведена с калмыцкого языка, хотя опубликована уже в журнале «Теегин герл».

– Да, конечно, – согласилась я. – Там ведь и подготовительная большая работа для автора: подстрочник для переводчика, совместное редактирование перевода... Помню, когда отец готовил подстрочник своего романа, мы с сестрой печатали текст для переводчика, потом перепечатывали присланные из Москвы страницы перевода ... Но все же, может, со временем что-нибудь получится...

– Хорошо бы при жизни успеть сделать подстрочник и этой повести. Наверное, когда-нибудь будет востребовано, – задумался писатель.

– Главное, чтобы было написано, – убежденно проговорила я. – Это всегда будет востребовано. Кому еще об этом рассказать, как не вашему поколению! А на чем вы сейчас остановились в своей повести? Можете повеждать?

Писатель помолчал, посмотрел на большую тарелку, где гнездились бутерброды с колбасой и сыром.

– Я написал историю своей соседки по бараку. Ей было тридцать – тридцать пять лет тогда. Звали ее Булгун, но я назвал ее в повести Боова. Жили мы тогда в леспромхозе. Работала она на лесоповале. Однажды попала под срубленное дерево, слегла. Помочь ей особенно было некому. Муж погиб на фронте. Маленький сын потерялся по длинной дороге в Сибирь. Свекровь замерзла в вагоне: сняла с себя тулуп, чтобы укрыть невестку и внука. Внуку потом сказали, что бабушка заболела, отвезли ее в больницу, так он ее на каждой станции ждал, когда она выздоровеет. Может, так навстречу ей и пошел на какой-нибудь остановке, опоздал к эшелону. Кто знает, как это случилось...

Мне тогда тринадцать лет исполнилось. Был февраль. Сибирские морозы известные. Заглянул я перед школой к соседке в комнату, а там колотун, градусов пятнадцать-восемнадцать, печка не горит, дров нет. Попросила она чаю. Взял я ее кружку алюминевую, а в ней – лед: вода примерзла.

Принес я из своей комнаты несколько поленьев, чтобы печку растопить, захватил листья смородиновые и малиновые, чтобы напоить больную. Откуда взяться заварке? Плитка прессованного чая стоила дорого, да и ехать надо было далеко за нею, в другой поселок. Денег на это не было...

Я невольно посмотрела в свою большую стеклянную кружку. Хозяйка перед тем, как оставить нас за беседой, сама положила мне большой кусок сливочного масла в кружку, и теперь на поверхности чая медленно расплывался желтый островок. Когда я отпивала из кружки, пятно двигалось, как бы убегая.

Я давно уже дома не готовила калмыцкий чай: просто забеливала моло-

ком заваренный чай в чашке, не добавляя ни соли, ни тем более масла. Папа в последние годы болел пиелонефритом, ограничивал соль, в том числе и в чае. Любил он калмыцкий чай с мускатным орехом, который в кастрюлю крошила моя мама.

Писатель взял пиалу с чаем, не отпив, снова поставил на стол.

– Заварил ягодные листья, дал напиться Булгун. Немного отогрелась она, но слаба: есть нечего. И у нас ничего нет, чтобы покормить ее. Пообещал я, что зайду после школы провести.

Математика мне давалась легко, задачи решал быстро, контрольные всякие. Сосед мой по парте пользовался моим умением, списывал всегда: то ли лень было думать самому, то ли не ладилось у него с этой наукой. Вначале так и было: я пишу – он списывает. Потом я перешел на бартер, говоря по-современному. Я ему давал решенные задачи, а он мне за это еду приносил из дому, чаще картошку. Вот и в этот раз получил я от него четыре вареные картошки. Хотел сразу съесть, но потом отложил до большой перемены. Съел три, а четвертую оставил для больной женщины...

При этих словах писателя я представила сваренную в мундире картошку, которую приберег для своей соседки маленький земляк, шершавую, холодную, завернутую, наверно, в чужую чистую тряпицу.

И бутерброды на общей тарелке, не тронутые мною, показались мне какими-то лодочками, заплывшими в мирную гавань откуда-то издалека, из другой жизни.

Хозяин продолжил свой рассказ после недолгой паузы:

– Уроки подходили к концу, и я подумал, как бы помочь Булгун с топливом. У нас дома был топор, но не было пилы. Я и спросил у соседа Пашки, не сможет ли он мне помочь с дровами, прихватив свою пилу. Тот поинтересовался, когда мне это нужно. Я, коротко рассказав о Булгун, сказал, что надо бы срубить дерево после уроков.

Пашка был старше меня на два года, рослый, сильный. Он сразу согласился. Мы сбегали домой за инструментами. Я еще взял большие салазки, и мы пошли в лес за три-четыре километра от нашего жилья. Свалили вдвоем несколько тонких березок, распилили аккуратно, сложили на салазки.

Тут Пашка и говорит мне, что посмотрит сейчас петли, не попался ли заяц в одну из них. Расставляли местные жители такие силки, чтобы раздобыть какое-нибудь зверье. И вот немного погода догоняет меня одноклассник, а в руках у него – заяц, килограммов три-четыре. Большой такой. Хорошая еда. Я, конечно, не стал просить мальчика поделиться добычей, гордый был. Калмыки говорят: «сурсн – му, сурсиг эс өгхлэ – улм му». Поговорка такая: «просить неудобно, не дать просимого – еще хуже».

Я только сказал тогда: «Моя бабушка говорила: “Болх күүнд – бортуула”, то есть «кому предназначено – тому и серый заяц». К счастью, значит.

Эту поговорку я слышала впервые, хотя знала много калмыцких народных афоризмов и вставляла их в свои стихи и поэмы, поэтому переспросила.

Писатель заметил мне:

— Для калмыков заяц — хорошая примета. У русских по-другому. Суеверия свои. Иначе Пушкин не воротился бы назад, когда ему дорогу перебежал заяц: Александр Сергеевич ехал тогда из своего имения в столицу, помнишь, в декабре 1825 года.

— Так вот, — продолжил хозяин. — Держит Пашка зайца в руках, слушает меня. А потом вдруг говорит: «Калмык, бери этого зайца». Он ко мне обращался всегда так: «Калмык». И добавил: «Накормишь больную соседку. Дрова мы ей уже заготовили».

Я так обрадовался этим подаркам, что не заметил, как добрались мы до леспромхоза. Вбежал я в комнату к соседке с зайцем на руках, а там — пусто. Нет никого. Где Булгун?.. Спросил у своих, а мне отвечают: «Умерла Булгун».

Как же так? Вроде утром с ней виделись, была еще жива. Правда, шесть уроков да в лес за дровами. Но почему так быстро ее не стало!

Хоронить тогда зимой было трудно, земля мерзлая, никаким кайлом не возьмешь. Вот и хоронили до весны калмыки своих покойников в сугробах, а потом уже предавали земле. Так и Булгун унесли в какой-нибудь большой сугроб...

Красивая она была, глаза черные, большие, косы длинные, густые. Правда, от болезни завшивели уже волосы. На больного человека вши нападают быстро: нет у него, конечно, сил сопротивляться паразитам. Да и какие условия жизни были у ссыльных людей?..

Наверное, мне, подростку, она понравилась, как женщина. Думаю, тогда я впервые обратил внимание на женскую красоту. И жалко мне Булгун стало.

И, кажется, калмыцкая примета не подтвердилась: не понадобился моей соседке заяц. Хотя, вероятно, он принес удачу Пашке...

— Да, горестная история, — сочувственно отозвалась я. — Так она и в повести пересказана?

Писатель покачал седой головой:

— Нет. Я в том эпизоде оставил Булгун в живых. Очень хотелось, чтобы хорошее вознаграждалось. Но она так и не выздоровела, умерла.

— А не лучше ли было придерживаться правды жизни? — осторожно спросила я, нечаянно вторгаясь в творческую мастерскую. — Ведь так и было в большинстве случаев в ссылке.

Сама я родилась за два года до конца сибирской ссылки и теперь писала рассказы на ту же тему по воспоминаниям очевидцев. Но собеседнику об этом не сообщила, чтобы его не перебивать, и написано было мною всего несколько историй.

— Я придумал в повести другие эпизоды с Булгун, — объяснил писатель. — Хотелось рассказать о ней подробнее, чтобы не сразу расстаться... Сколько лет прошло уже с тех пор, а до сих пор помню: и алюминиевую кружку со льдом, и смородиновые листья для чая, и матрац с соломой, и вареную кар-

тошку, которую я приберег для Булгун, и поездку в лес за дровами, и зайца на счастье...

29-30 октября 2016 года. Элиста.

Бутылка

Осенью 1943 года ей исполнилось восемь лет.

И она помнила, как их отправляли в сибирскую ссылку: оставшаяся семья – это бабушка, мама, маленький брат, который потом умер от холода и недоедания на чужбине. Отец был на фронте.

Помнила, как ранним утром мама одела ее, обернула отрезом ткани, которую в колхозе выдали вместо заработной платы, обвязала бечевкой, с трудом засунула в пальто, застегнула на все пуговицы, натянула вязаную шапку, надела рукавицы. Было неудобно, тесно, но она ничего не сказала, видя напряженное материнское лицо.

То же повторилось с братиком, только его взяли на руки. Он даже не плакал от страха, видя вооруженных солдат, которые хозяйничали в доме. Один из солдат поддал ногой низенький столик с кастрюлей калмыцкого чая, все опрокинулось на пол: посуда, борцыки, масло. Солдат попал кирзовым сапогом в жидкость, чуть не поскользнулся и что-то сказал по-русски, его напарник засмеялся.

Старая бабушка испуганно молилась, перебирая сандаловые четки. Может, просила бурханов помочь им.

Но, наверно, бурханам было некогда: уж очень много калмыков выгоняли из домов, чтобы посадить в крытые грузовики, затем – в поезд и отправить куда-то. За что и зачем – никто толком не знал. Было удивительно тихо, боялись даже громко разговаривать, словно это могло что-то изменить...

Мама дала ей маленький эмалированный бидон с плотно закрытой крышкой, перевязанный для верности еще толстой серой тряпкой. Он был не очень тяжелый, но мамины слова о том, что надо беречь его во что бы то ни стало, не выпускать из рук, как будто добавили килограмм. Бидон был целый, но она помнила, что раньше на крышке был чуть отколот эмалевый краешек, и опасалась, что мама подумает, что это дочка уронила посуду, не сберегла. Это заслоняло все другие мысли и чувства, утяжеляя ношу. Время от времени мама оборачивалась, когда шли ко двору сельской школы, чтобы убедиться, что никто из семьи не отстал, и взгляд ее падал на бидон. На всякий случай мама сказала ей:

– Бося, держи крепче бидон.

Сама она несла узел и чемодан, бабушка – внука. Но на станции при погрузке чемодан не отдали: солдаты решили, что там есть что-то ценное. Там и было ценное для семьи: документы, отцовские письма с фронта. Один солдат даже ударил ногой женщину в грудь, чтобы та не цеплялась за вещи. Когда Бося увидела это, бидон чуть не выпал у нее из рук. Но она тут же вцепилась в его ручку покрепче, словно от этого зависело, уцелеет ли мама. Девочка даже не думала, что она охраняет в самом бидоне.

Не выпускала она его из рук и в долгой дороге, во время которой сначала вагон был набит людьми, а к концу пути стал свободнее из-за опустевших мест: калмыки постепенно умирали, их снимали с поезда и куда-то уносили солдаты.

Бося словно приросла к бидону, ей казалось, что он был с ней всегда. Она брала его на колени или ставила между ног.

Ее уже ничего не удивляло: ни мертвые, ни живые соседи. Она как-то ко всему притерпелась, будто старушка, много прожившая и много чего увидевшая.

Единственное, что поразило, как бабушка новорожденного ребенка, чтобы ускорить сушение его мокрых пеленок, оборачивала ими свое тело, не ежась от холода и не жалуясь на запах. А молодая мать отрешенно кормила младенца, не пряча ни от кого свои груди, в которых было мало молока, поэтому ребенок время от времени тихо плакал, не наедаясь.

Но его плач никого не тревожил. Каждый думал о своем.

Все были в каком-то оцепенении, из которого не вывел ни ночлег на какой-то станции, когда всех выгрузили из вагонов, ни утренний развоз на саях по алтайским колхозам, ни бараки, куда густо поселили калмыков.

Когда Босина семья расположилась в одной из комнат, где на печи стоял котел с водой, вскипятили черный чай. И тут, наконец, выяснилось, что в бидоне – топленое сливочное масло! Масло было желтое, как степное солнце. Горячий чай с этим маслом согрел всех, напомнив об оставленном позади доме. И Бося словно увидела разлитый там на полу калмыцкий чай, в котором плавали мелкие борцыки-«хорха», испеченные бабушкой...

Потом потянулись будни на колхозной ферме: мама ухаживала за коровами, а Бося – за телятами.

Мамин дядя пас коров. Ловил он и сусликов, сам их разделявал, собирал сусличий жир, который продавали обычно взрослые.

Война закончилась в мае 1945 года. Жить стало чуть легче, но не веселее: отец с фронта не вернулся, пропал без вести.

Наступил июнь. Босе шел десятый год. И утром мама послала ее на базар продать сусличий жир в стеклянной бутылке. Бутылка была зеленого цвета. Босе нравилось раньше с детьми смотреть на солнце сквозь разноцветное стекло бутылки: весь мир становился вокруг зеленым – люди, дома, небо и солнце. Удачей было найти осколки цветной бутылки, протереть тряпочкой и смотреть, сколько хочешь, вокруг. Можно было обменять лишний осколок на что-нибудь равноценное у соседних ребятишек.

Бутылка была закрыта промасленной бумагой, сверху обвязана ситцевым платочком.

– Жир продай, а бутылку принеси домой – пригодится для следующего раза, – сказала мама Босе, отправляя на другой конец села. – Ты меня поняла? Бутылку не отдавай!

Она повторила так, как будто от этого зависела дальнейшая продажа сусличьего жира. Да Бося и сама знала, что бутылок было мало, не хватало посуды.

– Поняла, бутылку не отдавать, – отозвалась Бося, как на военный приказ.

– Ну, иди. Береги бутылку.

По дороге Бося обнимала бутылку, словно свою куклу, оставленную в отчем доме. Эту игрушку папа привез ей из Царицына на день рождения. У нее были необыкновенные глаза – синего цвета и полотняное платье с оборками. Правда, кукла была молчуньей: по-калмыцки она не понимала, и Бося сама за нее отвечала во время разговора, приучая к чужой речи.

Девочка представила, что вместо бутылки несет свою куклу.

– Терпи, скоро придем, – сказала она, погладив бутылку. – Потом домой вернемся.

Кукла, как всегда, не ответила, хотя маленькая хозяйка говорила уже немного по-русски.

Бося дошла до базара, встала рядом с русской старухой, которая продавала семечки с помощью маленького граненого стакана. Старуха покосилась на девочку, но поскольку та ничего не просила, успокоилась.

Бося смотрела, как рядом шумно продают и покупают всякую всячину, прицениваются, торгуются, но к ней никто не подходил.

– Предлагай свое добро, – напомнила старуха. – Так до вечера простоишь.

«Как это предлагать?» – подумала девочка, но вслух не спросила, постеснялась.

Погодя к ней подошла русская женщина, спросила, что и почем, согласилась вернуть бутылку, пригласив к себе домой.

Бося пошла за покупательницей. Та шла торопливо, большими шагами, девочка за ней не попевала, семенила, стараясь не отстать. Женщина уже взяла бутылку, положила в свою кошелку, оттуда выглядывал знакомый ситцевый платочек. Бося представила себе, что это ее кукла перекочевала на новое место и теперь едет, как на коне. Так папа до войны катал дочку на колхозной лошади, приучая к седлу.

Женщина оглянулась, замедлила шаги, но не выразила недовольства.

– Уже скоро, – только заметила, поправив кошелку.

Бося обрадовалась, потому что шли долго. А надо было еще возвращаться.

– Подожди у калитки, – попросила женщина, – сейчас освобожу бутылку.

Она зашла в дом, вскоре вернулась, заплатила и отдала бутылку, которую завернула в какую-то бумагу, чтобы не испачкаться.

Бося аккуратно положила деньги в глубокий карман своего платья, осторожно взяла бутылку, отметив, что она заметно уменьшилась в весе. Платочка на ней уже не было, и девочка вздохнула: как будто кукла потеряла свой наряд.

Бося осмотрелась, далеко ли до барака. Дорогу она запомнила, взгляд у нее был цепкий, за это еще папа хвалил: «Настоящая кочевница!»

И вдруг из-за дома выбежали мальчишки. Их было несколько, с какими-то палками в руках и камнями. И они бросились к девочке.

Бося попятилась, не поняла сразу, что случилось.

В нее полетели мелкие камни, один задел ее плечо, и она чуть не выронила бутылку от неожиданности и боли.

Тот мальчишка, который оказался ловчее, подпрыгнул от радости и закричал:

– Попал, попал!

Другие заулюлюкали, стали уже прицеливаться, вошли в азарт.

Боясь, что могут разбить бутылку, Бося присела на корточки, нагнула голову и закрыла руками посуду.

Не встретив отпора, мальчишки осмелели, в живую мишень полетели новые камни. Подойдя ближе, нападавшие стали тыкать девочку палками и выкрикивать какие-то слова с угрозой, которые со страху не очень были понятны Босе. Она молчала и тихо плакала.

Неожиданно откуда-то появилась маленькая собачка, которая сначала кружилась вокруг девочки, таякая, потом вцепилась в подол ее платья.

И только тут Бося громко закричала, не выдержав напряжения. Она не звала на помощь, а кричала, надеясь, что так отгонит мальчишек и собачку.

На этот крик из окна соседнего дома выглянула пожилая женщина, заспешила на улицу. Видимо, мальчишки ей были знакомы, она стала называть их по именам, пригрозила сообщить родителям. Те сразу разбежались, побросав палки. Даже собачка отбежала, будто поняв, что теперь силы неравны.

Женщина помогла Босе подняться, отряхнула ее платье, погладила по голове:

– Не бойся. Они больше не тронут тебя.

Она спросила, сможет ли девочка найти дорогу домой.

Бося растерянно замотала головой, она не в силах было признаться, что больше ее пугали мальчишки: а вдруг они затаились рядом и потом выскочат, когда она останется одна.

Видимо, женщина поняла ее жест по-своему, она взяла девочку за руку и повела по улице, затем, сокращая путь, вывела закоулками на основную дорогу.

Ладонь у женщины была жесткая, с мозолями, напомнила девочке материнские руки. Мама кормила и доила коров на ферме, чистила коровник, сноровисто управляясь с лопатой и вилами. Эта чужая мама тоже была доброй и участливой.

Бося, добравшись до барака, отдала своей маме сбереженную бутылку.

Больше ее на базар не посылали.

1-2 ноября 2016 г. Элиста.

Теегин герл. – 2016. – № 6. – С. 42-57.

IV. СТАТЬИ О ПРОЗЕ Р. ХАНИНОВОЙ

И.Б. Ничипоров,

д.ф.н, доцент,

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова, Москва

Русскоязычная военная новеллистика

Риммы Ханиновой: поэтика вещных образов

В 2015-2016 годах известным калмыцким поэтом Риммой Ханиновой был написан цикл рассказов «Военная быль».

Дочь писателя, фронтовика, участника партизанского движения Михаила Ванькаевича Хонинова (1919-1981) уже обращалась к поэтическому осмыслению военной темы [1: 44-45], а теперь, опираясь на разнообразный документальный материал, создает цикл, включающий шесть небольших новелл о перипетиях фронтовой и послевоенной жизни: «Материнский хлеб», «Пуля», «Сан Саныч», «Партизанская мадонна», «Собака», «Печник» [2: 21-40].

Военным былям Риммы Ханиновой присуща искусно организованная новеллистическая композиция, основанная не только на изображении характеров и судеб, но и на проникновении в тайное бытие вещного мира, который выступает подчас «свидетелем» человеческих драм и исторических потрясений.

Открывающая цикл быль «Материнский хлеб» (2015) построена, как и другие рассказы, на преобладании прямой речи повествователя, бывшего фронтовика, чьими воспоминаниями и исповедальными признаниями обрамляется центральная часть произведения – его, казалось бы, незамысловатый, но насыщенный архетипическими ассоциациями диалог с матерью, подавшей ему перед отправкой на фронт «кусочек ржаного хлеба». Материнский дар символически воплотил в себе мощь родной земли и стал для рассказчика образом мудрой, сберегающей жизнь силы, а также неоскудевающей благодарной памяти как о матери, так и о трудных дорогах войны. Эти раздумья не выражаются здесь в выпретенных изречениях, но предстают как интуитивные прозрения, в виде внутренних вопрошаний повествователя:

«На войне я стал связистом. Всякое бывало – под пулями, под снарядами надо было выполнять свою работу.

Всю войну прошел без единой царапины.

Вернулся к маме, пережившей блокаду.

О том хлебе мы с ней не вспоминали.

А когда мамы не стало, каждый раз, 22 июня и 9 мая, я вспоминаю о том ржаном куске хлеба, который дала она мне на войну.

Что меня хранило тогда?

Этот хлеб?

Мамино благословение?

*И то, и другое?
Я не могу понять.
А вы?..» [2: 32]*

Вещный образ вынесен в заголовок и составляет центр событийного ряда рассказа «Пуля» (2015). Эпическое повествование о боях под Смоленском в октябре 1943 г., о героизме и тяжелом ранении в глаз командира пулеметного расчета сержанта Дмитрия Горбова сменяется расцвеченными ярким колоритом устной речи беседами и размышлениями этого искалеченного, страдающего от блуждающей пули, но не сломленного бойца. Кульминацией рассказа становится счастливое для героя случайное извлечение позеленевшей от времени, «загостившейся» в его теле пули-«негодяйки», которая воспринимается им и его собеседниками как зримое свидетельство и о трудных дорогах войны, и о силе человеческого устояния. Полушутливое сравнение потерявшего один глаз сержанта с Кутузовым находит вполне серьезное оправдание в коллизиях его фронтовой судьбы:

«И после выписки он снова ушел на фронт. А за тот бой наградили его орденом Славы третьей степени.

Воевал до самого конца войны. И всюду с ним во время войны в завязанном платочке кочевала та пуля. Время от времени он вынимал ее из кармана гимнастерки, рассказывал эту необыкновенную историю по просьбе любопытных людей, сам удивляясь своему везению.

Привез ее и домой, когда в 1948 году переехали в Калмыкию. Лежала она теперь в комодке на дне металлической коробки из-под леденцов, откуда хозяин изредка ее вынимал, сопровождая свой рассказ» [2: 31].

В рассказе «Печник» (2016) вещным источником памяти о войне и ее героях становится вырезка из газеты «Красная звезда» с заметкой о судьбе одного печника. У Ханиновой он под именем Тихона Гончара, который воевал против немцев в составе диверсионной группы, прошел через плен, пытки, спасся при расстреле, обморозил и потерял пальцы рук, но вернулся к партизанам, а после войны, несмотря на тяжелое увечье, продолжил заниматься своим мирным ремеслом. В образном строе рассказа складывание печей, противостоящее губительному холоду войны, символизирует сохранение жизненного тепла, человеческой солидарности, волевое усилие по сбережению Родины, окружающих людей, собственной личности вопреки стихиям исторического времени: *«Печник раньше был главным человеком на селе. Нет печки – нет жизни. Печка тебе на все случаи жизни: и накормит, и напоит, и спать уложит, и вылечит от всякой хвори» [2: 40].*

Острым драматизмом пронизано в рассказах Р. Ханиновой соотнесение войны и послевоенной поры в судьбах героев, причем связь времен художественно раскрывается именно в призме вещных подробностей, а также ключевых, эмоционально заряженных слов.

Так, рассказ «Сан Саныч» (2016) построен на композиционном наложении присланного на адрес телепрограммы письма бывшего фронтовика с историей подвигов и героической самоотверженности встреченного им на войне мальчишки 10-12 лет – и непосредственного изображения этого теперь уже зрелого человека спустя долгое время, его бесхитростно-доверительного повествования о себе.

Стержневым мотивом рассказа становится врезавшееся в память автора письма непривычное по отношению к подростку, но психологически мотивированное условиями войны обращение к нему как «Сан Санычу»: детский, уменьшительно-ласкательный вариант имени оказывается вытесненным ужасами войны, навязанным ею преждевременным взрослением. Примечательно при этом произвольное, почти дословное совпадение автора письма и его героя – Александра Александровича Сергеева в суждениях о том, что при осмыслении военного опыта «дело не во мне», ибо «я не один был на войне»... [2: 21, 24].

Парадоксальным образом выпадение из детства, отчасти из колеи собственной биографии и погружение в водоворот истории воспринимаются обоими фронтовиками без мучительной рефлексии или болезненного чувства, но с просветленной, исполненной внутренней силы сердечной простотой.

В рассказе «Собака» (2016) сюжетно-композиционное сопряжение «собачьих историй» из героического военного прошлого центрального персонажа и его нынешней надломленной жизни осуществляется в интерьере сказового, подчиненного напряженной «драматургии» событийного ряда повествования о бывшем фронтовике, за долгие послевоенные десятилетия не сумевшего душой вернуться с войны [2: 32-34].

Возвышенный словесный образ, присутствующий в заголовке рассказа «Партизанская Мадонна» (2016) и по контрасту включенный в череду жестоких потрясений войны, служит в этом произведении знаком вещного обретения персонажами саднящей, но необходимой памяти о погибшей на фронте молодой медсестре.

Этот рассказ о художнике – участнике войны и вдумчивом аналитике ее воздействия на людские характеры – таит в себе до конца не проясненную смысловую многозначность.

В самом ли деле бывший командир Вани Станкевича не сберег в круговерти послевоенных лет дорогого портрета своей возлюбленной или же случайно, не захотел вернуть художнику этот портрет, так и не смог за все время своей последующей семейной жизни стереть из памяти черты Жени, носившей под сердцем его ребенка и среди ужасов войны явившей ему возвышенный образ Мадонны?

Подобное умолчание приоткрывает в сюжете рассказа, в звучащих из уст персонажей исповедальных раздумьях психологическую глубину:

«Вот говорят: время лечит, – повернулся ветеран к гостю. – Да не лечит, Ванюш. Только калечит. Столько лет прошло, голос ее помню, песни

ее помню, волосы мягкие у нее были, светлые такие. А вот лица уже не вспомнить. Как в дымке, тумане каком. Поначалу там, на войне, снилась. С ромашкой. Любила гадать: любит – не любит. А чего гадать? И так ясно. Помню, как-то венок сплела из ромашек этих. На голову надела. Жаль, говорит, что зеркала большого нет, красиво, наверно. Да, красиво, говорю я. Да и как иначе?» [2: 28]

Итак, вещная образность военных былей Риммы Ханиновой разворачивается как в предметном живописании, так и на уровне психологических, словесных, пространственно-временных ассоциаций.

Взятый на фронт материнский хлеб, навеянные окопными впечатлениями рисунки, надолго засевающие в теле вражеские пули, отпечатавшиеся в памяти персонажей слова создают чувственно достоверный, возвышающийся до масштабных обобщений образ войны.

Список литературы

1. Ничипоров И.Б. Тема войны в лирике Риммы Ханиновой // Теегин герл. – 2015. – № 2. – С. 44-45.
2. Ханинова Р. Из цикла «Военная быль»: Сан Саныч. Партизанская мадонна. Пуля. Материнский хлеб. Собака. Печник // Теегин герл. – 2016. – № 2. – С. 21-40.

Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы: Материалы Рос. науч. конф. (2016; Элиста). Российская научная конференция «Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы», 24-26 октября 2016 г. [Текст]. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2016. – С. 305-309.

О.И. Иванова,
к.ф.н., доц., зав. кафедрой русской и зарубежной литературы
Северо-Восточного федерального университета
имени М.К. Аммосова, Якутск

Рассказ Р. Ханиновой «Пуля» из цикла «Военная быль»: источник и авторское воплощение

Аннотация. В статье анализируется рассказ Р.М. Ханиновой «Пуля» из цикла «Военная быль» о Великой Отечественной войне. Это авторский взгляд на исторические события, вещные образы наделяются символическим смыслом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, цикл, быль, рассказ, источник, авторское воплощение.

Рассказы Риммы Ханиновой из цикла «Военная быль» написаны в 2015–2016 годах на основе реальных эпизодов Великой Отечественной войны. Источниками для произведений послужили газетные статьи, опубликован-

ные в разные годы в «Красной звезде» (1963) [2, с. 2-3], в «Комсомольской правде» (1972) [1, с. 1-2], в «Элистинской панораме» (2015) [3, с. 3], а также телевизионные материалы – авторская передача писателя С.С. Смирнова, документальный фильм и серия «Больше, чем любовь». Незавершенный еще цикл включает рассказы 2015 года – «Материнский хлеб», «Пуля», «Сан Саныч», рассказы 2016 года – «Партизанская мадонна», «Собака», «Печник». «Сан Саныч» имеет две редакции, созданные в 2015 и 2016 годах: вторая редакция повествует о дальнейшей судьбе маленького героя. Вторую редакцию получил и рассказ «Партизанская мадонна» в 2017 году: он не только переименован («Картина»), но изменен в некоторых деталях, связанных с наименованием дипломной картины Ивана Станкевича, с двумя фотографиями партизанского разведчика. Дополнен в этом году цикл и новым рассказом «Знамя». Два последних произведения еще не опубликованы.

Мы рассмотрим рассказ «Пуля» в аспекте соотношения источника и авторского воплощения.

На материале газетной статьи калмыцкого журналиста Светланы Суювы «Не убит под Смоленском» написан рассказ Р. Ханиновой «Пуля». «Помните у Симонова: «Кто не ждал меня, тот пусть / Скажет: “Повезло...”». И в самом деле, благодаря удаче, везению, счастливому случаю, провидению – назовите это как хотите – порой выживали солдаты Великой Отечественной. Одну такую историю рассказал элистинец Иван Горбиков», – так начала свою статью С. Суюва [3, с. 3].

«Его отец Дмитрий Данилович Горбиков родился в 1915 году в Ростовской области. Рано осиротевший, он с семи лет батрачил, а в 1930-е годы стал трактористом, обзавелся семьей. Был призван на срочную в самом конце 30-х, и потому на его армейскую долю выпало и освобождение Западной Белоруссии, и советско-финская война, после которой пришлось и в госпитале полежать. Так что демобилизовался 25-летний Дмитрий Горбиков лишь летом 1941-го. И кто знал, что мирная жизнь его продлится всего несколько дней. <...> Ну а тот самый случай, о котором мы говорили вначале, произошел в середине войны. В сентябре 1943 года шли бои за освобождение Смоленщины. Сержант Дмитрий Горбиков командовал пулеметным расчетом. В 50-ти километрах от Смоленска батальон, где он служил, трое суток не мог взять высоту: враг бил по ней из тяжелых орудий с разных точек. Уже подбито несколько наших танков, что уж говорить о потерях в живой силе. Решили штурмовать высоту ночью.

В самом начале атаки Горбиков, заменяя погибшего бойца, встал за пулемет. Ударил короткой очередью по вражеской огневой точке и ужаснулся: пулемет был заряжен лентой с трассирующими пулями, которые выдали немцам его расположение. Над головой сержанта сразу засвистели пули, но он продолжал стрелять, потому что понимал: вызывая огонь на себя, он облегчает продвижение нашей атакующей пехоты.

Пули уже стучали по щитку пулемета, и одна из них, пролетев через смотровую щель, ударила Горбикова прямо в лицо», – пишет журналист [3, с. 3].

Сержант получил тяжелое ранение в правый глаз. По счастью, рядом был раненный в ногу солдат. Вдвоем они дошли до своих, а там Горбикова отправили в московский спецгоспиталь. Пуля оказалась блуждающей, операцию нельзя было сделать. Однажды больной стал задыхаться, и сосед по палате несколько раз ударил его по спине.

«И вдруг что-то металлическое цокнуло во рту по цепкам, которыми ему раздробленные зубы укрепили, – продолжает рассказ сын фронтовика. – Отцу сразу полегчало, дыхание выровнялось, он даже повеселел. Тут доктор прибежал: ну вот, говорит, кричали, что Горбиков умирает, а он улыбается. Когда зубы отцу разжали – вытащили ту самую пулю, что в глаз попала, позеленевшую уже. Шутили потом: вот, мол, какая уникальная операция спасла Горбикова – удар кулаком» [3, с. 3].

Сержант после лечения смог вернуться на фронт и остался в строю до самого конца войны.

После войны, в 1948 году, он с семьей переехал в Калмыкию. «Память о фронтовике передается молодому поколению, которое и хранит главную семейную реликвию – тетрадку с воспоминаниями Дмитрия Горбикова, записанными им собственноручно», – так закончила свою статью журналистка.

В рассказе Р. Ханиновой Горбиков представлен под фамилией Горбов.

«Под Смоленском в сентябре 1943 года его батальон трое суток не мог взять высоту. Враг сопротивлялся, ведя огонь из тяжелых орудий с разных позиций. Несколько наших танков было подбито, и в бинокль были видны развороченные снарядами, почерневшие от копоти машины, на башне – не успевшие спастись танкисты в обгоревших шлемах и комбинезонах. Пехота полегла уже на подступах к высоте.

Дмитрий Горбов командовал пулеметным расчетом. И, когда батальон пошел ночью на штурм высоты, он вскоре заменил погибшего наводчика. После короткой очереди ужас охватил его: пулеметная лента оказалась с трассирующими пулями, выдавшими противнику его расположение. Сразу рядом стали ложиться немецкие пули. Но Дмитрий продолжал стрелять, решив вызвать огонь на себя, чтобы помочь продвижению атакующей пехоты. Не успев вскрикнуть, погиб и помощник наводчика.

Вражеские пули уже стучали по щитку пулемета. Одна из них, найдя смотровую щель, пролетела и ударила Дмитрию в лицо. Он тут же лишился сознания», – так начинается рассказ Р. Ханиновой [4, с. 28-29].

Когда сержант очнулся, то с помощью раненого солдата смог добраться до своей части. Писатель вводит факты биографии прототипа через диалог сержанта и солдата на коротких привалах: «– Товарищ сержант, а вы воевали раньше?

– Досталось, боец.

– Видать, вы человек бывалый. А я со школьной скамьи. Из Ельни я.

– На финской был, ранило меня, в госпитале лежал. Летом сорок первого пришел домой. Думаю, все, отвоевался. Двадцать пять годков как-никак. Жена у меня, Аня, двое сынишек. Решил дом строить. Из самана. Знаешь,

что это такое? Слышал? Ну, так в субботу, 21 июня, кончили делать этот саман, полсела подмогнуло. А в воскресенье, 22 июня значит, начали всем миром строиться. Днем пошел я в магазин за водкой, чтобы отметить, как полагается, стройку. И там узнал новости. Прибежал домой с пустыми руками, кричу: “Война с немцами, хлопцы!”. А никто еще не знал, сразу даже не поверили. Как же, договор ведь с Германией этой заключили.

– Да, кто мог подумать, товарищ сержант.

– Через день ушел на войну германца бить.

– А меня недавно призвали, товарищ сержант. Я все пороги военкомата оббил, пока добился своего. Одноклассники на фронте тоже.

– Всем миром, как с Наполеоном. Страна наша большая, народу много, сдюжим, хлопец.

– Одолеем, товарищ сержант. Как же иначе?

– Да, боец, никак иначе нельзя. Вот только дойдем с тобой до наших, подремонтимся малость, и в строй. Я до войны, видишь ли, на тракторе трудился. Не понаслышке знаю, коли механизм в порядке, то и работа всякая спорится.

Так и дошли до своих. “Битый битого ведет”, как пошутил сержант Горбов» [4, с. 29-30].

Необычное лечение сержанта в рассказе подробно описано в соответствующем эпизоде: «Однажды в палате Дмитрий стал задыхаться. Раненые соседи послали за доктором. А один из них, могучий сибиряк, чтобы прекратить его страдания, не выдержав, вздумал помочь народным средством: несколько раз стукнул со всей силы здоровенным своим кулаком Горбова по спине.

И вдруг что-то металлическое цокнуло во рту по сцепкам, которыми раненому укрепили раздробленные зубы. Сразу стало легче, дыхание выровнялось, сержант повеселел.

А тут и доктор прибежал.

– Ну, вот, кричали, что Горбов умирает, а он улыбается, – говорит.

Разжали сержанту зубы, вытащили ту самую пулю, что тогда в правый глаз залетела, – позеленела она уже за это время.

– Зеленая какая, – только и выговорил Дмитрий.

– От злости, наверное, – пошутил сибиряк. – Загостилась, негодяйка.

– Подальше бы от таких непрошенных гостей, – поддакнул другой раненый сосед.

– Доктор, а скажите, какая уникальная операция – без скальпеля. Удар кулаком – и вот она, пуля-то, – недоуменно вымолвил сибиряк.

– Да от твоего кулака и снаряд выскочит, – не то, что пуля, – радостно отозвался сосед.

А Дмитрий молча смотрел на пулю, которую дал ему в ладонь доктор, и только задумчиво качал головой.

– Пуля дура, а штык молодец, не даром говаривал Суворов, – заметил сибиряк, заключив свой диагноз.

– Если хочешь, оставь себе на память, сержант, – сказал доктор, наблюдая за Горбовым.

– Наверде оберега? – уточнил Дмитрий.

– Что-то вроде этого, – ответил тот.

– А я бы выбросил, – сказал сибиряк.

– Оставлю, – решил Дмитрий.

– Ну, и хорошо, – согласился доктор. – А левый глаз мы тебе подлечим.

– Будешь бить фрица одним глазом, – подхватил сибиряк. – Кутузов разбил же француза.

Горбову врачи вернули зрение на левом глазе.

И после выписки он снова ушел на фронт. А за тот бой наградили его орденом Славы третьей степени.

Воевал до самого конца войны» [4, с. 30-31].

Автор использует художественный вымысел, повествуя о дальнейшей судьбе сержанта, о пуле-талисмани: «И всюду с ним во время войны в завязанном платочке кочевала та пуля. Время от времени он вынимал ее из кармана гимнастерки, рассказывал эту необыкновенную историю по просьбе любопытных людей, сам удивляясь своему везению.

Привез ее и домой, когда в 1948 году переехали на новое место, в бывшую Калмыкию, взял с собой. Лежала она теперь в комоде на дне металлической коробки из-под леденцов, откуда хозяин изредка ее вынимал, сопровождая свой рассказ.

Жена при этом снова начинала плакать, никак не привыкнув к пуле.

Дети осторожно дотрагивались, переспрашивали, гордились отцом.

– Батя, ты, как Кутузов!

– Ну уж Кутузов! – неловко отмахивался отец, но самому было приятно, что дети чтят память о войне» [4, с. 31].

Р. Ханинова уточняет новое место жительства ветерана войны – бывшая Калмыкия, напоминая в контексте тем самым о депортации калмыцкого народа в декабре 1943 года в Сибирь, когда Калмыцкая автономия была ликвидирована, город Элиста был переименован в Степной. Так в ее произведение входит мотив депортации в годы сталинских репрессий.

Реальный факт из газетной статьи – о сохранившейся в семье Д.А. Горбикова тетради его воспоминаний – творчески переработан в рассказе, в самом финале: «– Ты бы написал об этом, – посоветовал ему сосед-инвалид. – Как все было. Пусть внуки и правнуки знают, как нам досталась эта победа.

– Запишу как-нибудь, – согласился Горбов» [4, с. 31].

Сравнение с Кутузовым, данное отцу детьми, актуализирует мотив поколений, героических традиций защитников родины, связывая две Отечественные войны 1812 года и 1941–1945 годов.

Статья журналиста была написана к 70-летию Великой победы, до которой не дожил Д.А. Горбиков.

Своего рода памятью стал для этой семьи и рассказ современного русскоязычного писателя Калмыкии.

Рассказы Риммы Ханиновой из цикла «Военная быль» – не выдуманные истории, а яркое, художественное воплощение событий о жизненных реалиях настоящих героев Великой Отечественной войны. В рассказах упоминаются Смоленск, Воронежская область, белорусская деревня, Минск. Герои рассказов – маленький разведчик Ваня Станкевич, сержант Дмитрий Горбов, моряк Жора, партизан Тихон Гончар.

Война носила всенародный характер, вся Россия поднялась против врага, и нет семьи, которая бы не потеряла родного человека, сражавшегося за Родину, и нет семьи, которая не сохраняла бы память о ее участниках.

В современной русскоязычной прозе Калмыкии военный цикл Р. Ханиновой продолжает традицию калмыцкой литературы о прошедшей Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. Кожевникова К. Рубцы на берёзе // Комсомольская правда. – 1972. – 29 ноября. – С. 1-2.
2. Скрипник В. Возвращение к жизни // Красная звезда. – 1963. – 2 июня. – С. 2-3.
3. Сюйва С. Не убит под Смоленском // Элистинская панорама. – 2015. – 13 марта. – С. 3.
4. Ханинова Р. Из цикла «Военная быль»: Сан Саныч. Партизанская мадонна. Пуля. Материнский хлеб. Собака. Печник // Теегин герл. – 2016. – № 2. – С. 21-40.

«Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык – культура – образование – музей (теоретические и прикладные проблемы)», Международная науч.-практ. конф. (Элиста, 2017): материалы. Международная научно-практическая конференция «Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык – культура – образование – музей (теоретические и прикладные проблемы)»: материалы. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. – С. 87-90.

Е. В. Конеева, студент
*ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова», Элиста*

Военная тема в современной калмыцкой прозе: рассказ Р. Ханиновой «Партизанская мадонна»

Военная тема в современной русскоязычной калмыцкой литературе представлена в журнале «Теегин герл» рассказами Риммы Ханиновой из цикла «Военная быль»: «Сан Саныч», «Партизанская мадонна», «Пуля», «Материнский хлеб», «Собака», «Печник» (2015–2016) [1, с. 21-40].

Рассказ-быль «Партизанская мадонна» (2016) создан писателем после знакомства со статьей К. Кожевниковой «Рубцы на березе» в «Комсомольской правде» [2, с. 1-2].

Рассказ примечателен с точки зрения композиции, сюжета, поэтики ве-

щей. В некоторых характерных чертах – небольшом объеме, четко обозначенном сюжете, динамизме развития действия с ярко выраженной кульминацией и неожиданной развязкой – подчиненность законам новеллистического жанра. Композиция произведения инверсионная, ретроспективная, так как хронологический отсчет идет от настоящего времени к прошлому.

«Партизанская мадонна» – это картина, запланированная как дипломная работа главным героем рассказа. Заглавие представляет интерес и тем, что мадонна – это наименование в католичестве матери божьей, родительницы. А в рассказе героиня не стала матерью.

Здесь отсутствует прямая авторская оценка действий персонажей и условий, которые определяют развитие событий. Сюжет не имеет разветвленной структуры. Событийно он связан только с тем, что происходит с главным героем.

В произведении есть скрытый психологизм. Самое важное в нем – неординарное событие, задающее динамическую напряженность сюжета.

Образ вещи составил центр событийной цепи рассказа. В экспозиции фотография мальчика-партизана Вани Станкевича на стенде белорусского Музея Великой Отечественной войны послужила «порталом» в прошлое.

Особым драматизмом исполнено в рассказе сопоставление военных лет и послевоенной поры в судьбах героев, при этом связь времен художественно раскрывается именно через вещные подробности: фотография, карандаш, тетрадь, стенгазета, рисунки.

Художественное время произведения неоднородно: так, в результате временных смещений, «пропусков», изображаемое время сокращается в таких эпизодах, как описание жизни героя в мирное время, затем будни в партизанском отряде до знакомства там с медсестрой Женей, прорыв из окружения, гибель Жени, последующий его военный путь до Берлина и жизнь после войны, учеба в московском суриковском институте.

В противовес этим сжатым временным отрезкам крупным планом выделены центральные события – знакомство с Женей в партизанском лазарете, диалог студента Вани с его бывшим командиром Мишиным после войны, когда будущий художник вспомнил о своих рисунках, отданных тому на хранение, и приехал в Минск. Эпизод встречи Станкевича с Мишиным является кульминационной точкой в развитии событий: оказывается, Женя, отправившаяся с несколькими партизанами на разведку, была беременной. Командир и медсестра любили друг друга.

В образе Жени воплотилась идея вечной женственности, милосердия. Несостоявшееся материнство женщины доказывает бесчеловечность войны.

На вопрос Мишина, как назовет картину или не придумал еще, звучит:

«– Партизанская мадонна, – ответил Иван.

– Мадонна, говоришь? – переспросил Михаил Иванович. – Мать, значит.

– В телогрейке, – уточнил художник. – А рядом ребята.

– Это хорошо, – подтвердил Михаил Иванович, – с ребятами. Все не одна на картине будет» [3, с. 28].

Таким образом, идея рассказа и будущей картины Ивана Станкевича становятся созвучными.

Рассказ имеет открытый финал. Но читатель верит, что художник Станкевич напишет такую картину о военной жизни и трагической любви партизан.

Литература

1. Ханинова Р. Из цикла «Военная быль» // Теегин герл. – 2016. – № 2. – С. 21-40.
2. Кожевникова К. Рубцы на березе // Комсомольская правда. – 1972. – 29 ноября. – С. 1-2.
3. Ханинова Р. Партизанская мадонна // Теегин герл. – 2016. – № 2. – С. 25-28.

Слово и текст в культурном и политическом пространстве: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции студентов и аспирантов (Сыктывкар, 21 апреля 2017 г.) [Электронный ресурс]. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – С. 85-86.

Конеева Е., КалмГУ

Поэтика рассказа Риммы Ханиновой «Партизанская мадонна»

Военная тема в современной русскоязычной калмыцкой литературе в прошлом году была представлена на страницах журнала «Теегин герл» («Свет в степи») рассказами Риммы Ханиновой из ее нового цикла «Военная быль»: «Сан Саныч», «Партизанская мадонна», «Пуля», «Материнский хлеб», «Собака», «Печник» (2015–2016) [1, с. 21-40].

Свое произведение автор определяет как быль. Действительно, основу этого цикла составляют реальные истории Великой Отечественной войны. Так, рассказ «Партизанская мадонна» создавался после знакомства писателя с газетной вырезкой из литературного архива ее отца: статья «Рубцы на березе» К. Кожевниковой в «Комсомольской правде» [2, с. 1-2]. Один из эпизодов статьи был связан с художником Иваном Стасевичем, который получил иную фамилию в рассказе Ханиновой – Станкевич. Журналист описал фотоснимок мальчика-партизана на стенде в Музее истории Великой Отечественной войны и встречу с ним, уже сорокатрехлетним мужчиной, после войны. Кожевниковой дано определение «партизанская мадонна» в отношении Жанны – таково настоящее имя партизанки. «Усталые, изнемогающие люди, и среди них она, Жанна, партизанская мадонна» [3, с. 2]. В рассказе Ханиновой – это Женя. Евгения, что значит благородная, по словам Вани.

Художник Иван Никифорович Стасевич действительно написал картину из партизанской жизни. Названа она, правда, иначе – «В белорусских болотах».

Именно поэтому после посещения недавно в Минске Музея истории Великой Отечественной войны и уточнений этой истории писателем была создана вторая редакция рассказа под другим названием «Картина» (2017). Сравнение двух редакций рассказа на один сюжет интересно будет в будущем в плане реализации авторского замысла и воплощения.

Рассказ-быль «Партизанская мадонна» примечателен с точки зрения композиции, сюжета, поэтики вещей. В некоторых характерных чертах – небольшом объеме, четко обозначенном сюжете, динамизме развития действия с ярко выраженной кульминацией и неожиданной развязкой – прослеживается подчиненность законам новеллистического жанра. Композиция произведения инверсионная, ретроспективная, так как хронологический отсчет идет от настоящего времени к прошлому.

«Партизанская мадонна» – это картина, запланированная как дипломная работа главным героем одноименного рассказа. Заглавие представляет интерес еще и тем, что мадонна – это наименование в католичестве матери божьей, родительницы. А в рассказе героиня не стала матерью.

Здесь отсутствует прямая авторская оценка действий персонажей и условий, которые определяют развитие описываемых событий. Сюжет не имеет разветвленной структуры. Событийно он связан только с тем, что происходит с главным героем.

В произведении есть скрытый психологизм. Самое важное в нем – неординарное событие, задающее динамическую напряженность сюжета. В центре читательского внимания оказывается не столько герой, сколько то, что с ним происходит.

Первый анализ военных рассказов калмыцкого автора принадлежит доктору филологических наук И.Б. Ничипорову. «Военным былям Риммы Ханиновой присуща искусно организованная новеллистическая композиция, основанная не только на изображении характеров и судеб, но и на проникновении в тайное бытие вещного мира, который выступает подчас “свидетелем” человеческих драм и исторических потрясений», – подчеркнул в своей статье литературный критик [4, с. 305-306].

Образ вещи составил центр событийной цепи рассказа «Партизанская мадонна». В экспозиции произведения перед рассказчиком, находящимся в белорусском Музее истории Великой Отечественной войны, – фотография мальчика-партизана Вани Станкевича, которая послужила своего рода порталом в прошлое, а конкретно в историю, что раскрывается далее. Затем рассказчик обнаруживает, что на стенде нет некой фотографии. В экспозиции рассказа информации об этой героине более не содержится. Таким образом, создается интрига.

Особым драматизмом исполнено в рассказе сопоставление военных лет и послевоенной поры в судьбах героев, при этом связь времен художественно раскрывается именно через вещные подробности. Значение слов «карандаш», «тетрадь», «рисование» в процессе углубления в данную историю, расширяется, качественно преобразовывается, приобретая особую поэтику.

Вначале эти слова участвуют в описании увлечения будущего партизана, затем отражают общее социально-экономическое положение страны и частной семьи («Хотя бумаги не хватало, да и карандаш быстро тупился, приходилось его осторожно точить, чтобы не сломался грифель») и, наконец, прочно утверждаются как сюжетообразующие детали, поскольку они неотделимы от становления героя как художника.

Далее повествуется о детстве мальчика-партизана: как он любил рисовать, как слыл художником в школе, реализуя свой талант в помощи создания стенгазет. Началась война, и мальчик попал в партизанский отряд, и там он остался верным своему увлечению – рисованию. Оно даже уберегло его от участи, постигшей жителей его деревни, которых забрали немцы: «Скоро немцы дошли и до Ваниной деревни, забрали всех жителей. Ваня был в это время в лесу – рисовал сосны» [3, с. 25].

Рассказ написан в сказовой манере, суть которой состоит в том, что повествование ведется не от лица нейтрального, объективного, а от участника сообщаемых событий. Приведем высказывания, указывающие на это: «А ее фотографии нет.<...>Могли бы запомнить ее по Ваниным рисункам, но их в музее нет» [3, с. 25].

Использование ретроспекции (экскурс в прошлое героя) позволяет высветить в прошлом мотивы, истоки поведения героев, психологически верно и убедительно выстроить финал повествования. Ретроспективная композиция диктует также автору произведения типологию художественного времени.

Художественное время произведения неоднородно: так, в результате временных смещений, «пропусков», изображаемое время сокращается в таких эпизодах, как, например, описание жизни героя в мирное время, затем будни в партизанском отряде до знакомства с Женей, прорыв из окружения, гибель Жени, последующий его военный путь до Берлина и жизнь Вани после войны. Но в противовес этим сжатым временным отрезкам крупным планом выделены центральные события – знакомство с Женей в партизанском лазарете, диалог студента Вани с его бывшим командиром Мишиным после войны, когда будущий художник вспомнил о своих рисунках, отданных тому на хранение, и приехал в Минск. Эпизод встречи Станкевича с Мишиным является кульминационной точкой в развитии событий: и юноша, и читатель из откровений ветерана понимают, что двигало командиром отряда, когда он настаивал на том, чтобы Женя не ходила в разведку, обернувшуюся трагедией.

Взгляд в прошлое, обозрение того, что было, повлекло за собой создание хронотопов – Великая Отечественная война и Белоруссия, которые вызывают в памяти россиянина воспоминания о славных страницах партизанской войны против фашистских захватчиков, иными словами, «приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем» [3, с. 236].

В отряде Ваня проявил свой талант в написании лозунгов, оформлении листовок, выпуске стенгазет, также рисовал портреты своих товарищей, ко-

торые получались «...по-разному, но никто не корил; радовались, разглядывая себя, иногда указывая, где промахи: нос картошкой, уши торчком, глаз косит» [3, с. 25].

Когда мальчик заболел, за ним ухаживала медсестра Женя – неизвестная «она», чью фотографию искал автор («А ее фотографии нет. <...> Могли бы запомнить ее по Ваниным рисункам, но их в музее нет»). Ваня сравнивает ее с героиней русской народной сказки – с Царевной-лягушкой, потому что «...все у нее получалось, быстро и ловко. И красивая была» [3, с. 26].

Ваня не вмешивается во взаимоотношения взрослых, он как бы выступает в роли наблюдателя. Часто он рисовал Женю, которая была в то время единственной женщиной в отряде: в ней он разглядел красоту, прежде всего, духовную.

В войну человек ощущает дефицит светлых, нежных чувств, и, если они возникают, то прочно укрепляются в душе и не позволяют ей сломиться под давлением страшных событий и последствий, что приносит война. В образе Жени воплотилась идея вечной женственности, милосердия, которая противостоит общей атмосфере бесчеловечности, ужаса, которую сеет вокруг себя война.

Развернутое портретное описание, как одно из средств психологической характеристики главных героев в произведениях эпического характера, здесь отсутствует: это диктуют законы новеллистического жанра. Только в эпизоде, когда Ваня, находясь в лазарете, рисует портрет Жени, автор вводит посредством артефакта внешние черты партизанки. Мальчик в силу своего возраста и умения не может уловить то, что кажется ему важным в характере и образе девушки: «У нее были светлые глаза и светлые волосы. Они на рисунках трудно передавались. Чего-то постоянно не хватало, а что именно – маленький художник не мог понять. Потому и прятал рисунки от всех, и от Жени в том числе» [3, с. 26].

Женя погибла в разведке. А перед этим Ваня стал невольным свидетелем разговора, из которого стало известно, что командир Мишин почему-то запретил медсестре идти на это задание, несмотря на то, что раньше не раз она ходила в разведку.

Теперь из рассказа самого Михаила Ивановича понятно, что они любили друг друга, что у них должен был появиться ребенок.

Трагедия достигает своего пика – такое горе носил в себе все эти годы мужчина: гибель любимой женщины и не родившегося ребенка. Сколько лет прошло? А воспоминания его болезненны до сих пор в уточнении с использованием просторечия: «...она ранена насмерть была. В живот. А у нее ребеночек зародился тогда» [3, с. 27]. Речь старого человека немногословна, информация свернута, предложения парцелированы, – и благодаря этому приему читатель понимает, какую боль испытывает этот человек. Он потом женился, но детей у него с женой нет.

Память о боевых товарищах, о суровом времени движет желанием молодого художника создать дипломную картину на эту тему.

На вопрос Мишина, как назовет картину или не придумал еще, звучит:

«– Партизанская мадонна, – ответил Иван.

– Мадонна, говоришь? – переспросил Михаил Иванович. – Мать, значит.

– В телогрейке, – уточнил художник. – А рядом ребята.

– Это хорошо, – подтвердил Михаил Иванович, – с ребятами. Все не одна на картине будет» [3, с. 28].

Даже в этом уточнении ветерана войны отзывается неизбывная боль о прошлом.

Таким образом, идея рассказа и будущей картины Ивана Станкевича становятся созвучными.

Есть еще одно откровение в словах Михаила Ивановича, имеющее важный смысл и для молодого художника, и для читателя: вопреки народной мудрости, время не лечит от горечи потерь. «Вот говорят: время лечит, – повернулся ветеран к гостю. – Да не лечит, Ванюш. Только калечит. Столько лет прошло, голос ее помню, песни ее помню, волосы мягкие у нее были, светлые такие. А вот лица уже не вспомнить. Как в дымке, тумане каком» [3, с. 28]. В этих словах бывшего партизана очевидна антигуманная сущность войны, которая ломает судьбы людей и забирает их жизни.

И.Б. Ничипоров высказал интересную гипотезу по поводу судьбы военных рисунков мальчика-партизана: «...В самом ли деле бывший командир Вани Станкевича не сберег в круговерти послевоенных лет дорогого портрета своей возлюбленной или же слукавил, не захотел вернуть художнику этот портрет, так и не смог за все время своей последующей семейной жизни стереть из памяти черты Жени, носившей под сердцем его ребенка и среди ужасов войны явившей ему возвышенный образ Мадонны?» [4, с. 308-309].

Рассказ имеет открытый финал. Но читатель верит, что художник Станкевич напишет такую картину о военной жизни и трагической любви партизан.

Литература

4. Ханинова Р. Из цикла «Военная быль» // Теегин герл. – 2016. – № 2. – С. 21-40.

5. Кожевникова К. Рубцы на березе // Комсомольская правда. – 1972. – 29 ноября. – С. 1-2.

6. Ханинова Р. Партизанская мадонна // Теегин герл. – 2016. – № 2. – С. 25-28.

7. Ничипоров И.Б. Русскоязычная военная новеллистика Риммы Ханиновой: поэтика вещных образов // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы: материалы Рос. науч. конф. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2016. – С. 305-309.

**Тема военного детства в современной русскоязычной прозе Калмыкии:
рассказ Риммы Ханиновой «Сан Саныч»**

Новый цикл «Военная быль» Риммы Ханиновой представлен журналом «Теегин герл» («Свет в степи») в начале прошлого года. Он включал шесть рассказов: «Партизанская мадонна», «Печник», «Пуля», «Материнский хлеб», «Сан Саныч», «Собака». В 2017 году после поездки в Беларусь писателем написан еще один рассказ «Знамя», создан вариант рассказа «Партизанская мадонна» под другим названием «Картина».

Одним из первых к этому циклу рассказов русскоязычного автора обратился давний исследователь творчества Р.М. Ханиновой, московский профессор И.Б. Ничипоров, раскрыв поэтику вещных образов.

В этом году мы рассмотрели военную тему этого цикла на примере рассказа «Партизанская мадонна», приняв участие во Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов, проведенной Сыктывкарским государственным университетом им. П. Сорокина, «Слово и текст в культурном и политическом пространстве».

Теперь предметом нашего исследования стала тема военного детства в рассказе «Сан Саныч» (2015). Среди шести опубликованных произведений его главный герой – маленький партизан-разведчик, как и в рассказе «Партизанская мадонна». В отличие от предыдущего рассказа новый текст композиционно включает прием «рассказ в рассказе» в виде письма ветерана войны писателю-фронтовику с просьбой отыскать мальчика-разведчика, следы которого были потеряны после боевой операции. Само повествование представляет воспроизведение телевизионной передачи «Герои войны», во время которой ведущий знакомит зрителей с одним из многочисленных писем, пришедших в редакцию.

Как указывает литературный критик, рассказ «построен на композиционном наложении присланного на адрес телепрограммы письма бывшего фронтовика с историей подвигов и героической самоотверженности встреченного им на войне мальчишки 10-12 лет – и непосредственного изображения этого теперь уже зрелого человека спустя долгое время, его бесхитростно-доверительного повествования о себе» [Ничипоров 2016: 308].

Таким образом, письмо служит «взлетной» площадкой для сюжета рассказа. Оно имеет все элементы сюжета: экспозицию (место, время и действующие лица), завязку (встреча с мальчиком-разведчиком во время боевой операции по взрыву моста), развитие действия (подготовка к взрыву моста, взрыв, захват мальчика немцами, спасение его партизанами), кульминацию (снимок мальчика в витрине фотостудии в освобожденном Минске, выяснение его имени-отчества), развязку (автор письма хотел узнать о судьбе мальчика при помощи писателя). Как и в других рассказах этого цикла, развертыванию сюжета способствуют значимые вещи – письмо ветерана и снимок мальчика. Последний представляет артефакт, играющий вспомога-

тельную роль – опознание маленького героя. При этом отсутствует подробное описание снимка – изображение Сан Саныча.

Повествование ведется через систему безымянных рассказчиков: писатель, ведущий телепередачи, и автор письма. Отсутствие этих двух имен, по нашему мнению, – художественный прием Р. Ханиновой, подчеркивающий типичность действующих лиц, несмотря на то, что в контексте понятно – это писатель Сергей Сергеевич Смирнов, автор знаменитой книги «Брестская крепость».

Начинается рассказ с представления писателем письма из Белоруссии. Адресант с неразборчивой подписью обратился к нему:

«...Знаю, что вы тоже воевали, а после войны собираете рассказы ветеранов, чтобы написать еще одну книжку. Не знаю, понадобится вам моя история, которую хочу рассказать, или нет, но все же поделюсь, так как не дает она мне покоя до сих пор. Прошло уже с той поры немало лет, а, кажется, что недавно случилось это» [Ханинова 2016: 21].

О себе автор письма не счел нужным что-либо конкретно сообщить, так как главным героем истории, берущей свой отсчет в конце июня – начале июля 1944 года (время освобождения Минска), считал другого человека. Это «мальчишка, лет десяти-двенадцати. Ничем не примечательный, белобрысый, разве что держался независимо» [Ханинова 2016: 21]. Такое впечатление изначально произвел на партизана мальчик, встретившийся ему на задании: группа партизан должна взорвать мост, к которому было трудно подобраться из-за усиленной охраны. У ребенка было собственное задание, неизвестное группе. После его выполнения он присоединился к партизанам, которые трое суток никак не могли выполнить приказ. Мальчишке удалось прошмыгнуть с взрывчаткой под поезд и взорвать мост.

Вторая половина группы, бывшая на другом берегу, увидела, что мальчику удалось спасти – он прыгнул в реку, но охранники моста выловили его и увезли. Партизаны вызволили раненого мальчика из немецкого плена, увидев страшное зрелище. Фашисты «прибили мальчишку к двери, а один из них бил молотком по его пальцам, все руки были в крови» [Ханинова 2016: 22]. Во время отхода группы в лес партизаны и читатели узнали о мальчике совсем немного: в бреду он «просил вызвать какого-то Восьмого. Видимо, начальство свое. Называл неотчетливо свой московский адрес, говорил, что мать работает в Наркомфине, все ее знают там, что он сбежал на войну из третьего класса» [Ханинова 2016: 22]. С момента погрузки раненого мальчика с двумя партизанами в лодку, спрятанную в камышах и ее отхода, дальнейшие пути автора письма и храбреца расходятся.

Во время прогулки по освобожденному Минску партизан видит в витрине фотостудии снимок отчаянного мальчика и узнает у фотографа его имя и отчество – Сан Саныч: так к нему обращались пришедшие танкисты.

По мнению И.Б. Ничипорова, «стержневым мотивом рассказа становится врезавшееся в память автора письма непривычное по отношению к подростку, но психологически мотивированное условиями войны обращение к нему

как “Сан Санычу”: детский, уменьшительно-ласкательный вариант имени оказывается вытесненным ужасами войны, навязанным ею преждевременным взрослением» [Ничипоров 2016: 308].

Авторская позиция отражена косвенным образом и в заголовке рассказа; необычное обращение к мальчику скрывает в себе смешанные чувства взрослых, в нем и восхищение мужеством маленького героя и горечь от осознания того, как рано взрослеет ребенок в суровые годы войны.

По самым обычным житейским причинам («...Женился, дети, работа...») у автора письма не получилось после войны отыскать мальчика или его мать. Письмо помогла ветерану написать дочь-студентка. Память о войне не дает покоя старому человеку: «Тяжело вспоминать войну, но не вспоминать еще тяжелей» [Ханинова 2016: 23].

О войне не вспоминать невозможно, по словам бывшего партизана. Глагол «вспоминать» обозначает здесь значение «говорить», «поделиться». Можно сделать вывод о том, что это равнодушный человек, который все эти годы в своем сердце хранил память о боевых товарищах. Поэтому он и просил телеведущего разузнать о судьбе мальчика из Москвы.

После прочтения письма телеведущий сообщил, что он выполнил просьбу ветерана войны: Александра Александровича удалось разыскать, и он – гость студии. «У гостя простое, славное лицо. Он одет в костюм с галстуком: все-таки всесоюзное телевидение. Глаза у Сергеева светлые: не то серые, не то голубые, эфир-то черно-белый – не различить» [Ханинова 2016: 24]. Таким образом, появляется второе описание внешности Сан Саныча, более подробное, но без особых примет. Тем самым автор рассказа, по нашему мнению, актуализировал тип русского человека, прекрасного, прежде всего, своим внутренним миром, своей душой.

Интрига рассказа построена на тайне судьбы маленького персонажа: спасся он во время войны или нет. И вот кульминация: Александр Александрович сообщил зрителям о том, как его нашли наши солдаты, как он лечился в госпитале, затем вернулся в строй, прошел всю войну. Ведущий заметил, что «настоящие герои всегда скромные. Как наш гость. А на вашем заводе знают, с кем они вместе работают?..», и услышал простой лаконичный ответ: «Я не один был на войне» [Ханинова 2016: 24].

Как точно отметил литературовед: «Примечательно при этом произвольное, почти дословное совпадение автора письма и его героя – Александра Александровича Сергеева в суждениях о том, что при осмыслении военного опыта “дело не во мне”, ибо “я не один был на войне”» [Ничипоров 2016: 308].

«Парадоксальным образом выпадение из детства, отчасти из колеи собственной биографии и погружение в водоворот истории воспринимаются обоими фронтовиками без мучительной рефлексии или болезненного чувства, но с просветленной, исполненной внутренней силы сердечной простотой», – подытожил И.Б. Ничипоров, сблизив биографии детства и молодости героев на прошедшей Великой Отечественной войне [Ничипоров 2016: 308].

Рассказы Риммы Ханиновой из цикла «Военная быль» имеют документальную основу, что следует из его названия.

Создавая свой цикл, даря новую жизнь реальным героям, прототипам рассказов, Р. Ханинова, как и любой другой автор, внесла в него собственный жизненный смысл.

По убеждению Л.В. Карасева «создавая текст, автор действует совершенно определенным образом, он создает его по собственному образу, организует его так, как устроен он сам» [Карасев 2005: 109].

Литература

Карасев Л.В. Онтологическая поэтика (краткий очерк) // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. – Вып. 1. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 91-113.

Ничипоров И.Б. Русскоязычная военная новеллистика Риммы Ханиновой: поэтика вещных образов // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы: материалы Рос. науч. конф. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2016. – С. 305-309.

Ханинова Р. Сан Саныч // Теегин герл. – 2016. – № 2. – С. 21-24.

Конеева Е.В., КалмГУ

Поэтика рассказа Риммы Ханиновой «Бутылка» о депортации и сибирской ссылке

Тема депортации и ссылки калмыцкого народа в период сталинских репрессий (1943 – 1956 гг.) в калмыцкой литературе представлена писателями нескольких поколений, которых можно условно отнести к трем группам: те, которые пережили эту трагедию, те, которые родились в ссылке, те, которые знают эти страницы отечественной истории по воспоминаниям своих родных и близких людей.

Это произведения, написанные на калмыцком и русском языках.

Творчество русскоязычного писателя Риммы Ханиновой относится ко второй группе. Вначале она обратилась к этой теме в лирике, создав цикл «Сибирской памяти тетрадь» в 1991 году [Ханинова 1994], а затем и другие стихи [Современная русскоязычная поэзия Калмыкии 2013; Диалоги во времени и пространстве: поэзия Риммы Ханиновой 2014; Топалова 2014; Манджиева 2015].

Спустя годы, в 2016 году, в журнале «Теегин герл» («Свет в степи») появился незавершенный еще цикл рассказов писателя «Сибирская быль»: «Мамины рассказы о сибирском детстве», «Заяц на счастье», «Бутылка» [Ханинова 2016: с. 42-57].

В отличие от лирики Р. Ханиновой, посвященной сибирской ссылке, новый прозаический цикл не стал еще предметом исследования в калмыцком литературоведении.

Судя по названию цикла, в нем нашли отражение реальные истории.

Действительно, первый рассказ написан по воспоминаниям матери автора, Буги Босхомджиевны Араловой (род. 1934). Второй рассказ базируется на беседе двух писателей, один из которых автор, о творческих делах. Для третьего рассказа толчком к созданию послужила публикация элистинской учительницы о сибирском детстве своей матери, опубликованная в газете «Хальмг үнн» [Бовикова 2015: 4].

Презентация цикла «Сибирская быль» состоялась 15 декабря 2016 года в литературной гостиной Национальной библиотеки им. А.М. Амур-Санана совместно с преподавателями и студентами Калмыцкого госуниверситета, с калмыцкими писателями Эрдни Эльдышевым и Валерием Хотлиным. Рассказ «Бутылка» был прочитан заслуженной артисткой Республики Калмыкия Тамарой Параевой и вызвал эмоциональный отклик читателей и слушателей.

Поэтика этого произведения представляет для нас особый интерес, так как тема депортации и сибирской ссылки раскрыта в аспекте вещного мира, на что указывает его название.

В рассказе «Бутылка» повествуется о девочке по имени Бося, которой на момент начала ссылки было восемь лет, в газетной заметке учительницы имя ее матери не названо. Калмыцкое имя Боса образовано от глагола *босх* «вставать, подниматься» [Монраев 2007: 144]. В контексте рассказа имя главной героини становится символичным. Тетю автора по отцовской линии звали Бося, она тоже пережила сибирскую ссылку замужней женщиной со своей семьей.

Авторский рассказ – художественное произведение, точки соприкосновения его с газетной заметкой касаются лишь некоторых деталей биографии главного персонажа, связанных с его детством.

Внезапное вторжение в жизнь семьи девочки и всего калмыцкого народа в конце декабря 1943 года вооруженных солдат и офицеров Красной Армии, которые приказали старикам, женщинам и детям срочно собираться в дорогу, изменило все.

Тогда Бося мало что понимала в происходящем.

«Помнила, как ранним утром мама одела ее, обернула отрезом ткани, которую в колхозе выдали вместо заработной платы, обвязала бечевкой, с трудом засунула в пальто, застегнула на все пуговицы, натянула вязаную шапку, надела рукавицы. Было неудобно, тесно, но она ничего не сказала, видя напряженное материнское лицо.

То же повторилось с братиком, только его взяли на руки. Он даже не плакал от страха, видя вооруженных солдат, которые хозяйничали в доме» [Ханинова 2016: 54].

Бося слышала, как испуганно молилась старая бабушка, перебирая свои сандаловые четки. А бурханы ее молитвы не слышали, «наверно, бурханам было некогда: уж очень много калмыков выгоняли из домов, чтобы посадить в крытые грузовики, затем – в поезд и отправить куда-то. За что и за чем – никто толком не знал» [Ханинова 2016: 54].

Авторский акцент в рассказе сделан на событиях, которые произошли в определенный период времени: депортация, начало ссылки и окончание Великой Отечественной войны.

Логически рассказ можно поделить на две части, каждую из которых объединяет фигурирующий в ней предмет: бидон и бутылка.

Композиционно единым делает этот рассказ поведение главной героини, которая в двух случаях беспрекословно следует указаниям матери – ни при каких обстоятельствах не выпускать из рук доверенной ей ноши. В первом эпизоде Бося придерживается материнского наказа перед посадкой в поезд и в пути следования, несмотря на все беды:

«Мама дала ей маленький эмалированный бидон с плотной закрытой крышкой, перевязанный для верности еще толстой серой тряпкой. Он был не очень тяжелый, но мамыны слова о том, что надо беречь его во что бы то ни стало, не выпускать из рук, как будто добавили килограмм» [Ханинова 2016: 54].

Психологически ситуация детализирована еще и опасением ребенка не справиться с поручением.

«Бидон был целый, но она помнила, что раньше на крышке был чуть отколот эмалевый краешек, и опасалась, что мама подумает, что это дочка уронила посуду, не сберегла. Это заслоняло все другие мысли и чувства, утяжеляя ношу» [Ханинова 2016: 54].

Во время погрузки в эшелон у Босиной мамы солдаты отобрали чемодан, в котором хранились и отцовские письма с фронта.

«Один солдат даже ударил ногой женщину в грудь, чтобы та не цеплялась за вещи. Когда Бося увидела это, бидон чуть не выпал у нее из рук. Но она тут же вцепилась в его ручку покрепче, словно от этого зависело, уцелеет ли мама. Девочка даже не думала, что она охраняет в самом бидоне» [Ханинова 2016: 54].

В долгой дороге «Бося словно приросла к бидону, ей казалось, что он был с ней всегда. Она брала его на колени или ставила между ног» [Ханинова 2016: 54].

Автор показал, как взрослеют дети во время нелегких испытаний за две недели. Девочку «уже ничего не удивляло: ни мертвые, ни живые соседи. Она как-то ко всему притерпелась, будто старушка, много прожившая и много чего увидевшая» [Ханинова 2016: 55].

О содержимом бидона становится известно по прибытии семьи в назначенный пункт спецпоселения – алтайский колхоз: «И тут, наконец, выяснилось, что в бидоне – топленое сливочное масло! Масло было желтое, как степное солнце. Горячий чай с этим маслом согрел всех, напомнив об оставленном позади доме. И Бося словно увидела разлитый там на полу калмыцкий чай, в котором плавали мелкие борцыки-«хорха», испеченные бабушкой...» [Ханинова 2016: 55].

Вещи и явления на чужбине максимально активизируют коннотации, ассоциации, связанные с родным краем, домом, бытом калмыков.

Девочка и все остальные спецпереселенцы еще не осознали в полной мере, что к прошлому возврата нет.

Вещные образы, объединяющие два события с участием девочки, различаются своим материалом – эмалированный бидон и стеклянная бутылка. Бутылка во втором эпизоде служит емкостью для хранения сусличьего жира, который добывает ловлей зверьков и продает семья Боси. Отправляя утром уже десятилетнюю дочку на базар, мама наказала ей – продать жир, а бутылку принести домой.

«Она повторила так, как будто от этого зависела дальнейшая продажа сусличьего жира. Да Бося и сама знала, что бутылок было мало: не хватало посуды» [Ханинова 2016: 55].

Поэтому характерно, что дочка откликнулась на мамины слова, как на военный приказ.

«Поняла, бутылку не отдавать, – отозвалась Бося, как на военный приказ. – Ну, иди. Береги бутылку» [Ханинова 2016: 55].

В этом приказе для девочки важны два составляющих – бутылку не отдавать и беречь бутылку.

Бутылка была зеленого цвета.

«Босе нравилось раньше с детьми смотреть на солнце сквозь разноцветное стекло бутылки: весь мир становился вокруг зеленым – люди, дома, небо и солнце. Удачей было найти осколки цветной бутылки, протереть тряпочкой и смотреть, сколько хочешь, вокруг» [Ханинова 2016: 55].

Подробное описание бутылки («закрыта промасленной бумагой, сверху обвязана ситцевым платочком») подготавливает восприятие девочки, представившей, «что вместо бутылки несет свою куклу» [Ханинова 2016: 56].

Эта отсылка к игрушке, подаренной отцом на день рождения дочки. Упоминание о Сталинграде, откуда привезена кукла, актуализирует название города, получившего в 1925 году наименование в честь вождя народов – Иосифа Сталина. Такой топоним акцентирует теперь роль Сталина в геноциде против народов страны.

Воспоминание об игрушке, оставленной в отчем доме на родине, подчеркивает семейную потерю: отец не вернулся с войны, пропал без вести.

Психологически становится понятной игра девочки с вещью.

«– Терпи, скоро придем, – сказала она, погладив бутылку. – Потом домой вернемся.

Кукла, как всегда, не ответила, хотя маленькая хозяйка говорила уже немного по-русски» [Ханинова 2016: 56].

Здесь подчеркивается первоначально плохое знание русского языка калмыками в иноязычной среде.

Продав сусличий жир и получив от покупательницы свою бутылку, Бося на обратном пути столкнулась с местными мальчишками, которые выскочили из-за дома и стали бросать в нее мелкие камни, а потом с какими-то угрозами тыкать палками. Девочка чуть не выронила бутылку от неожиданности и боли, когда один камень задел ее плечо. «Боясь, что могут разбить бутыл-

ку, Бося присела на корточки, нагнула голову и закрыла руками посуду» [Ханинова 2016: 57].

Откуда-то прибежала и собачка, вцепилась в подол ее платья.

Важно отметить, что Бося «не звала на помощь, а кричала, надеясь, что так отгонит мальчишек и собачонку» [Ханинова 2016: 57].

Помощь пришла со стороны. Из соседнего дома выглянула пожилая женщина, прогнала мальчишек и вывела ребенка на дорогу.

Автор обращает внимание читателей рассказа на руку спасительницы: «Ладонь у женщины была жесткая, с мозолями, напомнила девочке материнские руки. Мама кормила и доила коров на ферме, чистила коровник, сноровисто управляясь лопатой и вилами» [Ханинова 2016: 57].

Сравнение чужой женщины с собственной матерью показательно в этом эпизоде: «Эта чужая мама тоже была доброй и участливой» [Ханинова 2016: 57].

В контексте произведения показаны взаимоотношения спецпереселенцев и местных жителей, взрослых и детей: от недоверия, подозрительности и порой враждебности – к сочувствию, состраданию, дружбе и взаимопомощи.

Кроме того, вводится немаловажная деталь – работа Босиной матери на ферме.

Большая часть спецпереселенцев жила не в сибирских городах, а в селах, деревнях, поселках, трудилась на тяжелых физических работах. Жили вначале в бараках.

«Бося, добравшись до барака, отдала своей маме сбереженную бутылку» [Ханинова 2016: 57].

Автор опускает подробности в конце рассказа, как девочка рассказала семье о случившемся. Но то, что она сообщила об этом, несомненно.

Поэтому эпилог произведения состоит из одного предложения:

«Больше ее на базар не посылали» [Ханинова 2016: 57].

Образ девочки в рассказе Р. Ханиновой интересен в плане создания национального характера в возрастном диапазоне. Босе присущи те черты, которые помогли ей, как и всему народу, выстоять в условиях сибирской ссылки: стойкость, мужество, терпение, сдержанность в проявлении чувств.

Таким образом, поэтика рассказа являет через призму вещей – бидон и бутылка, их содержимого (топленое масло и сусличий жир) – картины депортации и ссылки калмыков, показанные в детском восприятии.

Литература

1. Бовикова З. Сибирский рассказ моей мамы // Хальмг үнн. – 2015. – 26 декабря. – С. 4.
2. Диалоги во времени и пространстве: поэзия Риммы Ханиновой: учеб. пособие. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014.
3. Манджиева Б.В. Тема сибирской ссылки калмыков в лирике Джангра Насунова, Риммы Ханиновой и Валентины Лиджиевой // «Где родина, там

наша песня и воля»: тема Великой Отечественной войны и депортации калмыцкого народа в калмыцкой и русской литературе: сб. статей. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. – С. 167-169.

4. Монраев М. Калмыцкие личные имена: семантика; на рус. и калм. яз. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007.

5. Современная русскоязычная поэзия Калмыкии: учеб. пособие. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013.

6. Топалова Д.Ю. Русскоязычная поэзия Калмыкии: лирика Д. Насунова и Р. Ханиновой: монография. – Элиста: КИГИ РАН, 2014.

7. Ханинова Р.М. Взлететь над мира суетой: стихи. – Элиста, 1994.

8. Ханинова Р. Из цикла «Сибирская быль» // Теегин герл. – 2016. – № 6. – С. 42-57.

V. СТИХИ РИММЫ ХАНИНОВОЙ

САЙГАЧЬИ ВДОВЫ

*А на войне, как на войне,
что у зверей, что у людей:
бои, атаки – наравне
судьба и взрослых, и детей.
Не возвращаются с войны:
погибли, без вести ушли,
в плену пропали, тьмы и тьмы
там павших ли, увечных ли...
Столетия идет война
и множит вновь потери, боль.
Ко всем безжалостна она
в противоборстве сил и воль.
Но пагубней война людей
против природы, против тех,
кто беззащитен, – вместе с ней
они исчезнут без помех.
Ровесник мамонтов – сайгак –
в степи калмыцкой, как мираж:
пять тысяч особей. И так
опасен гибели вираж.
Сайгачьи вдовы на войне –
идет отстрел, убой самцов:
рога по-прежнему в цене,
нажива есть в конце концов.
Редуют вновь в степи стада,
сайгачьи вдовы без детей,
и что останется тогда*

*после охотничьих затей?
Виной не только браконьер –
виной беспечность и бездумство.
Загнав сайгаков в наш вольер,
спасемся ли от тугодумства?
Указ, приказ, как на войне,
читаем сводки, как с фронтов,
несем потери на войне –
все меньше рогалей-самцов.
Невесты есть без женихов,
и вдовы есть в степных стадах...
Одна полынь для них, что вновь
горчит на вянущих губах...*

14.11.2016

ПОЕЗД МОСКВА – ВОРОНЕЖ

*Здесь
не был найден спасительный штамм.
Здесь
не выпал Осип из окна. Мандельштам.
Теперь
на карте Воронежа штамп:
здесь
в ссылке с Надеждой жил Мандельштам.*

14.11.2016.

*Путевые обходчики, как снегири,
На снегу ноября снятся мне до зари:
Вдоль дорожных путей, словно кистью Дали,
Снегири, снегири уплывают вдали.*

*Русский лес убегает за окнами прочь.
«Русский лес» я читала студенткой всю ночь.
Грацианский – Вихров: почва или судьба?
Длится спор до сих пор... И мелькают леса...*

*Кудрявый мальчик на эмалевом портрете,
И пять лучей вокруг, как пять дорог.
Оттуда, в том доверчивом привете
Прищур монгольский и судьбы урок.*

*Сатиновые язычки, как пламя,
О вентилятор бьются невпопад,
Словам пионервожатой не внимая,
Слежу, как присягает наш отряд.*

*Мы – пионеры. И костры взлетают
Под школьный побеленный потолок.
Мы – смена. Эту клятву все читают –
Кто наизусть, а кто наискосок.*

*Милости не ждать нам от природы,
Взять ее – задача бы проста.
Сам Мичурин принимает роды,
Скрещивая виды и сорта.*

*Богу – значит то, что есть от Бога,
Кесарю – крошить и кесарить.
То, что вышло от порога до порога,
И творить, творить и натворить.*

Мичуринск.

*Из грязи в князи –
как придется.
Из князя в грязи...
Обойдется?*

Грязи. 13:24 – 13:37.
29.11.2016.
Поезд Москва – Воронеж.

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

*Вначале был язык единым для землян,
Вначале было божье изъяснение.
Но наказанием гордынь вавилонян
Вдруг стало языков столпотворенье.
Народы, племена, утратив полилог,
Забыли прежнее наречье пониманья,
И к небесам поднявшийся чертог
Разрушился, не встретив созиданья.
И как же благо обернулось для людей
Иною ипостасью отчужденья?
Или, напротив, генератором идей
Для многоликости в грядущем единенье?
Зачем же умирают языки?
И замирают в камне, на бумаге...
И исчезают, как материки,
Во времена всемирного потопа.
Где новый Ной и где его ковчег?
Где голубь с веткою, зажатой в клюве?
Где скиф, где гунн, хазар и печенег?
Их языки?.. Не поминаем всуе...
Как сохранить теперь нам нашу речь,
Когда разрушились все стены древней башни?
Найти единство и его сберечь
Для зерен ежегодной общей пашни?..*

1.1. 2017.

ЗАПАХ ПОЛЫНИ

Моему сыну Ильясу

*Узнаю от друга и от брата,
Как давным-давно у них, в горах,
Родилось чеченское преданье,
Что кочует вольно на устах.

Некогда в Ичкерии остался
Храбрый воин, молодой калмык,
Ханский сын, и кем бы он ни звался,
К горцам постепенно он привык.

Красота горянки, дар джигита
Крепче всяких уз у кунака,
И уже из памяти изжита
Старая отцовская рука.*

*Хан обнять наследника мечтает –
Из степей гонцов с наказом шлет,
Но в пирах-охотах время тает,
Как под солнцем твердый горный лед.*

*И однажды мудрый хан, подумав,
Всаднику вручил не письма, не,
А мешочек маленький, упругий,
Чтобы вспомнил сын их имена.*

*И, когда в шатре своем тесемку
Развязал, не ведая, калмык, –
Сразу запах он узнал тот горький,
Что единствен, как родной язык.*

*Запах родины, степной, полынный,
Кустиком в ладони восстает,
Сизый цвет крылом своим орлиным
Манит в вечность – в синий небосвод.*

*Пряный запах лишь тому приятен,
Кто сравнит и выберет одно,
Этот запах тем теперь и знатен,
Что полынит память заодно.*

*Караван и войско – кони, люди –
К нам идут, домой, издалика,
А на белом вожаке-верблюде
Пахнет компасно, покоится трава...*

5-6 марта 2008

Известия Калмыкии. – 2008. – 29 марта. – С. 6.

*Римма Ханинова
(Галмакхойчов)*

САГАЛ-БЕЦАН ХЬОЖА

Сайн клантана Ильясана

*Хан дIаяларх, керла-карладохуш,
ТIаьхьенаша кар-кара а луш,
Мацах нохчийн ломахь хилла бохург
Суна юхадийцина а ду.*

*Элан клант цкъа цигахь сецна хилла,
Майра къонах, къона гIалмакхо.*

*Шена яккха муьлхха а цIе тилларх,
Вул-вулуш и воьлла ламанхойх.*

*ЙоI хазьеллехь, бахам кьонахчунна
Цул кхин хьоме-беза хирий-те?
ХьошалгIахь, дIахерлуш, йицло цунна
ЦIера уьйраш, нана, куьг а ден.*

*Да-м ву хьаьгна доггах марахьарчо
Шех схьадаьлла акхадаьлла са.
КIант цIавеха баханарш тIекхачарх,
Сих ца велла иза верза цIа.*

*Ойла кхиьна хьекьалечу элан:
Йозанехь кхин кост а ца луш, цо
Геланчига бую бохча делла,
Тудур долуш кIентан кхетамо.*

*ДIаяьстича бертиг гIалмакхочо –
Амал доцуш чухулара ган –
Маттал баиша, цхьаьница элур йоцу
Хьожса яра цунна евзинарг.*

*И, даймахка воьхуш, етталора,
Сагал-буц шIа буйнахь яьлачух,
Аьрзун тIемех са цо ийадора,
Ахка хьаьгна сенчу стиглан бух.*

*ДIара-дуста оьшучохь гIо хилла,
Даймахкарчу бецан хьожано
Денди изсехь матар тесна хилларг,
Ойланаи а самаехи цо.*

*Рема ялош, цIехьанехьа гIерташ,
Геннара схьабогIуш бу цхьа бIо,
Кьилбанах кIайн эмкал – цунна коьртехь,
Сагал-буц а цуьнца хаало...*

(Гочийинарг – Ахматукаев Адам)

VI. ПЕРЕВОДЫ РИММЫ ХАНИНОВОЙ

Владимир Высоцкий

ПРОЩАНИЕ

*Корабли постоят и ложатся на курс,
Но они возвращаются сквозь непогоду.
Не пройдет и полгода, и я появлюсь,
Чтобы снова уйти на полгода.*

*Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все, кроме тех, кто нужней.
Я не верю судьбе, а себе – еще меньше.*

*Но мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь – весь в друзьях и в мечтах,
Я, конечно, спою – не пройдет и полгода.*

1966

Владимир Высоцкий

САЛЖАҢАД МЕНДЛЛҮН

*Кермд зогсчаһад, дэкад өмэрэн йовна,
Кемр боран болв чигн, эдн хэрү ирнэ.
Өрэл жүил боллго, би хэрү ирхүв,
Өрэл жүилдэн шинэс дэкад йовхув.*

*Эңкр иньгүдэс наадкснь цуһар хэрү ирнэ,
Эңкр, итклтэ күүкд күүнэс наадкснь ирнэ,
Цуһар хэржү ирнэ, болв кергтэнь ирхи.
Эврэннь хөвдэн иткшүв, бийдэн – терүнэс бичкнэр.*

*Болв эн тиим биш гижү иткхэр бээнэв,
Болд кермд шатах ааль удл уга уурх зөвтэ.
Би эркн биш хэрү ирхүв – иньгүдтэ болн күслтэ,
Би эркн биш дуулхув – өрэл жүил боллгон.*

24-26.05.2014

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

*На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов
И Вечный огонь зажигают.*

*Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче – гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы –
Все судьбы в единую слиты.*

*А в Вечном огне – видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.*

*У братских могил нет заплаканных вдов –
Сюда ходят люди покрепче.
На братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?!*

1964 – 1965

АХ-ДҮҮҢИН ОРШАВРМУД

Ах-дүүһин оршаврмудт кирсмүд тэвхш,
Ах-дүүһин оршаврмудт белвсн гергд экрж уульхш,
Ах-дүүһин оршаврмудт кен чигн багла цецгэс авч ирнэ,
Мөңк һалыг тенд шатана.

Энд урднь һазр догдлла,
Эндр – боржңгин хавтха чолуд кевтнэ,
Энд онц күүнэ хув уга –
Энд олна хувмүд негдсн бээнэ.

Мөңк һалд – шатчах танк үзжәнэч,
Мел шатсн орсин гермүд үзжәнэч,
Шатсн Смоленск болн шатсн рейхстаг,
Шавта салдсин халун зүркн үзжәнэч.

Ах-дүүһин оршаврмудт уульсн белвсн гергд уга –
Арһ-чидлтэ улс нааран ирнэ.

Ах-дүүһин оршаврмудт кирсмүд тэвхш...
Зуг энүнэс амр болхий?!

17.01.2017 жил

АХ-ДҮҮҢИН ҮКЭР

*Ах-дүүһин үкэрт кирсмүд тэвхш,
Белвсн гергд экрэж уульхш,
Багла цецгэс кен чигн авч ирнэ,
Мөңк һалыг тенд шатана.*

*Энд урднь һазр арважсала,
Эндр – хавтха чолуд кевтнэ,
Энд онц күүнэ хув уга билэ –
Энд олн хувмүд ниилсн бээнэ.*

*Мөңк һалд – шатчах танк үзэжэнэч,
Мел шатсн орсин гермүд,
Шатсн Смоленск болн шатсн рейхстаг,
Шатсн салдсин зүркн үзэжэнэч.*

*Ах-дүүһин үкэрт уульсн белвсн гергд үзгдхш –
Арһ-чидлтэ улс нааран ирнэ.
Ах-дүүһин үкэрт кирсмүд тэвхш...
Зуг энүнэс амр болна?!*

Орчулснь Ханина Римма.

18.08.2017 жил

Скорина Франциск

На старобелорусском языке

*Понеже
от прирождения звери, ходяция в пустыни,
знають ямы своя,
птици, летающие по воздуху,
ведають гнезда своя;
рибы, плавающие по морю и в реках,
чуют виры своя;
пчелы и тым подобная бороняť ульев своих,
такo ж и люди,
и где зродилися
и ускармлиены суть по бозе,
к тому месту великую ласку имають.*

*Йиртмэжд төрснэсн авн
Өргн көдэд йовсн аңгуд
Онц ичәһән меднә;
Аһарт нисдг шовуд
Аглһ үүрән меднә;
Уснд өөмдг заһсд
Үүдсн эклцән тодлна;
Зөгмүд, болн
Зөргтә жсивртн,
Эврә бээрән харсцхана,
Эркн үүрән мартхи;
Әмтн бас тиим,
Әмдрлин һазран тодлна –
Хама төрскнд өссн,
Хадһлад, энүг темцнә.*

Орчулснь Ханина Римма болн Эльдишә Эрдни.

9.05.2013.

Хальмг үнн = Калм. правда. – 2015. – Февралин 17. – X. 4.

Максім Багдановіч

*Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы
У ціхую сінюю ноч
І сказаць:
«Бачыце гэтыя буйныя зоркі,
Ясныя зоркі Геркулеса?
Да іх ляціць наша сонца,
І нясецца за сонцам зямля.
Хто мы такія?
Толькі падарожныя, – папутнікі сярод нябёс.
Нашто ж на зямлі
Сваркі і звадкі, боль і горыч,
Калі ўсе мы разам ляцім
Да зор?»*

1915

*Я хотел бы на улице встретиться с Вами
В тихую синюю ночь,
Я хотел бы смотреть на созвездие с Вами
В эту тихую синюю ночь:
«Видите Вы эти яркие звезды,
Геркулеса на небе следы.
К ним летит наше чудное солнце,
И несется за солнцем земля.
Кто нам скажет, кто мы? Зачем?
Просто странники во Вселенной
Среди горя, боли, потерь.
На земле нашей распри и ссоры...
Но, скажите, зачем это нам,
Если мы, несмотря на раздоры,
К этим звездам вместе летим?»*

21-22.01.2017 г.

*Төвшүн көк сөөһәр уульнид
Танла би харһхар седләв,
Танд би келхәр йовлав:
«Герлтә эн оддуд үзжәнт,
Геркулесин сарул оддуд үзжәнт?
Тиигәрән мана нарн нисжәнә,
Тер нарна ардас һазр хурдарн гүүнә.
Тиигхлә, бидн кен болжсахмб?
Мел һазр төгәлх улс,
Мел теңгр дунд хаалһинь хань.
Юңгад бидн эврә һазрт
Юунд чигн керүл тарханавидн,
Юңгад кенә чигн седкл зованавидн,
Кемр бидн цугтан нег цагла
Ке-сәәхн оддуд тал нисжәнәвидн?»*

21-22.01.2017 г.

MY GOLDEN BENGAL

*My beloved Bengal
My Bengal of Gold,
I love you.
Forever your skies,
Your air set my heart in tune
As if it were a flute.*

*In spring, O mother mine,
The fragrance from your mango groves
Makes me wild with joy,
Ah, what a thrill!
In autumn, O mother mine,
In the full blossomed paddy fields
I have seen spread all over sweet smiles.*

*Ah, what beauty, what shades,
What an affection, and what tenderness!
What a quilt have you spread
At the feet of banyan trees
And along the banks of rivers!*

*Are like nectar to my ears.
Ah, what a thrill!
If sadness, O mother mine,
Casts a gloom on your face,
My eyes are filled with tears!*

МИНИ АЛТН БЕНГАЛИЯ

*Мини эңкр Бенгалия,
Мини алтн Бенгалия,
Би чамдан дуртав.
Онъдинд чини теңгр,
Онъдинд чини аһар
Мини зүркнә айсинь
Мел көг орулна,
Би лимб эднд болнав.*

*Хавртнь, экм минь,
Чини манго садас үнр
Чаңһар намаг зерлг кенә:
Чамд байрлжанава, седкл көдлнә.
Намртнь, экм минь,
Тегш һазрт цецгәрсн
Тутрһт хама болн чигн
Би әмтәхн инәмсклһн үзләв.*

*О, ямаран сәәхн, ямаран сүүдр,
Ямаран седклән өглһн, ямаран өкәрллһн,
Ямаран көнжл чи делглнәч
Баньян модн дор,
Һолын көвәд дахад белглнәч!*

*Эн аршан мини чикнә хужр болх.
Эн ямаран санан зовх!
Кемр гейүрхлә, экм минь,
Чини чирә харңһухла,
Чавас, мини нүдн нульмсарн дүүрх!*

23.05.2018.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДАМ РИММЫ ХАНИНОВОЙ

Владимир Высоцкий. Прощание // Высоцкий В.С. и др. Я выбираю свободу / А.А. Галич, Б.Ш. Окуджава. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1990. – С. 13-14.

Владимир Высоцкий. Салжаһад мендлһн // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.wysotsky.com/7260.htm?1>

Владимир Высоцкий. Братские могилы // Высоцкий В.С. и др. Я выбираю свободу / А.А. Галич, Б.Ш. Окуджава. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1990. – С. 13.

Владимир Высоцкий. Ах-дүүһин оршаврмуд // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.wysotsky.com/7260.htm?2>

Владимир Высоцкий. Ах-дүүһин үкэр. Второй вариант перевода. Публикуется впервые.

Францыск Скарына. «Понеже...» // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=221351&p=1>

Скорина Франциск. «Йиртмжд төрснэсн авн...». Орчулснь Ханина Римма, Эльдшэ Эрднь // Хальмг үнн = Калм. правда. – 2015. – Февралин 17 (№ 26). – Х. 4; Францыск Скарына на мовах народаў свету. – Мінск: Звезда, 2014. – С. 50; Францыск Скарына на мовах народаў свету / уклад. А. Карлюкевіч; прадм. Алеся Сушы; пасляслоўе Алеся Карлюкевіча. – Выд. другое, дапоўн. – Мінск: Звезда, 2016. – С. 52.

Максім Багдановіч. «Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...» // Максім Багдановіч. Я не самотны...: успаміны, артыкулы, вершы, пераклады / укладальнік Віктар Шніп. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2016. – С. 279.

Максим Богданович. «Я хотел бы встретиться с Вами на улице...» // Хальмг үнн. – 2017. – Февралин 4. – Х. 4.

Максим Богданович. «Төвшүн көк сөөһэр уульнцд...» // Хальмг үнн. – 2017. – Февралин 4. – Х. 4.

Rabindranath Tagore. My golden Bengal. Электронный ресурс.

Рабиндранат Тагор. Мини алтн Бенгалия. Публикуется впервые.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
--------------------------	----------

I. Статьи Р.М. Ханиновой

Поэтика вещи в современном русском рассказе («Стул» Нины Садур)	4
Калмыцкая тема в лирике русских поэтов (А. Гатов, А. Решетов, В. Лозин)	9

II. ВКР

Ханинова Р.М., Конеева Е.В.

Русско-калмыцкие литературные контакты 1920-х годов (на материале газеты «Красная степь»))	13
<i>Введение</i>	13
<i>Глава первая</i>	
Русско-калмыцкие литературные связи 1920-х годов: Астраханская область и Калмыкия	15
1.1. История калмыцкой печати: газета «Красная степь (1926-1929)	15
1.2. Астраханские и калмыцкие контакты в контексте литературного процесса 1920-х годов	20
Выводы	23
<i>Глава вторая</i>	
Калмыцкая тема в русской литературе 1920-х годов на страницах газеты «Красная степь»	24
2.1. Жизнь калмыцкой бедноты в прозе А. Бродяги («Пастушонок Бембе», «Извечная злоба»)	24
2.2. Судьба калмыцкой бедноты в лирике В. Винникова	28
2.3. Образ калмычки в повести М. Запрудного «Алагирь»	34
Выводы	36
<i>Заключение</i>	38
<i>Список литературы</i>	40

Ханинова Р.М., Бадмагоряева И.С.

Русско-калмыцкие литературные связи в сентябре 1940 г. (на материале газеты «Ленинский путь»))	43
<i>Введение</i>	43
<i>Глава первая</i>	
Юбилей героического эпоса «Джангар» в Калмыкии (по материалам газеты «Ленинский путь», 1940)	45
1.1. Хроника юбилейного праздника (по страницам газеты «Ленинский путь»))	45

1.2. Приветствия участникам юбилейного форума	52
Выводы по главе	56
Глава вторая	
Переводы калмыцкого эпоса «Джангар» на языки народов СССР и мира	56
2.1. Об истории русского художественного перевода калмыцкого эпоса «Джангар» в довоенный период	56
2.2. Об истории перевода калмыцкого эпоса «Джангар» на языки народов СССР и мира	61
Выводы по главе	66
Заключение	66
Список литературы	70
 Ханинова Р.М., Авшеева О.П.	
Введение	73
Первая глава	
Тема депортации в повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая»	75
1.1. Творческая история повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая»	75
1.2. Тема депортации в повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая»	79
Выводы	87
Вторая глава	
Тема депортации и сибирской ссылки в повести В. Хотлина «Осколки»	89
2.1. Творческая история повести В. Хотлина «Осколки»	89
2.2. Тема сибирской ссылки в повести В. Хотлина «Осколки»	94
Выводы	103
Заключение	104
Список литературы	106
 Ханинова Р.М., Бочаева М.С.	
Русская народная сказка «Волшебное кольцо» и повесть О. Манджиева «Приключения Эльзятки в мышинном государстве» в аспекте фольклорной традиции	
Введение	109
Первая глава	
Поэтика раннего рассказа Олега Манджиева в аспекте фольклорной традиции	113
1.1. Поэтика рассказа О. Манджиева «Змея» в аспекте фольклорной традиции	113
1.2. Поэтика рассказа О. Манджиева «Скачки» в аспекте фольклорной традиции	118

Выводы по первой главе	121
Вторая глава	
Поэтика повести-сказки О. Манджиева «Приключения Эльзятки в мышином государстве» в аспекте фольклорной традиции («Волшебное кольцо»)	122
2.1. Поэтика повести-сказки О. Манджиева «Приключения Эльзятки в мышином государстве»	122
2.2. О функции волшебных помощников и предметов в русской народной сказке «Волшебное кольцо» и ее традиции в повести-сказке О. Манджиева	131
Выводы по второй главе	134
Заключение	135
Список литературы	138

III. Рассказы Риммы Ханиновой

Ханинова Р. Из цикла «Военная быль»

Материнский хлеб	141
Пуля	142
Сан Саныч	145
Собака	148
Печник	150
Партизанская мадонна	156
Картина	160
Знамя	164

Из цикла «Сибирская быль»

Мамины рассказы о сибирском детстве	169
Заяц на счастье	177
Бутылка	181

IV. Статьи и тезисы о прозе Р. Ханиновой

Ничипоров И.Б. Русскоязычная военная новеллистика Риммы Ханиновой: поэтика вещных образов	185
Иванова О.И. Рассказ Р. Ханиновой «Пуля»: источник и авторское воплощение	188
Конеева Е. Военная тема в современной калмыцкой прозе: рассказ Р. Ханиновой «Партизанская мадонна»	193
Конеева Е. Поэтика рассказа Риммы Ханиновой «Партизанская мадонна»	195
Конеева Е. Тема военного детства в современной русскоязычной прозе Калмыкии: рассказ Риммы Ханиновой «Сан Саныч»	200
Конеева Е. Поэтика рассказа Риммы Ханиновой «Бутылка» о депортации и сибирской ссылке	203

V. Стихи Риммы Ханиновой

Сайгачыи вдовы	208
Поезд Москва-Воронеж	209
Вавилонская башня	211
Запах полыни	211
Сагал-бецан хьожа. Перевод на чеченский язык Адама Ахматукаева	212

VI. Переводы Риммы Ханиновой

Владимир Высоцкий. Прощание	214
Владимир Высоцкий. Салжаһад мендлһн	214
Владимир Высоцкий. Братские могилы	215
Владимир Высоцкий. Ах-дүүһин оршаврмуд	215
Владимир Высоцкий. Ах-дүүһин үкәр	216
Францыск Скарына. «Понеже...»	216
Скорина Франциск. «Йиртмжд төрснәсн авн...». Орчулснь Ханина Римма, Эльдшә Эрднь	216
Максім Багдановіч. «Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...»	217
Максим Богданович. «Я хотел бы встретиться с Вами на улице...»	218
Максим Богданович. «Төвшүн көк сөөһәр уульнцд...»	218
Rabindranath Tagore. My golden Bengal	219
Рабиндранат Тагор. Мини алтн Бенгалия	220

Ханинова Римма Михайловна

**РУССКАЯ И КАЛМЫЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX-XXI ВЕКОВ:
ЖАНР, КОНФЛИКТ, ГЕРОЙ**

Учебное пособие

Подписано в печать 15.05.2018.

Формат 60х84/16. Усл. п. л. 13,25.

Тираж 100 экз. Заказ 3758.

Издательство Калмыцкого университета
358000 Элиста, ул. Пушкина, 11